

**САМАРСКИЙ
ПОЛИТЕХ**
Опорный университет

ISSN 2658-7750 (Print)
ISSN 2782-4268 (Online)

<https://journals.eco-vector.com/2658-7750>

ВЕСТНИК

Самарского государственного
технического университета

Серия «ФИЛОСОФИЯ»

VESTNIK

of Samara State
Technical University

Series "PHILOSOPHY"

Том
Volume **7**

№
No. **3**

2025

ВЕСТНИК

Самарского государственного технического университета

Серия «ФИЛОСОФИЯ»

2025

Том 7

№ 3

Научный рецензируемый журнал по философии
Издается с 2019 года. Выходит 4 раза в год

Учредитель:

ФГБОУ ВО «Самарский
государственный технический
университет»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия,
свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС 77-75250 от 07.03.19

Индексация:

РИНЦ (Science Index)
Cyberleninka

Адрес издателя и редакции:

Адрес: 443100, г. Самара,
ул. Молодогвардейская, 244,
главный корпус

E-mail: vestnik.filosofii@yandex.ru
Тел.: +7 (846) 339-14-95

Распространяется по подписке:
Подписной индекс в каталоге
«Пресса России» – И 41340

Формат 70 × 108/16. Усл.-печ. л. 11,73.
Тираж 500 экз. Цена свободная

Редактор Т.Г. Воробьева
Компьютерная верстка Н.А. Козырева

Рег. № 194/25

Отпечатано в типографии Самарского
государственного технического
университета. 443100, г. Самара,
ул. Молодогвардейская, 244. Корпус № 8
Заказ № 412

Подписано в печать 11.12.25
Выход в свет 23.12.25

Полное или частичное воспроизведение
материалов, содержащихся в настоящем
издании, допускается только с письменного
разрешения редакции, ссылка на журнал
обязательна

© Авторы, 2025

© ФГБОУ ВО «Самарский государственный
технический университет», 2025

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

А.А. Шестаков, д-р филос. наук, проф.
(Самара, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В.Б. Малышев, д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

И.С. Панин, старший преподаватель (Самара, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А.В. Голубев – д-р филос. наук (Уральск, Республика Казахстан)
И.И. Докучаев – д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург, Россия)
В.В. Костецкий – д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург, Россия)
В.И. Кудашов – д-р филос. наук, проф. (Красноярск, Россия)
А.Ф. Кудряшев – д-р филос. наук, проф. (Уфа, Россия)
В.И. Миськевич – канд. филос. наук, доц. (Минск, Республика Беларусь)
В.П. Филатов – д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия)
Л.М. Фридман – д-р техн. наук, проф. (Мехико, Мексика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.А. Шестаков – д-р филос. наук, проф. (главный редактор) (Самара, Россия)
Е.В. Бакиштова – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)
Б.Л. Губман – д-р филос. наук, проф. (Тверь, Россия)
И.В. Дёмин – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)
В.Б. Малышев – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)
А.Ю. Нестеров – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)
В.А. Нехамкин – д-р филос. наук, проф. (Москва, Россия)
Э.А. Тайсина – д-р филос. наук, проф. (Казань, Россия)
В.Т. Фаритов – д-р филос. наук, доц. (Самара, Россия)
А.А. Хамидов – д-р филос. наук, проф. (Алма-Ата, Республика Казахстан)
М. Чарноцкая – Ph.D., Prof. (Варшава, Республика Польша)
М.В. Юсупова – Ph.D. (Ланкастер, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии)
М. Накамура – Ph.D. Prof. (Осака, Япония)
М.Р. Диско-Шуман – канд. филос. наук, доц. (Минск, Республика Беларусь)

VESTNIK of Samara State Technical University

Series "PHILOSOPHY"

2025
Volume 7
No. 3

SCIENTIFIC PUBLICATION. Published since 2019. Four issues a year

Founders

Samara State Technical University
Registered in the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology and Mass
Communications (Roskomnadzor).
ПИ №ФС77-75250 of March 7, 2019

Indexation

Russian Science Citation Index
Cyberleninka

Editorial contact

Address: 244, Molodogvardeyskaya st.,
Samara, 443100,
Russian Federation
E-mail: vestnik.filosofii@yandex.ru
Tel.: +7 (846) 339-14-95

Subscription

Open Access for all users on website.
Print version is available via "Russian Post"
service with index **И 41340**

Editor *T.G. Vorobyova*
Computer layout *N.A. Kozyreva*

© Samara State Technical University, 2025

EDITOR-IN-CHIEF

A.A. Shestakov, Dr. of Sciences, Prof. (Samara, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITOR

V.B. Malyshev, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)

EXECUTIVE SECRETARY OF THE EDITORIAL BOARD

I.S. Panin, Senior Lecturer (Samara, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

A.V. Golubev, Dr. of Sciences (Uralsk, Republic of Kazakhstan)
I.I. Dokuchaev, Dr. of Sciences, Prof. (Saint Petersburg, Russia)
V.V. Kostetsky, Dr. of Sciences, Prof. (Saint Petersburg, Russia)
V.I. Kudashov, Dr. of Sciences, Prof. (Krasnoyarsk, Russia)
A.F. Kudryashev, Dr. of Sciences, Prof. (Ufa, Russia)
V.I. Miskevich, Candidate of Sciences, Assoc. (Minsk, Republic
of Belarus)
V.P. Filatov, Dr. of Sciences, Prof. (Moscow, Russia)
L.M. Friedman, Dr. of Sciences, Prof. (Mexico City, Mexico)

EDITORIAL BOARD

A.A. Shestakov, Dr. of Sciences, Prof. (Editor-in-chief) (Samara, Russia)
E.V. Bakshutova, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)
B.L. Gubman, Dr. of Sciences, Prof. (Tver, Russia)
I.V. Dyomin, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)
V.B. Malyshev, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)
A.Y. Nesterov, Dr. of Sciences, Assoc. (Samara, Russia)
V.A. Nehamkin, Dr. of Sciences, Prof. (Moscow, Russia)
E.A. Taysina, Dr. of Sciences, Prof. (Kazan, Russia)
V.T. Faritov, Dr. of Sciences, Assoc. (Ulyanovsk, Russia)
A.A. Khamidov, Dr. of Sciences, Prof. (Alma-Ata, Republic
of Kazakhstan)
M. Czarnocka, Ph. D., Prof. (Warsaw, Republic of Poland)
M.V. Yusupova, Ph. D. (Lancaster, United Kingdom of Great
Britain and Northern Ireland)
M. Nakamura, Ph. D., Prof. (Osaka, Japan)
M.R. Dysko-Shuman, Candidate of Sciences, Assoc. (Minsk,
Republic of Belarus)

© Authors, 2025

© Samara State Technical University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

■ ОБЩЕСТВО. КУЛЬТУРА. ЧЕЛОВЕК

Факторы сокрытия социокультурной сущности дома в их взаимосвязи	5
<i>Козырьков В.П.</i>	
От информационной этики к цифровому праву	15
<i>Казарян В.П., Косарев Е.А.</i>	
Сетевая культура современного информационного общества	28
<i>Баньковская Ю.Л.</i>	
Сублимация идентичности в контексте психоаналитической теории личности	37
<i>Севастов К.В.</i>	

■ ФИЛОСОФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ НАУКИ

Эстетика и эстетическая гносеология как предмет теории познания в области инженерии	48
<i>Коломиец Г.Г.</i>	
Феноменология intersubjectивности и когнитивная архитектура общего искусственного интеллекта	58
<i>Дунаев В.Ю., Курганская В.Д.</i>	
Чтение, письмо, взгляд: философия знания	66
<i>Костецкий В.В.</i>	

■ ФИЛОСОФЫ РОССИИ: ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Историко-философский очерк об исследованиях социально-техногенного развития мира	79
<i>Захарова Л.И.</i>	

■ АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

К вопросу о соотношении советской и русской религиозной философии	91
<i>Филатов Т.В.</i>	

■ ТРИБУНА АСПИРАНТА

Проблематика искусственного интеллекта в информационно-техногенном обществе	100
<i>Тюкаева Г.А.</i>	
Рождение философии из генезиса трагедии	118
<i>Дрозденко А.С.</i>	
Наши авторы	128
Правила представления авторами рукописей в журнал «Вестник СамГТУ». Серия «Философия»	130

CONTENTS

■ SOCIETY. CULTURE. PERSON

Factors of concealment of the socio-cultural essence of the house in their interrelation	6
<i>Kozyrkov V.P.</i>	
From information ethics to digital law	16
<i>Kazaryan V.P., Kosarev E.A.</i>	
Network culture of the modern information society	29
<i>Bankovskaya Yu.L.</i>	
Sublimation of identity in the context of psychoanalytic theory of personality	38
<i>Sevastov K.V.</i>	

■ PHILOSOPHY AND METHODOLOGY OF SCIENCE

Aesthetics and aesthetic gnoseology as a subject of cognitive theory in the field of engineering	49
<i>Kolomiets G.G.</i>	
Phenomenology of intersubjectivity and cognitive architecture of artificial intelligence	59
<i>Dunaev V.Yu., Kurganskaya V.D.</i>	
Reading, writing, vision: a philosophy of knowledge	67
<i>Kostetsky V.</i>	

■ PHILOSOPHERS OF RUSSIA: LIFE AND WORKS

Historical and philosophical essay on the research of socio-technological development of the world	80
<i>Zakharova L.I.</i>	

■ ACTUAL PROBLEMS OF RUSSIAN PHILOSOPHY

To the question of the relationship between Soviet and Russian religious philosophy	92
<i>Filatov T.V.</i>	

■ GRADUATE STUDENT TRIBUNE

The problems of artificial intelligence in the information and technogenic society	101
<i>Tyukaeva G.A.</i>	
The birth of philosophy from the genesis of tragedy	119
<i>Drozdenko A.S.</i>	
Our authors	128
Requirements for manuscript submission to the journal "Vestnik SamSTU. Series: Philosophy" by authors	130

УДК 02.41.41+ УДК 316.7

ФАКТОРЫ СОКРЫТИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СУЩНОСТИ ДОМА В ИХ ВЗАИМОСВЯЗИ

В.П. Козырьков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Поступила в редакцию: 29.09.25

В окончательном варианте: 07.10.25

Аннотация. Феномен дома в последние десятилетия приобретает новый смысл и становится актуальным объектом философских, научных и системных исследований. Автор статьи предлагает рассмотреть дом с социокультурной точки зрения диалектической направленности, поскольку такой подход позволяет рассмотреть самое известное и многообразное явление как целостную систему общества. Только вместо традиционной метафоры «идолов» познания, которой оперировал Ф. Бэкон в раскрытии причин, мешающих познать сущность явлений, предлагается метафора «стражи дома», которая показывает активность и многообразие действующих причин. Эти стражи охраняют сущность дома не как локальное пространство, а как универсальную социокультурную систему общества, которая до сих пор скрывается за стереотипами обыденного сознания, специальными дисциплинами, интуицией и практикой домостроения. Поэтому ставится цель: выявить гносеологических стражей дома в их взаимосвязи. В этом автор видит новизну своей цели и полученных результатов анализа. В статье показано, что наибольшей сдерживающей силой, не позволяющей раскрыть сущность дома как социокультурной целостной системы, являются стереотипы. Устойчивыми и явными стражами социокультурной сущности дома являются многообразные дисциплинарные и практические определения дома. Скрытым фактором сокрытия социокультурной сущности дома является интуиция. И это не случайно. Дело в том, что сама интуиция как форма познания формируется духовным опытом домостроения, способностью дома быть исходной точкой ориентации в мире и его познания. В процессе раскрытия целостной социокультурной природы дома противоречивое значение приобрели цифровые технологии, позволяющие выступать социокультурной моделью системы домов и одновременно вытеснять человека из реальной социокультурной системы домов, тем самым приводить к утрате человеком реальной субъектности. Предлагаемый социокультурный подход к раскрытию факторов сокрытия сущности и взаимосвязи домов как системы позволяет скорректировать стратегию решения жилищной проблемы в обществе. Анализируются перспективы исследования современных информационных технологий в сокрытии и в раскрытии сущности дома как социокультурной системы общества. Материалы статьи рекомендуются к использованию при разработке проектов домостроения различных уровней.

Ключевые слова: дом, социокультурный анализ, диалектика, стереотипы, дисциплина, интуиция, культура, общество.

FACTORS OF CONCEALMENT OF THE SOCIO-CULTURAL ESSENCE OF THE HOUSE IN THEIR INTERRELATION

V.P. Kozyrkov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

Original article submitted: 29.09.25

Revision submitted: 07.10.25

Abstract. The phenomenon of home has acquired a new meaning and becomes a relevant object of philosophical, scientific and systemic research. The article proposes to analyze the house from the sociocultural point of view of dialectical orientation. This approach allows us to consider the most famous and diverse phenomenon as an integral system of society. But instead of the traditional metaphor of “idols” of cognition, which hinder the cognition of the essence of phenomena, the metaphor of “guards of the house” is proposed, which shows the activity and diversity of acting causes. These guards protect the essence of the house as a universal sociocultural system of society, not as a local phenomenon. So far, this essence is hidden by stereotypes of ordinary consciousness, special disciplines, intuition and house-building practice. Therefore, the aim is set: to reveal the epistemological guardians of the house in their interrelation. In this the author sees the novelty of his goal and the obtained results of the analysis. It is shown that stereotypes are the greatest restraining force that does not allow to reveal the essence of the house as a socio-cultural integral system. The explicit guardians of the sociocultural essence of home are the manifold disciplinary and practical definitions of home. The hidden factor in concealing the sociocultural essence of the house is intuition. The fact is that intuition itself as a form of cognition is formed by the spiritual experience of house-building, the ability of the house to be the starting point of orientation in the world and its cognition. In the process of revealing the integral sociocultural nature of the house, digital technologies have acquired a contradictory significance: they allow to act as a sociocultural model of the house system and, at the same time, to displace a person from the real sociocultural system of houses. As a result, the human being loses his real subjectivity. The sociocultural approach to revealing the factors of concealing the essence of the interconnection of houses allows us to adjust the strategy of solving the housing problem in society. The prospects of research of modern information technologies in concealing and in revealing the essence of the house as a sociocultural system of society are shown. The materials of the article are recommended for use in the development of house building projects of various levels.

Keywords: home, sociocultural analysis, dialectic, stereotypes, discipline, intuition, culture, society.

На уровне обыденного сознания принято считать, что дом есть лишь укрытие от непогоды, от врагов, от досужего внимания общественности, от раздражающего воздействия среды обитания и др. По генезису этой укрывающей и оберегающей функцией дом человека схож с норами животных и гнездами птиц. В философии феноменология дома стала выдаваться за онтологию, то есть за уровень познания, который призван раскрывать сущность дома. Но этого не происходит, так как онтология дома скрыта в мифических и стереотипных представлениях.

Онтологически дом есть сложное и противоречивое явление, а не только психофизиологическое и не просто архитектурно-инженерное сооружение. Существует много разных видов домов. Индивидуальный жилой дом есть часть общей домовой структуры общества, имеющей связь с природной средой и с общественной структурой общества, включающей в себя экономические, политические, социальные, правовые и, главное, собственные сети отношений социокультурного характера. Возникает вопрос: каковы факторы, которые до сих пор выступают в роли стражей этой целостной социокультурной структуры дома, являющейся не только «манифестацией духа», по мнению О. Нимейера в изложении М. Громова [1, с. 73], но и пространством социокультурного бытия человека, предметным выражением социальной структуры общества в виде многообразия зданий разного типа и достоинства?

Поскольку дом есть сложная структура, образующая социокультурную сеть общества, с установкой на сокрытие этой структуры возникает множество гносеологических стражей сущности дома. Возникают стражи не только индивидуального замкнутого пространства, которое становится недоступным для всех, кто является нежелательным для обитателей дома, но и его связей с обществом, культурой. И неважно, каков этот страж: в виде расщелины неприступной скалы, глубокой землянки с узким входом, непробиваемых дверей и решеток, секретных замков, электронной системы сигнализации, специальных животных или людей, которые стоят на входе в укрытие и никого не впускают. Но это все внешние стражи, которые «стоят у ворот», а проблема в том, что складывается целая армия стражей, которые укрывают социокультурное существо дома как структуры общества. То есть это такие стражи, которые имеют латентный способ существования и обнаруживаются только в ходе теоретического анализа. Пространство дома на практике считается немислимым без стражей, но в философии сложилась ситуация, при которой дом получил укрытие своей сущности. Возник «дом» представлений, укрывающих домовую структуру общества, составляющих гносеологическое укрытие самого реального укрытия. Дом «боится» раскрытия его сущности. Поэтому мы назовем укрывающие факторы стражами.

Цель статьи – рассмотреть взаимосвязь гносеологических стражей дома как целостной социокультурной системы.

Методология – социокультурный анализ диалектической направленности.

Стереотипы как укрытие и консервация существа дома

Способность стереотипов скрывать существенные свойства дома выражена в наибольшей степени, так как именно между человеком и домом существуют прочные и устойчивые взаимосвязи, выраженные в повторяющихся духовных формах. Но имеется в виду индивидуальный дом, а не домашняя структура общества. Индивидуальный дом назван даже «органопроекцией» человека [2]. Однако в этом случае не учитывается проекция социокультурных факторов в структуре дома. Они невидимы, чувственно не воспринимаются. Но индивидуальные стереотипы о доме

циркулируют в общественном сознании интенсивно, так как каждому понятны и близки. Агностическая функция индивидуального стереотипа, укрывающая социокультурную сущность дома, выражается в том, что на всеобщее обозрение и признание (своеобразный гносеологический фасад) выставляются внешние характеристики индивидуального дома, а сущностная структура дома, связывающая его с социокультурным существом человека, с культурой и обществом, тщательно скрывается за ширмой знаний, имеющих статус здравого смысла, как и все стереотипы.

Здравомыслящему человеку всегда все ясно, он ни в чем не сомневается, опираясь на очевидные значения и банальные смыслы. Так, каждый человек со здравым смыслом не сомневается, что дом – это укрытие, обеспечивающее безопасное и комфортное проживание. Но не менее очевидным считается и то, что дом – это пространство, которое выстраивается в соответствии с параметрами человека и его представлениями о красоте, то есть является антропоморфным и архитектурным сооружением.

Или другой стереотип: представление о том, что сущность семьи может быть раскрыта в отдельности от дома. Семья – отношения супругов и детей, а дом – пустое пространство (помещение), в котором все эти отношения лишь «помещаются». Между тем практика обретения жилища, насыщения его элементами культуры, взаимосвязь его с инфраструктурой и социальными институтами есть одновременно и практика формирования и развития семьи. Если жилой дом есть пространство, в котором организовано протекает семейная жизнь человека, то отсутствие жилища является реальной угрозой существованию семьи [3, с. 28–72].

Профессионально-дисциплинарное сокрытие социокультурной природы жилища

Дисциплинарный подход в социальной науке используется широко, но дом есть целостное явление. И если не раскрывается внутренняя взаимосвязь определений дома в разных дисциплинах, то изолированный дисциплинарный подход выступает средством сокрытия социокультурной сущности дома. Например, в БСЭ о жилище сказано просто: «Жилище – одно из основных материальных условий существования человека» [4]. Кажется бы, утверждение бесспорное, но выраженное лишь в рамках экономического подхода, что делает это определение ограниченным в понимании сущности дома.

В «Гуманитарном словаре» дается определение жилища как явления культуры, но с подчеркиванием того, что это «убежище»: «жилище – естественное или искусственное убежище человека для защиты от внешней среды, для сна, отдыха, приема пищи и др.» [5]. Однако характер жилища определяется не только требованием безопасности, но и формой проживания, сложившейся культурой проживания, связями с обществом. Кроме того, существует не только физическая, социальная, но и духовная безопасность [6]. Жилище изначально существует как особый социальный институт, который встраивается не только в природную среду, но и в общественные отношения, в духовную сферу.

Для строителей дом есть сооружение с определенными архитектурными и инженерными параметрами. В исследованиях историков архитектуры [7–8] можно ознакомиться с типами жилищ различных исторических эпох и народов, с разными элементами жилища, которые имеют неодинаковую степень значимости для человека. Однако жилище в них рассматривается как явление мифическое, религиозное, мистическое, военное, политическое, но только не как явление социокультурное, являющееся способом формирования, воспроизводства и развития человека [9]. В частности, важно

понять, какую роль играли в этом процессе стены, двери, крыша и другие элементы жилища [10, с. 143–182]. Оценка жилища как инженерного сооружения позволяет строить все более комфортные здания, что не избавляет общество от мифологизации дома, так как неясна его связь с культурой общества. Эти мифы получают статус неприкосновенных, как и сам дом.

Экспертами в жилищной сфере считаются юристы вкупе с риелторами. Но для них жилище есть лишь «недвижимость» наряду с другой недвижимостью в качестве объекта собственности. Поэтому авторы правовых определений жилища перечисляют элементы жилища как товар, фиксируют принадлежность его субъекту проживания, но ничего не говорят о соотношении с человеком и культурой, кроме повторения общей мысли, что жилище есть место, где люди проживают. Выделяемые признаки (расположение, изолированность, благоустроенность и др.) не определяют жилище как целостный социокультурный объект.

Кроме того, наделение жилища признаком изолированности бессмысленно, так как при этом не выделяются многообразные связи жилища с другими домами, инфраструктурами, различными социальными институтами и организациями. Юристы и риелторы этими категориями не оперируют. Признак «недвижимости», состоящий в том, что при перемещении жилище утрачивает свои существенные свойства, не может быть отделен от мобильности жилища. Это признак, который присущ жилищу кочевых народов, а сейчас становится важным и для современных жилищ мобильного типа [11, с. 190–230]. Что касается благоустроенности, то этот признак, несмотря на строительные стандарты, расплывчат, социально относителен, социально и личностно обусловлен, чтобы можно было говорить о каком-то устойчивом содержании.

Таким образом, специальных знаний о доме достаточно, чтобы построить жилище, но недостаточно для того, чтобы обжить жилище, сделать его своим не юридически, а личностно, социально, духовно. Пока что мы довольствуемся узковедомственным, юридическим, а не социокультурным пониманием жилищной проблемы, преодолевающим мироощущение бездомности, которое посещает и тех, у кого есть прекрасное и благоустроенное жилище.

Дом за ширмой интуиции

Можно сделать предварительный вывод, что стереотипы и специальные дисциплины стерегут дом от опыта его диалектического объяснения, сводя к мистике, банальностям и односторонностям. Но за всеми эти стражами стоит интуиция, к которой обращается наше «Я» для получения быстрого ответа на возникающие вопросы о сущности доме. Важно, чтобы дом существовал, а его познание не обязательно, не имеет смысла. И так всем ясно: дом есть место для проживания, заходи – и живи. Не задается же таким вопросом кошка. Но человек – не кошка. Человек стремится раскрыть сущность своего дома. Как вопрошала А. Ахматова в «Подвале памяти», «И кот мяукнул. Ну, идём домой! / Но где мой дом и где рассудок мой?». Этот же вопрос, но иначе поставил до А. Ахматовой А.С. Пушкин в «Медном всаднике»: «Вот место, где их дом стоит; / Вот ива. Были здесь ворота – / Снесло их, видно. Где же дом?». В поэзии вопрос «Где же дом?» поставлен раньше, чем в философии, но интуитивно. Попробуем взглянуть на существо стражей дома с этой стороны.

Философ В.Ф. Асмус считал, что интуиция порождается одной из способностей человека – зрением. «Так как из всех внешних чувств наиболее важным для познания является зрение, – утверждал он, – всякое прямое, или непосредственное,

усмотрение истины получило название «интуиции» – от латинского слова *intuitus*, буквально означающего «созерцание», «усмотрение», «видение», то есть усмотрение с помощью зрения» [12, с. 7].

Выделяются различные виды интуиции, но для раскрытия ее связи с домом важно обратить внимание на первичную форму интуиции, на «усмотрение с помощью зрения». Но эта способность человека является и первичной основой построения дома. В доме должны быть окна для обзора окружающей территории, наполнения дома светом и свежим воздухом. В итоге дом становится нулевой точкой координат для ориентации в окружающем природном и социальном мире. Все эти характеристики дома и становятся объективным источником интуиции. Обитание в доме и восприятие мира из дома и порождает ощущение, что человек знает определенный объект непосредственно. Это подтверждает и тот факт, что дом антропоморфен, а структура познания является слепком со структуры дома. Можно сказать, что свой дом человек знает как свою «кожу», как свою внешнюю оболочку. Затем способ непосредственного знания дома и себя как дома распространяется на явления и процессы в мире в целом.

Домоустроительные истоки интуиции нашли научное подтверждение. В частности, в теории экологической оптики американского психолога Дж. Гибсона. Детально разбирая структуру поверхности земли и возникающие при этом виды освещенности и перспективы, Дж. Гибсон приходит к выводу, что зрение человека в том виде, в каком оно существует, было бы невозможно без исторически сложившейся структуры земной поверхности. Дж. Гибсон пишет: «Когда в ходе передвижения с исследовательской целью различные перспективные виды оказываются выстроенными в определенном порядке, становится понятной инвариантная структура дома, города и всего места обитания в целом. Спрятанное и неспрятанное становятся единым окружением. Таким образом можно воспринимать и землю, загроможденную различными предметами и простирающуюся вплоть до горизонта, и само это загромождение. В результате появляется ориентированность в окружении» [13, с. 291]. Дом есть организованное человеком пространство распределения света в соответствии с освещенностью природной среды, собственной природой и отношениями между людьми. Прежде чем стать «застывшей музыкой», дом в архитектурном отношении вначале стал пойманным и распределенным в соответствии со зрительной способностью человека и солнечным светом. Дом есть продукт развития оптической способности человека, дающей человеку возможность ориентироваться в окружающем природном и, добавим, в социальном пространстве. Таким образом, интуиция имеет не психическую природу [14], а социокультурную, домашнюю: по генезису обусловлена построением и развитием дома.

Виртуальное социокультурное пространство вытесняет реальный жилой дом

Высокие информационные технологии пока мало что добавили к чувственному познанию дома, не погружая кругозор человека в действительное социокультурное пространство дома. Если оно и расширяется, то в рамках той базы чувственных данных, которые имеют вторичный и преобразованный характер по законам цифровизации. Круг домопознания опять замыкается на интуитивном индивидуальном сознании человека, но уже безмерно расширенном, так как цифровые технологии позволяют конструировать и наращивать искусственную чувственную ткань бытия и выдавать ее за реальную. Поэтому если здесь образ дома и развивается, то в условной, игровой форме, а не в социокультурной. Познание дома тоже становится игровым,

требующим от «жильца» лишь формального знания правил проживания в виртуальном домашнем пространстве. Таким образом, сознание по форме становится виртуальным, но по содержанию остается интуитивным, дополняемым, как и до эпохи Интернета, такими его формами, как стереотипы, мифы, мистика, и другими иррациональными формами познания. Этими духовными формами, которые называют «информационным мусором», насыщен Интернет. Это значит, что этот «мусор» есть определенная компенсация тех реальных социокультурных элементов, которых человек не имеет в реальной жизни, но нуждается в них. Эта нужда, потребность объясняет возникающую зависимость человека от Интернета: для того чтобы видеть мир вне индивидуального дома и жить в нем, человек еще крепче привязывается к реальному жилищу, где стоит компьютер, не выходит из него, так структура реального дома подчиняется виртуальному его аналогу [15].

Кроме того, для современных СМИ, СМК и высоких информационных технологий все границы, стены жилища и стражи дома не являются преградой. Наоборот: они являются желанным укрытием, в пространстве которого все современные медийные средства «чувствуют» себя как дома. Но так они чувствуют себя не потому, что дом рассматривается как явление, тождественное человеку, а потому, что они погружены в публичную структуру дома, которую сам его жилец не замечает, не видит как социокультурное явление, считая стены своего жилища границами своего дома. Большие социокультурные границы обнаруживаются лишь теоретически и... мошенниками, создающими в скрытом для жильцов социокультурном пространстве инструменты для вымогательства, шантажа и буллинга.

Утрата человеком субъектности

Наиболее общей причиной сокрытия дома как целостной социокультурной системы является утрата им действительной субъектности.

Человек, лишенный своей реальной пространственной субъектности в публичной сфере, расценивается лишь как формальный субъект, как «актор», «агент», способный к восприятию информации (реципиент) и к вступлению в коммуникацию: как абонент, слушатель, зритель, телезритель, пользователь. Общую функцию субъекта в социальных коммуникациях в этом случае на себя принимает индивидуализированное жилище. Это выражается в том, что отсутствие такого жилища становится причиной отказа от признания за определенным человеком признаков субъектности: нельзя поставить телефон, провести сетевой кабель, обложить налогами и т. д. Бездомный человек обладает наиболее низким социальным статусом. Хотя этой основной тенденции противостоит противоположная – развитие дистанционного обучения, расширение класса фрилансеров, расширение сетевых сообществ и других социальных структур, использующих цифровые технологии.

Стремление человека к реабилитации своей субъектности приводит к радикальной идее о большом или мобильном доме, которая получила сейчас свое реальное воплощение в России в виде особняков-крепостей, гигантских яхт, дворцов в разных частях света, частных самолетов, спутниковых тарелок, в постоянной возможности выезда за границу для части людей и др. Для остальной массы населения это стремление получило реализацию виртуально, в Интернете. Причем в такой степени радикальности, что субъектность начинает приобретать гипертрофированные и отчужденные формы.

В таких отчужденных формах субъектности уже сложно разглядеть контуры реальных элементов домашней структуры. Скрывать тайну того и другого позволяет

эстетизация общественных отношений и культуры с помощью СМИ и Интернета. Эстетизированная форма дома в виртуальном пространстве является уже символическим отражением реального отчуждения дома в виде социальной сегрегации и усиления процессов, приводящих к глобальной бездомности, когда разрушаются универсальные социокультурные системы дома. На помощь приходит эстетизация бездомности. Бездомность представляется домом.

То, что человек способен в социальной деятельности проделать реально, он сейчас проделывает только виртуально, а если точнее – эстетически. Виртуальная реальность есть лишь эстетическо-технологический способ существования формы социального бытия человека, разворачивающейся в домашнем пространстве, но принимающей публичную форму через информационную систему Интернета. Появление Интернета окончательно затенило целостную социокультурную природу дома человека. Человека устраивает, что это существо дома приходит к нему в его индивидуальное жилище через Интернет, так что он уже может не проявлять свою социальную природу за его стенами, чтобы сделать универсальную социокультурную форму своего дома реальной, а не виртуальной.

Заключение

В результате разнообразных процессов сокрытия социокультурного существа дома в современном обществе сформирован такой тип дома, что становится достаточным формального (юридического, коммерческого, эстетического и др.) бытия жилого здания, способного лишь «точечно» представлять человека как субъекта. Общество не нуждается в существовании и познании дома как социокультурной целостности. В многочисленных представлениях о доме не просматриваются параметры человека как целостного социокультурного существа. Дом становится лишь «машиной для жилья», по выражению Ле Корбюзье. Во многих случаях даже рабочим кабинетом, как это было при ремесленном производстве, а сейчас при работе фрилансеров и при обучении дистанционно. Для общества важно, где человек проживает, где он прописан, платит ли налог за недвижимость и за коммунальные услуги, не мешает ли его дом другим жильцам и т. д. Можно сказать, что при таком обилии ограничивающих его свободу публичных функций человек вытесняется жилищем, но не как органом-проекцией человека, а как особым точечным пространством, к которому «прикрепляются» обязанности человека, назначаемые государством и коммерческими структурами, банками. Вместо дома мы видим лишь многообразные ширмы, за которыми прячется дом как целостное социокультурное явление, и не видим в нем человека в его социокультурной целостности.

Звучит парадоксально, но это так: находясь в современном жилище, человек не видит всего своего дома в его социокультурном выражении; государство, имея все, что нужно от формализованного жилища человека, не видит в жилище самого человека как целостного существа. Человеку по электронной связи лишь постоянно напоминают, что он обязан оплачивать налоги и услуги. Становится важным не проживание человека, а «проживание» электронного адреса и номера телефона, хотя и с трудной геолокацией.

Список литературы

1. Громов, М.Н. О философской семантике архитектуры / М.Н. Громов // *Общественная мысль: исследования и публикации.* – Вып. 2. – Москва: Наука, 1990. – С. 72–85. – ISBN 5-02-008097-7.
2. Флоренский, П.А. Органопроекция / П. Флоренский // *Русский космизм: Антология философской мысли.* – Москва: Педагогика-Пресс, 1993. – С. 149–162. – ISBN 5-7155-0641-7.
3. Частная жизнь семьи: в поиске гармонии и смысла: монография / Т.В. Свадьбина, В.П. Козырьков, О.А. Немова [и др.] – Н. Новгород: Изд-во НГПУ им. Козьмы Минина, 2017. – 148 с. – ISBN 978-5-85219-539-5.
4. Жилище // *Большая советская энциклопедия.* – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/87338/Жилище> (дата обращения: 04.03.2025).
5. Российский гуманитарный энциклопедический словарь. Жилище. – URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/russian-humanitarian/articles/128/zhilische.htm> (дата обращения: 04.03.2025).
6. Фомченкова, Г.А. Духовная сфера общества и проблема его безопасности: монография / Г.А. Фомченкова, В.П. Козырьков. – Смоленск: Смоленская городская типография, ВА ВПВО ВС РФ, 2018. – 218 с. – ISBN 978-5-94223-980-0.
7. Брунов, Н.И. Очерки по истории архитектуры / Н.И. Брунов. – В 2 т. – Москва: Academia, Центрполиграф, 2003. – Т. 1. – 442 с. – ISBN 5-9524-0111-2; Т. 2. – 400 с. – ISBN 5-9524-0112-0.
8. Швидковский, Д.О. От мегалита до мегаполиса: очерки по истории архитектуры и градостроительства / Д.О. Швидковский. – Москва: Архитектура-С, 2018. – 480 с. – ISBN 5915660088, 9785915660082.
9. Козырьков, В.П. Социология культуры в цифровом обществе: учебное пособие / В.П. Козырьков, М.В. Придатченко, Н.В. Шалютина; под ред. В.П. Козырькова. – Санкт-Петербург: Алетей, 2022. – 378 с. – ISBN 978-5-00165-388-2.
10. Лелеко, В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В.Д. Лелеко. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. – 320 с. – ISBN 5-94708-007-9.
11. Урри, Дж. Социология за пределами обществ. Виды мобильности для XXI столетия / Дж. Урри. – Москва: Издательский дом ВШЭ, 2012. – 335 с. – ISBN 978-5-7598-0824-4.
12. Асмус, В.Ф. Проблема интуиции в философии и математике. Очерк истории: XVII – начало XX в. / В.Ф. Асмус. – Изд. 3-е, стереотип. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 312 с. – ISBN 5-354-00908-1.
13. Гибсон, Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Дж. Гибсон. – Москва: Прогресс, 1988. – 462 с. – ISBN 5-01-001049-6.
14. Майерс, Д. Интуиция. Возможности и опасности / Д. Майерс. – Санкт-Петербург: Питер, 2010. – 271 с. – ISBN 978-5-4461-0165-8.
15. Сергеева, О.В. Повседневность новых медиа: монография / О.В. Сергеева. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. – 202 с. – ISBN 978-5-9669-0796-9.

References

1. Gromov M.N. On the philosophical semantics of architecture. *Public thought: research and publications.* No. 2. Moscow: Nauka, 1990. Pp. 72–85. ISBN 5-02-008097-7 (In Russ.).
2. Florensky P.A. Organ projection. *Russian cosmism: Anthology of philosophical thought.* Moscow: Pedagogicheskaya pressa, 1993. Pp. 149–162. ISBN 5-7155-0641-7 (In Russ.).
3. Svadbina T.V., Kozyrkov V.P., Nemova O.A. [et al.]. Private life of the family: in search of harmony and meaning. N. Novgorod: NGPU named after Kozma Minin, 2017. 148 p. ISBN 978-5-85219-539-5 (In Russ.).
4. Dwelling. Great Soviet Encyclopedia. Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/87338/Жилище> (accessed: 04.03.2025).
5. Russian humanitarian encyclopedic dictionary. Dwelling. Available from: <http://niv.ru/doc/dictionary/russian-humanitarian/articles/128/zhilische.htm> (accessed: 04.03.2025).

6. *Fomchenkova G.A., Kozyrkov V.P.* The spiritual sphere of society and the problem of its security: monograph. Smolensk: Smolensk City Printing House, VA VPVO RF Armed Forces, 2018. 218 p. ISBN 978-5-94223-980-0 (In Russ.).
7. *Brunov N.I.* Essays on the history of architecture. In 2 vols. Moscow: Academia, Centerpolygraph, 2003. Vol. 1. – 442 p. ISBN 5-9524-0111-2; Vol. 2. – 400 p. ISBN 5-9524-0112-0 (In Russ.).
8. *Shvidkovsky D.O.* From megalith to metropolis: essays on the history of architecture and urban planning. Moscow: Architecture-S Publishing House, 2018. 480 p. ISBN 5915660088, 9785915660082 (In Russ.).
9. *Kozyrkov V.P., Pridatchenko, M.V., Shalyutina, N.V.* Sociology of cool tours in digital society: Textbook. Ed. by V.P. Kozyrkova. St. Petersburg: Aleteya, 2022. 378 p. ISBN 978-5-00165-388-2 (In Russ.).
10. *Leleco V.D.* Space of everyday life in European culture. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts, 2002. 320 p. ISBN 5-94708-007-9 (In Russ.).
11. *Urry J.* Sociology Beyond Societies. Types of mobility for the XXI century. Moscow: HSE Publishing House, 2012. 335 p. ISBN 978-5-7598-0824-4 (In Russ.).
12. *Asmus V.F.* The problem of intuition in philosophy and mathematics. Essay on history: XVII – beginning of XX century. Ed. 3rd, stereotypical. Moscow: Editorial URSS, 2004. 312 p. ISBN 5-354-00908-1 (In Russ.).
13. *Gibson J.* Ecological approach to visual perception. Moscow: Progress, 1988. 462 p. ISBN 5-01-001049-6 (In Russ.).
14. *Myers D.* Intuition. Opportunities and Hazards. St. Petersburg: Piter, 2010. 271 p. ISBN 978-5-4461-0165-8 (In Russ.).
15. *Sergeeva O.V.* Everyday life of new media: monograph. Volgograd: VolSU, 2010. 202 p. ISBN 978-5-9669-0796-9 (In Russ.).

Информация об авторе

КОЗИРЬКОВ Владимир Павлович – профессор, доктор социологических наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Россия; eLibrary SPIN: 3250-4770.
E-mail: kozir3@yandex.ru

Information about the author

KOZYRKOV Vladimir P. – Professor, Doctor of Sociology, Professor, Department of Industry and Applied Sociology, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia; eLibrary SPIN: 3250-4770. **E-mail:** kozir3@yandex.ru

УДК 172

ОТ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭТИКИ К ЦИФРОВОМУ ПРАВУ

В.П. Казарян, Е.А. Косарев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Россия

Поступила в редакцию: 26.09.25

В окончательном варианте: 27.10.25

Аннотация. Цель статьи – исследовать эволюцию этических принципов в условиях быстрого развития информационных технологий. Проблема предполагает междисциплинарный подход: сочетание философии, права, информационных технологий и бизнес-этики. В статье показана эволюция этических принципов в условиях быстрого развития информационных технологий. В условиях становления информационного общества этика была близка к традиционным общечеловеческим представлениям о добре и зле. С внедрением информационных технологий в бизнес появилась новая инструментальная функция этики. Этика стала необходимым условием достижения успеха в бизнесе. Это уже не интимная часть духовного мира человека, а инструмент бизнес-действия. При этом традиционные нравственные принципы были адаптированы к новым бизнес-реалиям. Привычные этические нормы наполнялись новым содержанием. В условиях современной цифровой культуры, в центре которой стоят современные варианты искусственного интеллекта, адаптационные процессы включены в сложнейшие социальные проблемы, что приводит к сближению этики и права. Современные технологии, прежде всего искусственный интеллект (ИИ), отменяют традиционный взгляд на технологии как на продолжение действия человеческой воли. Нарастает автономность технологий. Чем более автономными становятся технологии, системы ИИ, тем меньше человек контролирует их поведение. Автономность ИИ ограничивает нашу способность вмешиваться в критическую, например, ситуацию. Путь развития искусственного интеллекта идет от функции инструмента к самостоятельности, т. е. функции субъекта. Возникают риски потери контроля над технологиями. Если автономная система принимает решение взаимодействовать с окружающей средой и обучаться без непосредственного участия человека, то встает вопрос о том, кто несет ответственность за ее действия. Является в таком случае ИИ инструментом или же субъектом? Кто виноват в том случае, если ИИ-система ошибается: разработчики, пользователи или же сама система? Например, если врач полагается на ИИ при постановке диагноза и диагноз оказывается ошибочным, кто несет ответственность – врач или алгоритм? Нравственные дилеммы, связанные с применением искусственного интеллекта, требуют разработки этических норм, которые бы регулировали поведение «машин»-алгоритмов. В определенных ситуациях нравственных норм оказывается недостаточно, начинают вступать в силу правовые нормы (информационное право).

Ключевые слова: этика, информационные технологии, цифровое общество, алгоритм, искусственный интеллект, инструмент, субъект, право.

FROM INFORMATION ETHICS TO DIGITAL LAW

V.P. Kazaryan, E.A. Kosarev

M.V. Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia

Original article submitted: 26.09.25

Revision submitted: 27.10.25

Abstract. The purpose of the article is to investigate the evolution of ethical principles in the context of the rapid development of information technology. The problem involves an interdisciplinary approach: a combination of philosophy, law, information technology and business ethics. The article shows the evolution of ethical principles in the context of the rapid development of information technology. In the context of the formation of the information society, ethics was close to the traditional universal ideas of good and evil. With the introduction of information technology in business, a new instrumental ethics function has appeared. Ethics has become a prerequisite for business success. This is no longer an intimate part of the spiritual world of a person, but an instrument of business action. At the same time, traditional moral principles were adapted to new business realities. The usual ethical standards were filled with new content. In the context of a modern digital culture, in the center of which are modern versions of artificial intelligence, adaptation processes are included in the most complex social problems, which leads to a convergence of ethics and law. Modern technologies, primarily the development of artificial intelligence, abolishes the traditional view of technology as a continuation of the human will. The autonomy of technology is growing. (For example, autonomous weapons systems can make decisions without human intervention about who is left alive and who is not. In the context of autonomous cars, the algorithms themselves choose what to do in an accident situation). The more autonomous technologies, AI systems become, the less a person controls their behavior. AI autonomy limits our ability to intervene with a critical, for example, situation. The path of development of artificial intelligence goes from the function of the tool to independence, i.e. the function of the subject. There are risks of losing control of technology. If the autonomous system decides to interact with the environment and learn without direct human participation, then the question arises who is responsible for their actions. In this case, is AI a tool or a subject? In the event that the AI system is mistaken, then who is to blame for this: developers, users, or the system itself. For example, in the case of a doctor who relies on AI when making a diagnosis, then if the diagnosis is erroneous, who is responsible – the doctor or the algorithm. The moral dilemmas associated with the use of artificial intelligence require the development of ethical standards that would regulate the behavior of "machines" – algorithms. In certain situations, moral norms are not enough, legal norms (information law) begin to enter into force.

Keywords: ethics, information technology, digital society, algorithm, artificial intelligence, tool, subject, law.

Этика как необходимый инструмент современного бизнеса

В процессе развития информационного и постинформационного (цифрового) общества возникли небывалые ранее в культуре проблемы, которые приняли ярко выраженное этическое очертание. В основополагающих документах, определяющих стратегию развития информационного общества [6; 9], особое внимание обращено на этические вопросы, пронизывающие все сферы общества высоких технологий. Согласно этим документам информационное общество должно быть основано на этических ценностях. Когда речь заходит об этике, то, как писал У. Эко, речь идет о том, что делать хорошо, что делать дурно, чего не следует делать ни при каких обстоятельствах [10].

Информационные технологии, являющиеся основой и других современных технологий – нанотехнологий, биотехнологий, когнитивных технологий [4], повлияли, в частности, на развитие корпораций от фирмы до ТНК, которые превратились в мощную силу, играющую огромную роль в мировой экономике и политической ситуации, а также повлияли на человека и его образ жизни. Количественное возрастание ответственности за свои действия переходит в качественное изменение нравственности. Корпорации ответственны за планету и человечество, за развитие ИТ и хозяйства. Человек – пользователь Интернета – ответственен перед миллиардами людей за свое слово в Интернете, направляющее к добру или злу.

Интересы бизнеса стали требовать соблюдения этических норм при взаимодействии компаний и взаимодействии сотрудников внутри компаний. World Economic Forum (WEF) инициировал разработку проблем кибербезопасности, которую поддерживали многие крупные компании. В 2007 году в Москве была разработана «Хартия руководителей ИТ-компаний по вопросам этики и защиты собственности». Руководители и управленцы ИТ-компаний обнаружили, что этика становится необходимым условием успешной работы и успеха компании. Этические кодексы становятся неотъемлемой частью организационной работы корпорации [5].

Для ясности приведем пример из практики отечественной корпорации – Группа ГАЗ». Одним из направлений корпоративной политики стало введение стандартов профессиональной этики на всех предприятиях компании. С 2011 года начал действовать Кодекс этики «Группы ГАЗ». В нем отражена система этических ценностей и свод правил для каждого сотрудника, играющих приоритетную роль в сохранении безупречной репутации компании, повышении эффективности бизнеса, выстраивании долговременных отношений с партнерами. Приведем фрагмент Кодекса, из которого становится ясным новое содержание этики: она является инструментом достижения успеха и включает новые нравственные принципы:

«Уважаемые сотрудники! Наша компания – это большой коллектив единомышленников, объединенный общими целями и задачами. Устойчивость и развитие нашего бизнеса, профессиональный рост и благосостояние сотрудников зависят от того, насколько каждый из нас готов работать максимально эффективно, готов рассматривать и защищать интересы компании, как свои собственные. Кодекс Этики, который действует в нашей компании, основополагающий корпоративный закон и свод правил, которыми должны руководствоваться в своей деятельности все члены нашего коллектива.

Принципиальность, добросовестность, честность, открытость, взаимоуважение должны стать нашими приоритетами. Именно эти направления и принципы являются условиями достижения успеха компании как в рыночной среде, так и в общественной жизни. В условиях жесткой конкурентной борьбы важны не только профессиональные навыки, а слаженная командная работа, личная причастность к общим бизнес-целям, следование единым обязательствам и этическим нормам, высокая исполнительская дисциплина.

Кодекс призван создать благоприятные условия, в которых каждый бы понимал и принимал корпоративные ценности, эффективнее применял свои знания и опыт для достижения стратегических целей Группы, получал удовлетворение от результатов своей работы и имел возможности для карьерного роста.

Мы также должны максимально ценить каждого нашего клиента, партнера, поставщика и включать их в круг корпоративных ценностей Группы ГАЗ. Качественный человеческий капитал и надежная репутация компании – наши основные ценности. Любые действия, наносящие ущерб имиджу «Группы ГАЗ», рассматриваются как нарушение Кодекса этики являются недопустимыми. Сотрудники должны внимательно относиться к своим действиям на рабочих местах и обеспечивать соблюдение правил корпоративного поведения не только со своей стороны, но и со стороны своих коллег».

Стало очевидным, что этика является инструментом деятельности в бизнесе и условием его успеха. Информационные технологии породили новую функцию этики – быть основой бизнеса – и потребовали адаптировать содержание этики к новым реалиям.

Этический искусственный интеллект как средство созидания жизненного мира

В условиях информационных технологий не только деловой успех зависит от соблюдения этических норм, но и образ жизни и деятельности людей. Он становится все более прозрачным для внешнего наблюдателя. «Многие завоевания демократии могут потерять свою действенность: неприкосновенность личной жизни, тайна переписки, врачебная и служебная тайны и т. п. могут стать пустыми декларациями, которые не будут иметь ничего общего с реальной жизнью» [3]. В этой ситуации регулирование отношений в обществе во многом осуществляется на основе нравственных норм. Нравственная позиция человека является не только интимной частью его духовного мира, но и средством созидания жизненного мира, той среды, в которой разворачиваются отношения с другими людьми. Существование в виртуальном мире привело к формированию этических норм и кодексов поведения в Интернете.

Международная федерация по информационным технологиям (IFIP) рекомендовала принять кодексы компьютерной этики национальным организациям других стран с учётом местных культурных и этических традиций. Искусственный интеллект (ИИ) уже оказывает серьезное влияние на общество. В результате многие организации запустили широкий спектр инициатив по установлению этических принципов внедрения социально полезного ИИ.

Возникают значительные разногласия по поводу того, что представляет собой «этический ИИ». Так, например, по мнению Н.В. Буханцевой, основой всех кодексов служат десять заповедей (подобно библейской Нагорной проповеди, в которой содержатся десять заповедей – моральных постулатов). «Во всех кодексах наряду с перечисленными заповедями и общечеловеческими моральными нормами (честное исполнение своих обязанностей, профессиональная и социальная ответственность, повышение квалификации, расовое равенство и т. п.) содержатся нормы, основанные на соблюдении четырёх главных моральных принципов: privacy (тайна частной жизни), accuracy (точность), property (частная собственность) и accessibility (доступность)» [2].

Известный специалист в области философии информации Л. Флориди специально анализировал разные наборы принципов. Он обнаружил высокую степень совпадения принципов в анализируемых наборах. В результате он определяет структуру этики, выделяет пять основных принципов этического ИИ. Четыре из них являются основными принципами, обычно используемыми в биоэтике: благо, непричинение вреда, автономия и справедливость. На основе сравнительного анализа он утверждает, что дополнительно необходим новый принцип: объяснимость (понятность) [12].

Моральные кодексы оказались полезными во многих ситуациях, возникающих в виртуальном мире. Но достаточно ли их для того, чтобы регулировать отношения в цифровом мире, когда происходит дальнейшее совершенствование самых современных технологий, в особенности искусственного интеллекта? Цифровизация стала одним из ключевых трендов в российском обществе, хотя этот процесс начался сравнительно недавно. Она охватывает экономику, сферу коммуникаций и культуру, изменяя повседневную жизнь. Цифровизация проникает во все сферы жизни общества, меняя привычные формы взаимодействия людей, организаций и государств. В этом контексте возникает необходимость осмысления того, каким образом новые технологии влияют на моральные нормы и ценности, а также как сами эти нормы могут регулировать процессы цифровой трансформации. Цифровизация включает в себя два основных аспекта: внедрение цифровых технологий в разные области человеческой деятельности и создание цифровой среды, которая формирует новую цифровую культуру.

Этика всегда была связана с вопросами выбора, ответственности и справедливости. Однако в условиях цифровизации традиционные подходы приобретают новый облик. Исследование взаимодействия этики и цифровизации становится важным направлением философской мысли. С одной стороны, цифровые технологии открывают перед человечеством огромные возможности для прогресса и улучшения качества жизни. С другой стороны, они порождают новые вызовы, такие как защита персональных данных, проблема искусственного интеллекта и автоматизации труда, обеспечение кибербезопасности и многие другие. При этом традиционные этические принципы адаптируются к новым реалиям цифрового мира, что порождает новые проблемы.

Понятие приватности в цифровую эпоху

Рассмотрим вопрос о приватности в цифровую эпоху. Можно на этом примере продемонстрировать эволюцию этики новейших технологий

к правовым нормам. Право на приватность – одно из ключевых прав личности, которое становится все более важным в условиях стремительного развития цифровых технологий и глобальной сети Интернет. Этот аспект приобрел особую актуальность в последние несколько десятилетий, когда повсеместная доступность информации и ее обработка стали неотъемлемой частью повседневной жизни миллионов людей по всему миру.

В цифровую эпоху понятие приватности претерпело значительные изменения. Современные технологии позволяют компаниям, государственным структурам и даже частным лицам собирать, анализировать и использовать огромные массивы персональных данных. Эти данные могут включать информацию о наших привычках, предпочтениях, местах пребывания, контактах и многом другом. Все это делает нас уязвимыми перед потенциальными угрозами нарушения конфиденциальности, такими как утечки данных, несанкционированный доступ к личной информации и злоупотребление персональными данными. Сегодня защита приватности выходит далеко за рамки традиционного понимания неприкосновенности жилища или переписки. Теперь речь идет о защите нашей цифровой идентичности, которая включает в себя не только наши личные данные, но и нашу онлайн-активность, предпочтения и поведение в Интернете. Вопросы безопасности личных данных становятся центральными при обсуждении регулирования деятельности крупных технологических компаний, а также государственных органов, обладающих доступом к таким данным.

Традиционные подходы к защите приватности уже не всегда позволяют эффективно справляться с новыми вызовами. Поэтому возникает необходимость в разработке новых правовых механизмов и стандартов, которые будут учитывать специфику цифрового мира. Важно обеспечить баланс между свободным обменом информацией и защитой личных данных, чтобы каждый человек мог чувствовать себя защищенным в виртуальном пространстве. Таким образом, право на приватность сегодня требует комплексного подхода, включающего законодательные инициативы, технические решения и повышение осведомленности граждан об их правах и обязанностях в области защиты персональных данных.

Одной из первых попыток защитить персональные данные стал Закон о защите данных в Германии, принятый в 1977 году. Этот закон установил принципы обработки персональных данных, включая требование получения согласия субъекта данных перед их обработкой. Впоследствии подобные законы были приняты и в других странах, создавая основу для современной системы защиты персональных данных.

Сегодня цифровые технологии предоставляют возможность сбора и анализа огромных объемов данных о поведении пользователей в Интернете. Социальные сети, поисковые системы, интернет-магазины и другие онлайн-сервисы собирают информацию о наших предпочтениях, интересах, местоположении и даже эмоциональном состоянии. Эти данные используются для создания персонализированных рекламных предложений, улучшения пользовательского опыта и разработки новых продуктов и услуг. Однако такая практика вызывает серьезные опасения у правозащитников и экспертов по информационной безопасности. Во-первых, существует риск утечки персональных

данных, что может привести к финансовым потерям, краже личных данных и другим негативным последствиям. Во-вторых, сбор и обработка данных без согласия пользователей нарушает принцип добровольного информированного согласия, который является одним из основополагающих принципов медицинской этики и правовой практики.

Для защиты права на приватность в цифровую эпоху разрабатываются новые законодательные акты и нормы. Одним из наиболее известных примеров является Общий регламент по защите данных (GDPR) Европейского Союза, вступивший в силу в мае 2018 года. Этот документ устанавливает строгие правила обработки персональных данных и предоставляет пользователям больше контроля над своими данными. В России также принимаются меры по защите персональных данных. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» регулирует порядок обработки персональных данных и устанавливает ответственность за нарушение этого порядка.

В итоге существует неопределенная ситуация. Приватные данные о людях собираются, хранятся и обрабатываются неизвестными им специалистами. Никто не сможет указать имена конкретных людей или аналитиков, например в Google, которые ответят – каким образом, где и в какой степени использовались персональные данные конкретного человека. В связи с этим возникает вопрос: как найти баланс между правом на приватность и другими правами, такими как право на доступ к информации?

Вопросы этики в контексте сбора и обработки данных

Многие философы рассматривают вопросы этики в контексте сбора и обработки данных. Один из центральных вопросов заключается в том, каким образом компании и государственные структуры должны соблюдать принципы прозрачности и ответственности при обработке персональных данных. Единодушия в решении этой проблемы не наблюдается. Одни философы утверждают, что сбор данных должен основываться на принципе информированного согласия, чтобы пользователи четко понимали, какая информация собирается и как она будет использоваться. Другие авторы обращают внимание на связь между правом на приватность и возможностью самоопределения. Например, Ханна Арендт в своих работах подчеркивает важность сохранения приватного пространства для формирования и поддержания идентичности. Она отмечает, что разрушение приватного пространства приводит к утрате чувства собственного достоинства и автономии, что делает человека уязвимым перед манипуляциями со стороны власти [1]. В современном контексте это означает, что отсутствие контроля над собственными данными может угрожать способности человека формировать свою идентичность и самостоятельно определять свою судьбу.

Ряд философов рассматривает вопросы социальной справедливости в контексте сбора данных. А. Орехов рассматривает проблему социального неравенства в рамках цифрового мира и предлагает подходы к управлению данными, направленные на обеспечение социальной справедливости [7]. Он указывает на то, что неравный доступ к технологиям и информационным ресурсам может усугублять существующее социальное неравенство. Законодательство о персональных данных должно учитывать эти аспекты и стремиться к обеспечению равных возможностей для всех членов общества.

Л. Флориди анализирует этические аспекты сбора и обработки данных, подчеркивая важность соблюдения прав на приватность и защиту информации [11; 13]. Флориди начинает с анализа понятия права на приватность в контексте современного цифрового мира. Он подчеркивает, что с развитием технологий и широким распространением цифровых устройств и сервисов понимание и реализация этого права существенно изменились. Автор отмечает, что новые технологии, такие как искусственный интеллект, большие данные и интернет вещей, создают дополнительные угрозы для приватности, требуя новых подходов к защите персональной информации. Искусственный интеллект создается на основе больших данных, без них его не построить. И здесь важно договориться о принципах сбора и использования информации. Автор выделяет следующие ключевые аспекты:

- **прозрачность.** Пользователи должны быть полностью осведомлены о том, какие данные собираются, как они используются и кем. Компании обязаны предоставлять ясную и понятную информацию об этих процессах;
- **ответственность.** Организации, собирающие данные, несут ответственность за их безопасность и правильное использование. Это предусматривает принятие мер по предотвращению несанкционированного доступа и утечек данных;
- **уважение к правам пользователей.** Пользователи должны иметь возможность контролировать свои данные, включая право на удаление или изменение информации. Важно обеспечить, чтобы компании уважали эти права и предоставляли пользователям соответствующие инструменты для управления своими данными.

Если удастся договориться о сборе и хранении данных, на этом обсуждения не заканчиваются. Часто упоминают концепцию «права на забвение», она также сильно привлекает внимание философов [12].

Право на забвение (или право быть забытым) – это право человека потребовать при определенных условиях удалить свои персональные данные из общего доступа через поисковые системы, если эти данные могут нанести ему вред [8]. Это касается устаревшей, неуместной, неполной, неточной или избыточной информации, а также данных, для хранения которых больше нет законных оснований. Право на забвение отражает требование индивида об удалении данных, чтобы они стали недоступными для третьих лиц. Это отличается от «права забывать», которое относится к запрету на упоминание исторических событий из-за срока давности. Право на забвение заключается в праве каждого на исчерпывающую и актуальную информацию о себе и отделено от права на неприкосновенность частной жизни. В некоторых странах-членах ЕС, например, появился новый законопроект, согласно которому человек может требовать удаления своих персональных данных и отказа от их дальнейшего распространения, особенно если эти данные были опубликованы, когда он был несовершеннолетним, или если они больше не соответствуют цели своей публикации.

Поднимаются вопросы ответственности и надзора за сбором и обработкой данных. В частности, обсуждают, каким образом можно гарантировать, что компании и государственные учреждения соблюдают установленные законом нормы и не злоупотребляют своими полномочиями. Зону

ответственности можно разделить: с одной стороны, есть компании, которые собирают и обрабатывают данные, с другой стороны, есть сотрудники, некоторые из которых могут физически иметь доступ к персональным данным. С третьей стороны, данные обрабатываются алгоритмами, а у этих алгоритмов есть разработчики: если алгоритм нарушил законодательство, то кто виноват?

ИИ – только инструмент или самостоятельный агент – субъект?

Многие современные алгоритмы, особенно те, которые используют машинное обучение, являются сложными и не всегда полностью понятными даже их разработчикам [16]. Эти алгоритмы могут самостоятельно обучаться и адаптироваться во время работы, изменяя свои внутренние правила и логику принятия решений. Это делает крайне сложным отслеживание всех шагов, которые алгоритм предпринял для достижения определенного результата.

Кроме того, алгоритмические системы часто представляют собой распределенные сети, включающие множество компонентов и участников. Например, данные могут собираться, обрабатываться и передаваться через несколько различных платформ и организаций до того, как они будут использоваться в алгоритме. В такой системе сложно выделить одного ответственного за конечный результат. Даже если известно, какие действия совершил алгоритм, бывает трудно понять, почему он принял определенные решения. В случае с алгоритмами, основанными на статистических моделях или машинном обучении, связь между входными данными и результатом может быть нелинейной и многослойной, что затрудняет идентификацию конкретных причин произошедшего.

В итоге возникает агентская двусмысленность: встают вопросы относительно того, можно ли считать алгоритмы полноценными агентами, ответственными за свои действия. Некоторые утверждают, что алгоритмы действуют лишь как инструменты, выполняющие команды своих разработчиков, тогда как другие считают, что алгоритмы обладают определенной степенью автономности, которая требует признания их в качестве самостоятельных агентов. Авторы считают, что разработчики должны стремиться делать алгоритмы более прозрачными и объясняемыми. Это включает в себя предоставление подробной документации о том, как работает алгоритм, какие данные использовались и каким образом принимались решения. Также необходимо усилить контроль над процессом разработки алгоритмов, включая аудит и тестирование перед внедрением. Важно проводить регулярные проверки уже работающих алгоритмов на предмет возможных ошибок и предвзятости. Ну а самое важное – повышать уровень осведомленности пользователей и разработчиков о потенциальных рисках и последствиях использования алгоритмов. Это поможет лучше понимать, как работают эти системы и как избежать негативных последствий. В итоге авторы не полностью встают на сторону пользователей, оставляя маневр разработчикам, понимая, что в очень сложных системах, многие из которых работают по принципу «черного ящика», все проконтролировать не получится.

Если еще не так давно компьютерные программы считались всего лишь инструментами, предназначенными для автоматизации и ускорения

рутинных операций, то сегодня нередко появляются примеры автономных алгоритмических агентов, способных генерировать гипотезы, анализировать большие объемы информации и влиять на социальные либо экономические процессы, часто предвосхищая человеческие решения. Где проходит грань между ИИ как инструментом и самостоятельным агентом – субъектом?

В современных условиях роль алгоритмов искусственного интеллекта не может быть сведена к роли инструмента, поскольку их способность к самообучению и генерации новых решений в ряде случаев опровергает мнение, будто они лишь пассивно выполняют волю человека. Л. Флориди, акцентируя внимание на этико-философских последствиях цифровой трансформации, выделяет плодотворность теории эмерджентных свойств, идею распределенной агентности, этико-ценностных вызовов, связанных с распределением ответственности в условиях широкой автономии алгоритмов. Возникла необходимость рассмотреть, как распределяются роли между людьми и алгоритмическими системами и как это вынуждает пересматривать понятия субъекта-агента и ответственности. Вынуждает искать новые юридические и этические инструменты для регулирования распределенной ответственности.

Многие теоретики указывают, что полноценная субъектность в социальной практике подразумевает наличие прав, обязанностей и ответственности. В этом контексте возникает дискуссия на тему: насколько корректно говорить об ответственности искусственного интеллекта, если он интегрирован в систему, созданную людьми, и все его действия в итоге отражают интересы и представления создателей или операторов? Развитие искусственного интеллекта открывает новые горизонты для постановки проблемы в дискуссии. Этические и социальные следствия подобной неопределенности достаточно широки. Если мы окончательно решим считать ИИ всего лишь инструментом, тогда вся ответственность за действия алгоритмов лежит на людях: заказчиках, программистах, организациях, обладающих правами на программное обеспечение. Такой подход кажется логичным сейчас, когда уровень «самостоятельности» ИИ все еще относителен. Но что произойдет, если будущее принесет модели, способные принимать решения более комплексно и быстро, чем человек, и мы отчасти утратим возможность прогнозировать их действия?

Значительная часть философов и правоведов предупреждает о необходимости уже сейчас готовиться к сценарию, где ИИ будет оказывать все большее влияние на экономику, медицину, криминалистику, военное дело и множество других сфер. Распределенная ответственность становится здесь особенно сложной: если ошибка произошла из-за непредусмотренного поведения алгоритма, кто в этом виноват? Разработчик, предоставивший несовершенный код? Пользователь, допустивший неконтролируемое самообучение? Или сама система, которая «решила» действовать таким образом, опираясь на внутренние механизмы, скрытые даже от создателей? Именно в этой точке и зарождается необходимость обсуждения полуправового статуса ИИ, а, возможно, и признания за ним некоторых элементов субъектности.

Концепция «электронного лица» в политико-правовых документах Европейского союза отражает попытку ввести новую категорию, промежуточную

между человеком и юридическим лицом. Предполагается, что автономные системы, способные действовать без прямого вмешательства со стороны человека, должны иметь некий статус, позволяющий регистрировать их действия, а также возлагать на них или на их «операторов» определенные обязательства. Критики этого подхода называют его преждевременным, утверждая, что ИИ не может быть наделен полноценными правами и обязанностями, ведь у него нет побуждений, интересов и ощущений страдания, которые могли бы служить основанием для этической и правовой субъектности. Наряду с этим сторонники идеи «электронного лица» указывают, что и юридическое лицо (компания или корпорация) не обладает собственным сознанием или чувствами, однако это не мешает нам признавать за ним право выступать в суде, заключать сделки и нести ответственность. Если мы смогли абстрактно конструировать субъектность для корпораций, почему бы не сделать то же самое для высокоавтономных систем, действующих в цифровой среде?

Во всех этих разговорах прослеживается глубокий метафизический конфликт: где провести границу между «истинной» субъектностью, подразумевающей реальность внутреннего переживания, и «фиктивной» субъектностью, имеющей лишь функционально-правовой характер? С одной стороны, юридические фикции широко используются в обществе и наделение ИИ особыми правами может оказаться практичным решением проблемы ответственности и защиты интересов третьих лиц. С другой стороны, многие философы настаивают, что это не снимает вопроса о том, можно ли считать машину действительно «живым» или «мыслящим» существом. При всей полезности правовых конструкций они не заменяют собой онтологическую данность: либо машина обладает сознанием, либо нет, и если да, то в чем оно заключается. Научный же и социальный интерес состоит в том, что мы можем столкнуться с ситуацией, в которой ИИ будет казаться социально действующим лицом, оказывающим влияние на нашу повседневную реальность, и от того, как мы разрешим данную дилемму, зависит будущее всей цифровой культуры человечества.

Таким образом, вопрос о том, считать ли ИИ машиной, квазисубъектом или полноценным актером, не имеет однозначного ответа.

Механистическая парадигма продолжает утверждать, что алгоритмически детерминированная система не способна к подлинной рефлексии, а любые формы «сложного поведения» являются всего лишь результатом программной логики в сочетании с большими объемами данных. В то же время сторонники идей эмерджентности и сложных систем указывают на непредсказуемое поведение некоторых сетей, допускающее появление новой формы агентности, пусть пока и не подтвержденной на уровне субъективных переживаний. При современных темпах развития алгоритмических систем это определение стало объектом пересмотра: машины уже не являются пассивными инструментами, полностью зависящими от воли оператора, а начинают играть все более значимую роль в формировании гипотез, прогнозировании и даже продуцировании новых знаний. В условиях алгоритмической обработки размывается грань между «инструментальной» и «агентной» функцией компьютерных программ, когда речь идет о системах глубокого

обучения и прочих формах искусственных нейронных сетей, способных генерировать нетривиальные решения. Встает вопрос: насколько мы можем продолжать считать их простыми механизмами, не обладающими собственной «точкой зрения» на исследуемую реальность?

Заключение

Право на приватность в цифровую эпоху становится все более важным и сложным вопросом. Одни лишь этические принципы оказываются неспособными справиться с проблемой. Развитие прежде всего искусственного интеллекта в его современной форме приводит к необходимости привлекать правовые нормы. Этика цифрового общества, по крайней мере, в проблеме приватности соприкасается с правовыми нормами. Видимо, по мере того как алгоритмы искусственного интеллекта будут все более обретать автономность, можно будет говорить об их квази-субъектности, о том, что они становятся агентами, которые должны будут включаться в этико-правовую жизнь.

Список литературы

1. *Арендт, Х.* Истоки тоталитаризма / Х. Арендт. – Москва: ЦентрКом, 1996. – 672 с. – ISBN 5-87129-006-X.
2. *Буханцева, Н.В.* Культура взаимодействия в виртуальном пространстве: глобальные этические проблемы глобальной сети / Н.В. Буханцева // Новые технологии в образовании: тезисы докладов междунар. электронной конф. – URL: http://naukapro>ot 2007/3_018.htm
3. *Колин, К.К.* Информационные технологии в системе глобальной безопасности: новые приоритеты / К.К. Колин // Современные информационные технологии и ИТ-образование. – 2015. – Т. 11. – № 1. – С. 14–21.
4. *Ковальчук, М.В.* Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее / М.В. Ковальчук // Российские нанотехнологии. – 2011. – Т. 6. – № 1–2. – С. 13–23.
5. *Малюк, А.А.* Этика в сфере информационных технологий / А.А. Малюк, О.Ю. Полянская, И.Ю. Алексеева. – Москва: Горячая линия – Телеком, 2011. – 344 с. – ISBN 978-5-9912-0197-1.
6. Окинавская хартия глобального информационного общества. – 2000 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 20.01.2025).
7. *Орехов, А.М.* Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы / А.М. Орехов, Н.А. Чубаров // Вестник РУДН. Серия Философия. – 2024. – № 1. – С. 260–272.
8. Право на забвение. Рувики: Интернет-энциклопедия. – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Право_на_забвение
9. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. N Пр-212. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1691980/
10. *Эко, У.* Пять эссе на темы этики / У. Эко; пер. с итал. Е.А. Косюкович. – Санкт-Петербург: Сипмозиум, 2003. – 158 с. – ISBN 5-89091-210-0.
11. *Floridi, L.* The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality / L. Floridi. – Reprint ed. – Oxford: OUP Oxford, 2014. – 256 p.
12. *Floridi, L.* A Unified Framework of Five Principles for AI in Society / L. Floridi, J. Cows // Harvard Data Science Review. – 2019. – No. 1. – Pp. 2–15.
13. *Floridi, L.* The Ethics of Information / L. Floridi. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 357 p.
14. *Tsamados, A.* The ethics of algorithms: key problems and solutions / A. Tsamados [et al.]. // Ethics, governance, and policies in artificial intelligence. – 2021. – Pp. 97–123.

References

1. *Arendt H.* Origins of Totalitarianism. Moscow: CenterKom, 1996. 672 p. ISBN 5-87129-006-X (In Russ.).
2. *Bukhantseva N.V.* Culture of interaction in the virtual space: global ethical problems of the global network. *Abstracts of the international electronic conference "New technologies in education"*. Available from: http://naukapro>ot 2007/3_018.htm
3. *Colin K.K.* Information technologies in the global risk-free system: new priorities. *Modern information technologies and IT education*. 2015;11(1):14-21 (In Russ.).
4. *Kovalchuk M.V.* Convergence of sciences and technologies – a breakthrough into the future. *Russian nanotechnology*. 2011;6(1–2):13-23 (In Russ.).
5. *Malyuk A.A., Polyansky O.Yu., Alekseeva I.Yu.* Ethics in the field of information technology. Moscow: Hotline-Telecom, 2011. 344 p. ISBN 978-5-9912-0197-1 (In Russ.).
6. Okinawa Charter of the Global Information Society. 2000 [Electronic Resource]. Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (accessed: 20.01.2025).
7. *Orekhov A.M., Chubarov N.A.* Digital inequality and digital justice: socio-philosophical aspects of the problem. *Bulletin of RUDN University. Series: Philosophy*. 2024;1:260-272 (In Russ.).
8. Right to be forgotten. *Ruwiki: Internet Encyclopedia* (In Russ.).
9. Information Society Development Strategy in the Russian Federation. No. Pr-212 dated February 7, 2008 (In Russ.).
10. *Eco W.* Five essays on ethics. Transl. from ital. E.A. Kosyukovich. St. Petersburg: Sipmosium, 2003. 158 p. ISBN 5-89091-210-0 (In Russ.).
11. *Floridi L.* The Fourth Revolution: How the Infosphere is Reshaping Human Reality. Reprint ed. Oxford: OUP Oxford, 2014. 256 p. (In Eng.).
12. *Floridi L., Cows J.* A Unified Framework of Five Principles for AI in Society *Harvard Data Science Review*. 2019;1:2-15 (In Eng.).
13. *Floridi L.* The Ethics of Information. Oxford: Oxford University Press, 2013. 357 p. (In Eng.).
14. *Tsamados A. [et al.].* The ethics of algorithms: key problems and solutions. *Ethics, governance, and policies in artificial intelligence*. 2021. Pp. 97–123 (In Eng.).

Информация об авторах

КАЗАРЯН Валентина Павловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва, Россия; eLibrary SPIN: 8201-4661.

E-mail: kazaryanvp@mail.ru

КОСАРЕВ Евгений Александрович – аспирант кафедры математических методов прогнозирования факультета вычислительной математики и кибернетики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Москва, Россия. **E-mail:** evgenijkkk@yandex.ru

Information about the authors

KAZARYAN Valentina P. – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Natural Sciences Faculties of the Philosophy Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow Russia; eLibrary SPIN: 8201-4661. **E-mail:** kazaryanvp@mail.ru

KOSAREV Evgeny A. – postgraduate student of the Department of Mathematical Methods of Forecasting of the Faculty of Computational Mathematics and Cybernetics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. **E-mail:** evgenijkkk@yandex.ru

УДК:101.8:316.3(043.3)

СЕТЕВАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА *

Ю.Л. Баньковская

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 14.09.25

В окончательном варианте: 24.10.25

Аннотация. Динамика развития информационно-коммуникационных технологий привела к появлению новой разновидности культуры. Раскрытие сущности и специфики функционирования сетевой культуры становится одной из актуальных задач, ориентированных на поддержание социальной стабильности. В статье представлено концептуально-теоретическое осмысление современных тенденций развития информационного общества посредством прояснения качественной специфики феномена «сетевая культура». Целью работы является разработка социально-философской концепции сетевой культуры, способной служить основанием для обеспечения информационной безопасности личности и общества. Методологическим основанием служит сетевой подход, акцентирующий внимание на социальных взаимосвязях и взаимоотношениях, которые обуславливают специфику сетевого взаимодействия людей. Универсальность его применения заключается в том, что он способствует раскрытию структуры сети, детерминирующей особенности устойчивости и интенсивности контактов субъектов, ее транзитивность и открытость. Применяемые в работе аксиологический метод и метод прогнозирования позволили раскрыть специфику ценностно-нормативного взаимодействия сетевых элементов, особенности формирования и функционирования сетевой культуры в сравнении с механизмами существования традиционной культуры, предвидеть возможности ее развития в будущем для недопущения деструктивного воздействия на социальные процессы. Результатом исследования стало выявление таких сущностных признаков сетевой культуры, как глобальность, анонимность, интерактивность, креативность, динамичность, гибкость, открытость, мультимедийность, обуславливающих особенности ее формирования и существования. Их определение направлено на формирование сетевой этики, ориентированной на разработку новой системы социальных ценностей и норм в соответствии со спецификой сетевого общества. Данная статья может быть полезна при разработке мер по сохранению информационной безопасности в сфере социального развития, что практически востребовано в современном обществе, на устойчивость которого оказывает негативное влияние деструктивное применение информационно-коммуникационных технологий.

Ключевые слова: сетевая культура, сеть, информация, коммуникация, ценности, нормы, сетевая этика.

* Работа выполнена в рамках гранта БРФФИ Г24-072 по теме «Сетевая война как современный вызов национальной безопасности».

NETWORK CULTURE OF THE MODERN INFORMATION SOCIETY

Yu.L. Bankovskaya

Belarusian State University,
Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 14.09.25

Revision submitted: 24.10.25

Abstract. The dynamics of the information and communication technologies development has led to the emergence of a new kind of culture. Revealing the essence and specifics of the network culture functioning is becoming one of the urgent task aimed at maintaining social stability. The author has carried out a conceptual and theoretical understanding of modern trends in the development of the information society by clarifying the qualitative specifics of the network culture phenomenon in the article. The aim of the article is to develop a socio-philosophical concept of network culture that can serve as a basis for ensuring information security for the development of the individual and society. The methodological basis is the network approach, which focuses on social relationships and interrelations that determine the specifics of people's network interaction. The universality of its application in this article lies in the fact that it helps to reveal the structure of the network, which determines the features of the stability and intensity of contacts of subjects, its transitivity and openness. The axiological method and forecasting method used in the article made it possible to reveal the specifics of the value-normative interaction of network elements, the features of the formation and functioning of network culture in comparison with the mechanisms of the traditional culture existence, and to anticipate future opportunities for its development to prevent destructive effects on social processes. The result of the research was the identification of such essential features of network culture as globality, anonymity, interactivity, creativity, dynamism, flexibility, openness, multimedia, which determine the peculiarity of its formation and existence. Their clarification is aimed at the formation of network ethics, focused on the development of a new system of social values and norms in accordance with the specifics of the network society. This article can be recommended in the development of measures to preserve the information security of social development, which is practically in demand in modern society, the stability of which is negatively affected by the destructive use of information and communication technologies.

Keywords: network culture, network, information, communication, values, norms, network ethics.

Современный мир претерпевает глубокие изменения, следствием которых становятся тенденции политической многополярности, социальной нестабильности, преобразования в области культуры. Вследствие стремительного распространения информационных технологий социальные сети постепенно трансформировались в сферу коммуникации множества людей. Поскольку Интернет стал инструментом творческого самовыражения представителей разных социальных групп, его пространство объединило в себе не только научно-технические и технологические, но и культурные достижения общества.

Сетевая культура: сущность и специфика

Сетевая культура – это феномен, ориентированный на деятельность людей по созиданию культурных объектов посредством сетевых технологий. Это совокупность культурных норм, ценностей и практик, сформированных в сетевом пространстве. Она включает в себя множество духовных явлений, воздействующих на образ мышления, поведения и мировоззрения людей, возникших в процессе создания, трансляции и получения информации, ее интерпретации и понимания. Е.А. Бердник трактует данный феномен как «информационно-коммуникативную систему, связывающую воедино все элементы сети посредством разделяемых всеми нематериальных (символических) форм культуры (ценностей, норм, правил, установок, идей, языка и др.) и обеспечивающую тем самым целостность и самовоспроизводимость сети» [1, с. 53]. Под влиянием всеобъемлющих изменений в разных сферах социальной жизнедеятельности людей происходит формирование новых социальных ценностей и норм. Сетевая культура представляет собой сложный социальный феномен, образовавшийся в результате развития информационно-коммуникационных технологий. Являясь формой отображения новых процессов, осуществляемых в социальной реальности, она богата своими смысловыми коннотациями. Необходимость в ее исследовании обусловлена расширяющимся пространством ее потребления. Все большее количество людей используют интернет-технологии. Отсутствие знаний, понимания специфики сетевого пространства приводит к возникновению множества киберпреступлений и конфликтов.

Сетевая культура динамично развивается и проникает во все сферы человеческой жизнедеятельности. Она обуславливает особенности поведения и мышления современного человека, создавая особое пространство его существования, обучения и взаимодействия с социальным окружением. Ее влияние приводит и к изменению культурного мира людей. Традиционные моральные устои, заложенные в представлениях предшествующих поколений, как никогда ранее оказались подверженными ее влиянию. С целью понимания специфики сетевой культуры необходимо исследовать поведение человека в Интернете, культурные продукты, для распространения которых некоторые организации используют сетевые технологии; мероприятия, появляющиеся в сети. Все они иллюстрируют проявление определенных общих тенденций, предопределяющих соответствующую модель культуры.

Можно выделить следующие особенности сетевой культуры:

1. Доступность информации и высокая скорость ее распространения. Тем самым создаются новые возможности для коммуникации, обмена знаниями и сведениями. Механизм трансляции социокультурных ценностей и норм сетевой культуры качественно отличается от способов передачи традиционных культурных феноменов. Данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, тем фактом, что сетевые технологии обеспечивают быстрое распространение информации. Сеть представляет

собой «технический феномен новых коммуникационных технологий, морфология которых связана с представлением об информации как знании, порождающем конструктивные изменения системы... То есть понятие информации, ее способность к трансляции (коммуникации), включая помимо спонтанных информационных обменов их целенаправленную транспортировку в нужном направлении, является необходимым атрибутом системы» [2, с. 53–54].

2. Глобальность. Скорость распространения информации, глобальность территориального охвата и мультимедийность распространения информации посредством сети Интернет повышают восприимчивость традиционной культуры к изменениям в пространстве социальной реальности. Возникая в недрах уже сформированной и устоявшейся системы социальных ценностей и норм, сетевая культура трансформирует сложившиеся ценностно-нормативные стандарты. «Интернет – это глобальный коммуникационный медиум, который впервые сделал возможным общение многих людей со многими другими в любой момент времени и в глобальном масштабе» [3, с. 15]. Сети формируют особый образ мира, который может отличаться от реальности. Сформировавшиеся концепции, обычаи, новые модели поведения и привычки приводят к изменению ментальности человека. Сети стирают пространственные границы, создавая условия для коммуникации между представителями разных государств. Таким образом, происходит обогащение сетевой культуры новыми смыслами и символами.

3. Анонимность. Скрытие данных о своей личности создает новые возможности для самовыражения. Анонимность контактов приводит к снижению уровня ответственности людей за предоставляемую информацию. Она «психологически освобождает пользователя от необходимости подлинной самопрезентации, т. е. соответствия в процессе коммуникации своему «реальному Я», и тем самым открывает возможность для конструирования альтернативных самопрезентаций» [4, с. 24]. Интернет-технологии как приносят удобство в жизнь людей, формируя новые возможности для получения и доступности информации, так и способствуют распространению нежелательных явлений и деструктивному применению данных в киберпространстве. Таким образом, возникает амбивалентная ситуация, при которой одни социальные группы устраниваются от процесса формирования и использования новой системы ценностей и норм, другие общности постепенно обретают технологическую монополию на их конституирование, что приводит к расширению возможностей для манипулирования общественным мнением.

4. Интерактивность. В сети формируются новые условия для взаимодействия множества людей. Все они приносят в сетевое пространство свои ценности, нормы, убеждения, представления, тем самым обогащают ее содержание. «Сеть не сделана из нейлоновых нитей, слов или неких устойчивых субстанций, но представляет собой след от движущегося агента» [5, с. 132]. Это особый феномен, на создание которого оказывают влияние представители разных обществ и социальных слоев.

5. Креативность. Сети формируют условия для развития творческих идей. Обогащение знаний приводит к появлению новых смыслов и образов. Кроме того, расширяются возможности для самовыражения. Интернет-технологии позволяют людям поделиться своими идеями и проектами со всем миром.

6. Снижение уровня ответственности за транслируемую в сети информацию, создающее «эффект расслабления» в процессе коммуникации [6, с. 43–52]. Сети актуализируют значимость авторского права и сохранения конфиденциальности

личной информации. Все большее распространение приобретают киберпреступления, связанные с незаконным использованием информации, содержащей персональные данные, что актуализирует значимость сохранения социокультурной безопасности общества.

7. Мультимедийность. Сети формируют новые возможности для создания разнообразного контента. Использование сетевых технологий расширяет возможности как для трансляции разной информации, так и для ее воздействия на сознание человека, формируя определенное мнение по поводу существующей в обществе проблемы.

8. Динамичность, гибкость и открытость сети обуславливает изменчивость социальных норм и ценностей, которые трансформируют социальное пространство. Открытость сети предопределяет специфику ее формирования. Она предоставляет широкие возможности для каждого человека принять участие в сетевой деятельности. В ее пространстве взаимодействуют друг с другом представители разных культурных традиций. Это обеспечивает возможность ее свободного развития и ее разнообразие, на основании которого устанавливается и поддерживается национальная идентичность в сетевой среде. Ю. Хабермас полагает, что открытость осуществляется благодаря «установлению широких, многомерных связей коммуникации» [7, с. 21].

9. Фрагментарность. Духовный мир человека в сети становится фрагментированным, что приводит к рассеиванию смыслов в огромном информационном пространстве. «Особенностью информационного общества... является то, что количество информации достигло такого объема, что ни один здоровый человек не способен не то что осваивать этот объем, а даже более-менее в нем ориентироваться» [8, с. 79–80]. Это также приводит к возникновению проблемы восприятия субъектом его социокультурной идентичности, смешению им феноменов реального и виртуального, утрате собственной индивидуальности в виртуальном пространстве. Степень цифровой зависимости возрастает каждый день. Люди и вещи постепенно становятся символами, замещающими реальные образы. Следовательно, возникает проблема кризиса человеческой личности.

10. Манипулятивность. Сетевая культура становится особой сферой, испытывающей на себе давление со стороны манипуляционных механизмов. Манипуляции предпринимаются разными социальными группами для удовлетворения их потребностей и интересов. С одной стороны, сети формируют иллюзию общедоступности информации, отсутствия принуждения при принятии решений. С другой стороны, следует понимать, что получаемые в сети сведения оказывают воздействие на общественное мнение. Каждый человек подвергается сетевому воздействию. Как отмечает С.В. Володенков, «информационная работа позволяет достигать необходимых результатов, превращая при помощи соответствующих информационно-пропагандистских и манипулятивных техник агрессора в освободителя и борца за справедливость» [9, с. 190].

11. Дистанцированность. Сетевая реальность увеличивает обособленность людей друг от друга. Традиционный мир с его моделью социального устройства заменяется анонимной аудиторией. Появляется особое представление о свободе, как предоставляющей дополнительные возможности для самовыражения, так и продуцирующей ситуацию отсутствия ответственности за свои поступки и действия в сети. «Размывание реальных ролей и статусов, уничтожение пространственных

барьеров и географических границ, наконец, деконструирование самих субъектов взаимодействия» [10, с. 110] характеризует современное социальное пространство.

Межкультурный диалог и сетевая этика как приоритетные факторы социального развития

Сетевая культура оказывает коннотативное воздействие на человека, его систему ценностей и норм. Под влиянием различных факторов, таких как знания и способность к онлайн-общению, будут формироваться разные способности к осуществлению дискурса. Коммуникация стала неотъемлемой частью построения сетевой культуры. Сети формируют новый способ распространения идей, выражения мнений и передачи информации, самовыражения и общения. Они создают особую реальность, формирующую новые возможности для творчества, обмена опытом и знаниями. Кросскультурное взаимодействие в сети способствует межкультурному диалогу представителей разных обществ. Оно как взаимообогащает сетевую культуру, так и обостряет проблему этнических конфликтов.

Мнения, высказываемые сетевыми пользователями, являются результатом коммуникативного воспроизведения отношения к событиям, происходящим в реальности, посредством использования сетевого пространства. В данных высказываниях содержится возможность осуществления свободного выражения отношения людей к существующей проблеме. Результатом такого рода дискуссий является формирование общественного мнения. В то же время следует помнить, что сети не могут отражать мнения всех социальных групп. Кроме того, оно формируется всегда при помощи наиболее активных представителей общества. Остается часть людей, не высказывающих свое отношение к обсуждаемой проблеме, но, возможно, несогласных с обозначенной позицией. Следовательно, простое приравнивание сетевой позиции к общественному мнению является некорректным.

Одним из распространенных видов деятельности в сети становится просмотр страниц в Интернете. С одной стороны, такое поведение всегда отражает определенный интерес, появившийся у пользователей к соответствующей информации. Когнитивные запросы людей формируются социальной средой и вызовами, возникающими в обществе. Следовательно, пользователи потребляют в определенном смысле ту информацию, в которой отражена сущность проблем, существующих в обществе. С другой стороны, на новостных сайтах количество переходов от темы рассмотрения к некоторым второстепенным вопросам и сплетням очень велико. Выбор людьми развлекательного контента в значительной степени обусловлен их стремлением снять стресс. «Изучение информационных процессов в обществе и их влияния на становление качественно новой социальной системы требует обязательного анализа динамики новой информационной социокультурной среды» [11, с. 618].

Особую значимость начинает приобретать развлекательный контент, ориентированный на удовлетворение эмоциональных потребностей усредненного пользователя. Появляется особая область иррациональных действий, где могут быть реализованы желания, потребности человека в приятном времяпрепровождении. Человек выбирает определенный социальный контент в соответствии со своими интересами и ценностными ориентациями. Формирование условий для свободной и осознанной деятельности людей способствует их личностному развитию.

Сетевая культура является следствием социальных изменений, происходящих в обществе. Она отражает специфику его социального развития в процессе модернизации и глобализации. Сетевая культура – это всеобъемлющее социальное явление.

Многообразная система ценностей и норм облегчает большинству сетевых пользователей получение социального признания. Понимание своей социокультурной идентичности и принадлежности позволяет избежать одиночества, обрести поддержку, ослабить уровень социального давления.

Индивидуальное снижение давления информации на сознание людей способствует развитию критического отношения человека к получаемым сведениям. При возникновении проблемных ситуаций и отсутствии каналов для их отражения и разрешения происходит усиление недовольства в обществе. Одновременно расширение спектра возможностей для самовыражения позволяет снизить уровень деструктивного развития ситуации. Сети способствуют раскрытию существующих в обществе проблем, отражению изменений, произошедших в социальной реальности, и пониманию сущности тенденций развития государства.

Взаимосвязи и установки различных стран, этнических групп также являются важной составляющей сетевой культуры. Тесно переплетаясь между собой, она формирует сложный социальный ландшафт. На процесс ее функционирования будут оказывать влияние традиции разных народов и государств, которые внедряются в сетевое пространство. Особое значение приобретает категорический императив И. Канта: «Практическое правило есть всегда продукт разума, потому что оно предписывает поступок в качестве средства для достижения результата как цели. Но для существа, у которого разум не единственное определяющее основание воли, это правило есть императив, т. е. правило, которое характеризуется долженствованием, выражающим объективное принуждение к поступку» [12, с. 24]. Ненадлежащее осуществление человеком своих прав нарушает и ущемляет права других людей. Транслируемый в сети контент должен соответствовать культурным принципам и законам государства, быть сформированным в соответствии с этическими стандартами.

Формирование сетевой этики становится одной из приоритетных задач социального развития, направленного на стабилизацию в ситуации обострения противоречий. Следовательно, особую ценность приобретает создание общественного пространства с универсальными ценностями и взаимосвязями. «Сложившиеся в современном обществе противоречия в сфере применения ИКТ обусловили возникновение норм новой этики, которая имеет разные направления: информационная этика (исследует моральные проблемы, появляющиеся в связи с развитием и применением информационных технологий); компьютерная этика (вопрос о правильном и неправильном использовании информации в информационном обществе); киберэтика (философская область этики, относящаяся к компьютерам, охватывающая поведение пользователей, то, на что запрограммированы компьютеры, и каким образом это влияет на отдельных людей и общество в целом)» [13, с. 65]. Сетевая культура формируется в результате вовлечения людей в информационный процесс, это феномен, образовавшийся благодаря уникальному коммуникативному взаимодействию людей в киберпространстве. Необходимо повысить интернет-грамотность пользователей сети, способствовать развитию рационального мышления, ориентированного на критическое осмысление ситуации.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что следствием быстрого развития информационно-коммуникационных технологий является формирование сетевой культуры, создающей новый образ жизни, ценностные суждения, ориентации, этику современных людей. Ее уникальность проявляется в том, что она

может оказывать как позитивное влияние на продвижение нравственных идеалов и традиций, развитие личности и создание нового социокультурного пространства, процесс внедрения инновационных методов управления для достижения компромиссного решения в конфликтной ситуации, создание новых представлений о добре и красоте, соответствующих интересам больших социальных общностей, разоблачение деструктивных тенденций развития общества, так и негативное воздействие, заключающееся в применении сетевых технологий для распространения конфликтов, нанесения ущерба другим государствам, разжигания социальной розни, организации огромного давления на общественное мнение.

Список литературы

1. Бердник, Е.А. Сетевая культура как объект социологического анализа / Е.А. Бердник // SOCIOПРОСТІР: междисциплинар. сб. науч. работ по социологии и соц. работе. – 2011. – № 1. – С. 51–55.
2. Игнатов, М.А. Сетевая парадигма (философская рефлексия) / М.А. Игнатов // Науч. ведомости Белгор. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Право. – 2017. – № 17, вып. 41. – С. 49–55.
3. Кастельс, М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. – Екатеринбург: У-Фактория, 2004. – 328 с. – ISBN 5-94799-373-2.
4. Белинская, Е.П. Психология интернет-коммуникации / Е.П. Белинская. – Москва: Изд-во Моск. психол.-соц. ун-та, 2013. – 192 с. – ISBN 978-5-9770-0672-9.
5. Latour, B. Reassembling the Social: an Introduction to Actor-network Theory / B. Latour. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. – 312 p.
6. Green, M.C. Trust and Social Interaction on the Internet / M.C. Green // Oxford Handbook of Internet Psychology / Ed. by A. Joinson [et al.]. – New York, 2007. – Pp. 43–52.
7. Хабермас, Ю. После 11 сентября / Ю. Хабермас // Расколотый Запад. – Москва: Весь мир, 2008. – С. 9–29.
8. Коровин, В.М. Третья мировая сетевая война / В.М. Коровин. – Санкт-Петербург: Питер, 2014. – 349 с. – ISBN 978-5-496-01131-0.
9. Информационное противоборство как составляющая современных «гибридных войн»: роль и особенности / В.А. Ачкасов, В.К. Белозеров, А.В. Будаев [и др.] // «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века; под ред. П.А. Цыганкова. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2015. – С. 189–210.
10. Булычев, И.И. О базисных логико-философских константах коммуникации / И.И. Булычев, А.Н. Кирюшин // Философия и общество. – 2011. – № 4. – С. 97–116.
11. Василенко, Л.А. Социология неравновесных процессов становления информационного общества: методологические подходы / Л.А. Василенко // Синергетическая парадигма. Социальная синергетика / Рос. акад. наук, Ин-т философии; редкол.: В.И. Аршинов [и др.]. – Москва: Прогресс-Традиция, 2009. – С. 612–639.
12. Кант, И. Критика практического разума / И. Кант. – Москва: Юрайт, 2021. – 177 с. – ISBN 978-5-534-14258-7.
13. Измагурова, В.Л. Этические аспекты влияния интернет-общения на развитие сознания / В.Л. Измагурова // Коммунология. – 2017. – Т. 5. – № 4. – С. 59–70.

References

1. Berdnik E.A. Network culture as an object of sociological analysis. *SOCIOPROSTIR: an interdisciplinary collection of scientific papers on sociology and social work*. 2011;1:51-55 (In Russ.).
2. Ignatov M.A. The network paradigm (philosophical reflection). *Scientific Bulletin of Belgorod State University*. Series "Philosophy. Sociology. Law", 2017;17(41):49-55 (In Russ.).
3. Castells M. The Galaxy of the Internet: reflections on the Internet, business and society. Yekaterinburg: U-Faktoria, 2004. 327 p. ISBN 5-94799-373-2 (In Russ.).
4. Belinskaya E.P. Psychology of Internet communication. Moscow: Publishing House of Moscow psychological and social University, 2013. 185 p. ISBN 978-5-9770-0672-9 (In Russ.).
5. Latour B. Reassembling the Social: an Introduction to Actor-network Theory. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. 312 p. (In Eng.).
6. Green M.C. Trust and social interaction on the Internet / Ed. by A. Joinson [et al.]. *Oxford Handbook of Internet Psychology*. New York, 2007. Pp. 43–52 (In Eng.).
7. Habermas J. After September 11. *Split West*. Moscow, 2008. Pp. 9–29 (In Russ.).
8. Korovin V.M. The Third world network War. St. Petersburg: Piter, 2014. 349 p. ISBN 978-5-496-01131-0 (In Russ.).
9. Volodenkov S.V. Information warfare as a component of modern "hybrid wars": the role and features. *"Hybrid wars" in the chaotic world of the 21st century*. Ed. by P.A. Tsygankov. Moscow, 2015. Pp. 189–210 (In Russ.).
10. Bulychev I.I., Kiryushin A.N. On basic logical and philosophical constants of communication. *Philosophy and Society*. 2011;4:97-116 (In Russ.).
11. Vasilenko L.A. Sociology of nonequilibrium processes of information society formation: methodological approaches. *Synergetic paradigm. Social synergetics*. Ed. by V.I. Arshinov [et al.]. Moscow, 2009. Pp. 612–639 (In Russ.).
12. Kant I. Criticism of Practical Reason. Moscow: Yurayt, 2021. 177 p. ISBN 978-5-534-14258-7.
13. Izmagurova V.L. Ethical aspects of the influence of Internet communication on the development of consciousness. *Kommunologiya*. 2017;5(4):59-70 (In Russ.).

Информация об авторе

БАНЬКОВСКАЯ Юлия Леонидовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь; eLibrary SPIN: 3090-5675. **E-mail:** ulia_bank@tut.by

Information about the author

BANKOVSKAYA Yuliya L. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies of the Belarussian State University, Minsk, Republic of Belarus; eLibrary SPIN: 3090-5675. **E-mail:** ulia_bank@tut.by

УДК 101.1:316+130.2+159.964.2

СУБЛИМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ЛИЧНОСТИ

К.В. Севастов

Республиканский институт высшей школы,
г. Минск, Республика Беларусь

Поступила в редакцию: 13.08.25

В окончательном варианте: 25.09.25

Аннотация. В статье рассматривается феномен персональной идентичности с точки зрения его отражения в фундаментальной концепции описания внутрисубъектной индивидуальности, а именно – в психоаналитической теории личности, которая на сегодняшний день является связующим звеном между практиками в области психоисследований и философскими изысканиями о субъективном самовосприятии и самоопределении. Описывается хронологическая трансформация представлений о феномене персональной идентичности в соответствии с развитием психоаналитической теории, что в настоящее время весьма актуально, потому как нестабильность современной культуры обуславливает научный поиск по части субъективной самодетерминации к подкреплению со стороны околофилософских систем знаний – фундаментальной культурологии, теоретической социологии, социокультурной антропологии, общей и когнитивной психологии и, разумеется, психоанализа и психоаналитики в той или иной их интерпретации. Цель данной статьи – проследить преобразования представлений о феномене персональной идентичности с точки зрения его экспликации в психоаналитической теории личности. Сформулированная цель предопределила методы исследования, среди которых метод теоретической реконструкции и метод системного анализа, позволяющий всесторонне и комплексно рассмотреть феномен персональной идентичности в его психоаналитическом контексте. Акцент делается на таких психоаналитических понятиях, как троичная психическая система Зигмунда Фрейда, которая делит личность на три ключевых компонента: Оно, Я и Сверх-Я; коллективное бессознательное и архетипический конструкт Карла Густава Юнга, предполагающие наличие у субъекта универсальных образов и мотивов, влияющих на индивидуальное восприятие идентичности; творческие акты Николая Александровича Бердяева, которые являются важнейшим проявлением индивидуальности и открывают новые горизонты для понимания идентичности, подчеркивая важность субъективного опыта и внутренней свободы; стадия зеркала Жака Лакана, иллюстрирующая то, как субъективное взаимодействие с Другим формирует представление о себе; смерть матери Андре Грина, которая символизирует радикальное изменение в восприятии идентичности на глубоком эмоциональном уровне. Доказывается, что кризис персональной идентификации субъекта получил обоснование и подтвердил логичность своего существования в следующих за модернистскими представлениями о субъектности культуре постмодерна и философии постмодернизма.

Ключевые слова: психоаналитическая теория личности, психоанализ, идентификация, идентичность, субъект, коллективное бессознательное, архетипический конструкт, творческие акты, стадия зеркала, смерть матери, Другой, постмодернизм.

SUBLIMATION OF IDENTITY IN THE CONTEXT OF PSYCHOANALYTIC THEORY OF PERSONALITY

K. V. Sevastov

National Institute for Higher Education,
Minsk, Republic of Belarus

Original article submitted: 13.08.25

Revision submitted: 25.09.25

Abstract. The article discusses the phenomenon of personal identity from the point of view of its reflection in the fundamental concept of describing intra-subjective individuality, namely, in the psychoanalytic theory of personality, the degree of development of which today is the link between practices in the field of psychoresearch and philosophical research on subjective self-perception and self-determination. The author of the article describes the chronological transformation of ideas about the phenomenon of personal identity in accordance with the development of psychoanalytic theory, which is currently a very pressing issue, because the instability of modern culture encourages scientific research in terms of subjective self-determination to be reinforced by near-philosophical knowledge systems – fundamental cultural studies, theoretical sociology, socio-cultural anthropology, general and cognitive psychology and, of course, psychoanalysis and psychoanalytic practice in one or another of their interpretations. The purpose of this article is to trace the theoretical transformations in the ideas about the phenomenon of personal identity from the point of view of its explication in the psychoanalytic theory of personality. The formulated goal predetermined the research methods, among which are the method of theoretical reconstruction, the result of which is a retrospective reproduction of the logic of psychoanalytic research in the field of self-determination of the subject, and the method of system analysis, which allows for a comprehensive and complex consideration of the phenomenon of personal identity in its psychoanalytic context. The presented work focuses on such psychoanalytic concepts as Sigmund Freud's triune psychic system, which divides the personality into three key components: the Id, the Ego, and the Superego; Carl Gustav Jung's collective unconscious and archetypal construct, which suggest that the subject has universal images and motives that influence the individual perception of identity; Nikolai A. Berdyaev's creative acts, which are the most important manifestation of individuality and open new horizons for understanding identity, emphasizing the importance of subjective experience and inner freedom; Jacques Lacan's mirror stage, which illustrates how subjective interaction with the Other shapes the idea of oneself; Andre Green's dead mother, which symbolizes a radical change in the perception of identity on a deep emotional level. It is proved that the crisis of personal identification of the subject has a validity and consistent logic of its existence in the next to modernist ideas about subjectivity – postmodern culture and postmodern philosophy.

Keywords: psychoanalytic theory of personality, psychoanalysis, identification, identity, subject, collective unconscious, archetypal construct, creative acts, mirror stage, the dead mother, the Other, postmodernism.

Проблема персонального самоопределения является ключевой на всех уровнях философского знания, и современность – не исключение. Тем не менее переломным моментом по праву можно считать зарождение и развитие психоаналитических идей.

Философский ракурс рассмотрения феномена персональной идентичности был бы неполным без опоры на психоаналитическую теорию личности, которая своим возникновением предопределила целое направление в исследованиях идентификационных процессов.

В конце XIX – начале XX вв. для исследования и описания личностной концептуальности возникает принципиально новый метод – психоанализ, который основывается в первую очередь на бессознательном и иррациональном свойствах ментального существования человека. И в этом контексте психоанализ оказывает абсолютно противоположное действие на рассуждения, об идентичности в том числе, потому как помимо внешней причины исследуется и внутренняя, зачастую подкрепленная психиатрическими и в целом медицинскими практиками.

И все же для начала важно отметить, что 1890-е годы – десятилетие, которому обязан психоанализ своим возникновением – период достаточной стабильности в Европе, а также время развития науки, техники, литературы и спорта. К слову, в Западной Европе этот период именовался *Прекрасной эпохой*.

Стоит уточнить, что последние десятилетия XIX века – период, который характеризуется колоссальным количеством научных открытий, полностью изменивших привычную картину мира. Среди самых значимых событий следует выделить такие, как:

- *теория относительности* А. Эйнштейна, которая произвела революцию в научном мире, потому как отныне научное представление о пространстве и времени переходит на новый уровень и, что примечательно, ее невозможно представить в виде графика – она рассматривается исключительно в воображении;

- *периодическая система элементов* Д.И. Менделеева, которая включала в себя не только структурную корреляцию между атомным весом элементов и их химическими свойствами, – благодаря таблице становится возможным предугадать открытие новых, никем не изученных элементов;

- *основание* Л. Пастером *микробиологии*, которая изучает патогенные микроорганизмы и вырабатывает способы борьбы с болезнетворными бактериями и вирусами;

- *открытие рентгеновских лучей* В. Рентгеном, которое кардинально изменило как медицину, так и представления о технике и ее возможностях;

- *открытие свойств радиоактивности* некоторых химических элементов П. Кюри и М. Склодовской-Кюри;

- *теория эволюции видов путем естественного отбора* Ч. Дарвина, которая не только изменила существующую картину мира, но и в целом привела к серьезному конфликту между наукой и религией;

- *создание парового двигателя* и, как следствие, резкий скачок в развитии машиностроения;

- *изобретение электрической лампочки* Т. Эдисоном не только позволило заменить газовое освещение на электрическое, но и положило начало всеобщей электрификации;

- *создание братьями Люмьер кинематографа*, который стал не только средством развлечения, но и полноценным видом искусства.

Тем не менее можно предположить, что ввиду отсутствия в тот период проблем глобального масштаба (политическая нестабильность, экономический кризис, восстания, война и т. п.) вектор некоего общечеловеческого изыскания и научного проблематизирования сместился с общесоциального на субъектный уровень, а та самая проблематизация стала более узконаправленной, индивидуализированной. Произошло некоторое перераспределение от общего к частному. И, возможно, именно благодаря этому психоаналитическая теория личности (и весь психоанализ в целом) обрела такую популярность в регионе, где не нужно было преодолевать экономический кризис, побеждать в войне или искать лекарство от эпидемии. В связи с этим можно утверждать, что в указанный период проблематизация личностной идентичности обусловлена исторической стабильностью.

Зигмунд Фрейд. Безусловно, данное рассуждение об индивидуально-личностных характеристиках субъекта с точки зрения психоанализа следует начать с концепции, предложенной З. Фрейдом [1; 2] – родоначальником всей психоаналитической теории.

З. Фрейд, углубившись в исследование скрытых личностных слоев и уровней, систем и подсистем, провозглашает революционную троичную психическую систему, которая включает в себя следующие элементы: *Оно*, *Я* и *Сверх-Я*.

Оно, по З. Фрейду, – своего рода резервуар идиопатических влечений. Гиперактивная и онтогенетически первичная, в каком-то смысле первозданная, структура личности. *Оно* существует, руководствуясь лишь удовольствием, и не участвует в интерпретации стороннего как такового.

Сверх-Я – считал З. Фрейд – это отражение действительности в психике индивида, поле для индивидуальных ментальных установок, норм социального поведения и существования в целом, а также табу и религиозных формирований. Основные функции *Сверх-Я*: совесть, эмпирия, поведенческие установки и формирование ценностей, идеалов и мнений.

Основной же функцией *Я*, по З. Фрейду, является симбиоз *Оно* и *Сверх-Я* для образования обязательной связки с миром внешним и окружающей действительностью. Также определяющая функция *Я* – инструмент психологической обороны, при помощи которой статичное и категоричное *Сверх-Я* может быть обмануто, а возмещение потребностей будет реализовано без чувства вины.

В данной троичной системе психики личностный уровень рассеян. Из трех составляющих психологических структур психоаналитической теории только *Я* и, возможно, *Сверх-Я* могли бы предстать в виде личностного уровня [3].

Впоследствии со стремительным развитием и обретением популярности психоаналитическая теория (как и любое другое новаторство своего времени) подвергается не только критике, но и трансформации отдельных структурных элементов, пересмотру целых пластов теоретического аппарата, предложенных и отстаиваемых З. Фрейдом.

Слабую сторону фрейдистской концепции личности пересматривают его ученики (К.Г. Юнг [4; 5; 6; 7], А. Адлер [8; 9], О. Ранк [10]), сделав открытия З. Фрейда основой для своих исследований и поводом для модернизации своей психиатрической практики.

Карл Густав Юнг. К.Г. Юнг, как и З. Фрейд, был приверженцем идеи *бессознательного* – той части психического конструкта, которая не контролируется сознанием субъекта. Тем не менее в разработанности проблематики он ушел намного дальше, когда ввел в психоаналитический аппарат понятие *коллективного*

бессознательного, что впоследствии стало неотделимой частью новой, созданной К.Г. Юнгом дисциплины – аналитической психологии. Ее главным открытием стало наличие архетипов – первичных структур, между которыми существует сознание; эти структуры, к слову, напрямую связаны с бессознательным, а их активация аккумулируется в контексте сновидений [4].

Важно отметить, что согласно как З. Фрейду, так и К.Г. Юнгу «человек проявляется в утверждении своего эго, когда в свете <...> бессознательного вырисовывается часть человека, игнорируемая им самим» [11, с. 230].

Так, основная идея психоаналитики К.Г. Юнга заключалась в его «вере в реально существующие архетипические энергии, трансцендентные эго и в момент обладания последним убедительно демонстрирующие истину и силу», в процессе движения энергий, в которых К.Г. Юнг видел «порыв к целостности, понимаемой как уподобление и примирение многих несоединимых и враждующих компонентов личности, порыв, всегда несущий с собой более полное проникновение в мир за пределами индивидуального бытия и приятие этого мира». Этот процесс К.Г. Юнг называет процессом *индивидуации* [12, с. 5–6].

Тем не менее сам психоаналитик не раз отмечал, что именно концепт личного ему не интересен, и, как может показаться на первый взгляд, его *коллективное бессознательное* и *архетипический конструкт* намеренно противопоставляются «чересчур персоналистическому подходу З. Фрейда» [13, с. 87]. Тем самым К.Г. Юнг акцентировал внимание на том, что *собственно психология личности* «чрезмерно фокусируется на изучении эго и не обладает методологией для интерпретации архетипического материала» [цит. по: 13, с. 87]. О роли личного в психологии К.Г. Юнг говорил: «Личное мне кажется столь иррациональным и неопределенным, что я просто не знаю, что с ним делать. Кажется, что единственный выход – просто им не заниматься» [цит. по: 13, с. 87]. Важно, что в данном заявлении К.Г. Юнг не отрицал важность или тем более существование, *экзистенцию личного*, равно как и не отвергал или клишировал его – он просто не уделял ему должного внимания по причине замещения *личного* в своей психоаналитической теории другими конструктами психики.

Николай Александрович Бердяев. В вопросе проблематизации личности важно обратить внимание на ключевую проблему экзистенциальной философии – проблему личности. Так, Н.А. Бердяев отмечал: «Проблема личности есть главная проблема экзистенциальной философии. Я говорю “я” раньше, чем сознал себя личностью... Я должен реализовать в себе личность» [цит. по: 13, с. 64]. В то же самое время К.Г. Юнг изучал данную экзистенциальную перспективу феноменов аналитической психологии с точки зрения психологического ракурса рассмотрения [13, с. 64]. Тем не менее, используя психологическую терминологию К.Г. Юнга, Н.А. Бердяев описывает «спиралевидное движение Самости на пути к индивидуации, которая все сильнее удаляется от узких границ эго» [13, с. 66].

Важно, что в итоге Н.А. Бердяев отмечал изначальную целостность личности, акцентируя внимание на том, что «личность не составляется из частей, не есть агрегат, не есть слагаемое, она есть первичная целость. Возрастание личности, реализация личности совсем не означает образования целого из частей, но означает творческие акты личности как целого, ни из чего не выводимого и ни из чего не слагаемого. Образ личности целостный, он целостно присутствует во всех актах личности. Личность имеет единственный, неповторимый образ, *Gestalt*» [13, с. 78].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что понятие личности обретает полярно разные детерминации: с одной стороны, как *архетипический конструкт* психики, а с другой – как нечто целостное, состоящее из такого же изначально цельного – *творческих актов*.

Жак Лакан. Исследуя концепцию идентичности, нельзя оставить без внимания исследования Ж. Лакана, ошибочно именуемого последователем З. Фрейда в одних кругах (Ж.-А. Миллер [14]), но заслуженно считающегося «человеком, который перечитал Фрейда» – в других (А. Грин [15], Г. Валь [16]).

Действительно, вырабатывая концептуальность своего собственного видения конструкта идентичности, Ж. Лакан поначалу соглашается с З. Фрейдом в отношении утверждения, что сновидения – это своего рода осуществление желания, но затем все-таки проводит разделительную черту, задаваясь вопросом: если сон – это исполнение желания, то это самое желание принадлежит кому? Человеку, его личности или чему-то более глубокому? И все же, снова опираясь на З. Фрейда, констатирует, что «субъект децентрирован в отношениях со своим Я», и очень жестко критикует тех, кто с этим утверждением не согласен [17, с. 113]. Так, продолжая учение З. Фрейда, Ж. Лакан поэтапно находит свой собственный путь в сложной структуре психоанализа, постепенно утверждаясь в принципиальности своего профессионального убеждения: отношения между Я и самим субъектом – конфронтационны.

Важно отметить, что так называемая *перечитываемость* З. Фрейда Ж. Лаканом – не что иное, как ответы на поставленные З. Фрейдом вопросы, которые, по мнению большинства постфрейдистов, остались без ответа. Как, например, основополагающая проблематизация концепта Я, с которым человек не рождается, но которое потом непременно возникнет. Эту самую временную пустоту в виде процесса приобретения человеком Я и пытается объяснить Ж. Лакан. И революционной концепцией оказалась именно *стадия зеркала*, которую изначально сам психоаналитик объясняет исключительно как стадию взросления ребенка, впоследствии определяя ее не как просто период в жизни ребенка, а как конструкт субъективности или парадигму Воображаемого.

Так, Ж. Лакан утверждал, что оппозиция ребенка зеркалу является самостоятельной стадией в развитии ребенка, продолжающейся в среднем от полугода до полутора лет, которая сменяет предыдущую стадию развития – стадию отлучения ребенка от груди. Через образ, отражаемый в зеркале, ребенок переживает себя как единое целое, «согласованное и поддающееся контролю» [18, с. 64–65], пусть и мнимому по факту, но стабильному для ребенка.

Важно, что Ж. Лакан, описывая *стадию зеркала*, акцентирует внимание на том, что человек рождается преждевременно. В том смысле, что после своего рождения он неспособен выжить без сторонней помощи. В данном случае – помощи матери. Исходя из этого *стадия зеркала* – «это этап развития ребенка, который наступает после стадии отлучения от груди, когда ребенок, с одной стороны, выходит из симбиотических отношений с матерью и начинает медленно обретать самостоятельность. Но, с другой стороны, обрести эту самостоятельность он еще до конца не может <...> потому, что у него нет целостного образа себя, целостного представления о себе, способности себя контролировать, способности к скоординированным действиям, необходимым для самостоятельной добычи пищи, самостоятельного выживания» [18, с. 68–69].

Визуальная тождественность, получаемая от зеркального изображения, гарантирует ребенку иллюзорную или даже фантомную цельность эмпирии фрагментированного реального. А именно: ребенок визуализирует свой образ цельным, но, что немаловажно, ввиду неспособности ребенка к полной и убедительной координации движений воспринимается этот образ исключительно фрагментарно.

Тем не менее Ж. Лакан считает, что такого рода контрастность анализируется ребенком как состязание с собственным отражением, потому как единство образа подвержено угрозе разрушения. Из этого следует, что *стадия зеркала* предопределяет враждебный накал между субъектом и образом, при этом первый во избежание агрессивного напряжения инициирует процесс идентификации себя с образом. В данной начальной стадии процесса идентификации и структурируется Я. При этом Ж. Лакан уточняет, что *стадия зеркала* выявляет Я как исход в виде недопонимания (ложное опознавание), а соответственно как раз на этой стадии и происходит символический отказ субъекта от самого себя и закрепляется иллюзорный порядок [19].

Немаловажно, что в данной ситуации ребенок «отождествляется с образом вне себя, неважно, является ли это реальным зеркальным образом или же просто образом другого ребенка» [18, с. 69]. И тут формируется один из важнейших тезисов Ж. Лакана: Я – это Другой. А именно: «зеркальный образ, с которым субъект сталкивается, который его захватывает, с которым он отождествляется, который он помещает внутрь себя, который становится <...> его идеальным Я, фундаментом, на котором может возникнуть его собственное Я, – это не то, что изначально находилось внутри субъекта. Это <...> возникло где-то вовне, <...> в зеркале, а затем было помещено субъектом внутрь. И дальше субъект уже отождествил себя с этим изначально внешним объектом. То, что было вовне, оказалось внутри» [18, с. 70].

Анализируя концептуальность психоаналитической теории Ж. Лакана, можно сделать вывод о том, что изначально такая согласованность с концепцией З. Фрейда относительно структуры человеческого Я с развитием теоретического аппарата Ж. Лакана достаточно сильно дифференцируется. Тем не менее Ж. Лакан дал ответ на вопрос, поставленный З. Фрейдом, но оставленный им без ответа.

В системе же развития психоаналитической теории личности в целом данное смещение вектора не следует рассматривать как оспариваемость всей Я-концепции; это лишь указывает на то, что вся психоаналитическая теория личности развивалась, а, как известно, прирост знания в определенной области возможен лишь тогда, когда существует мнений больше, чем одно.

Андре Грин. В контексте ментальной сепарации ребенка и матери, которую в психоаналитической теории личности наглядно демонстрирует *стадия зеркала* Ж. Лакана, важно отметить, что происходит своего рода отделение именно ребенка от матери. Но что же происходит, если ситуация становится противоположной? В данном случае психоанализ предлагает достаточно сложную концепцию *мертвой матери*, или синдром *смерти матери*, которую описал А. Грин [15].

Для начала важно уточнить, что в психоаналитической теории личности синдром *смерти матери* не несет в себе буквальные переживания ребенка и их последствия от физической потери матери. В данном случае А. Грин затрагивает те аспекты материнского поведения, которые формируются, например, вследствие депрессии, и как все это отражается на восприятии ребенка.

Интересно, что до А. Грина уже было достаточно сказано о «шизофреногенной или невротичной матери», но вот о «мертвой психически» трудов практически не существовало [17, с. 217].

Смерть матери заключается в следующем.

А. Грин, описывая синдром, определяет: в результате определенных обстоятельств ребенок замечает, что вместо хорошо ему знакомой, связанной с ним ментально матери присутствует кто-то совершенно ему незнакомый – отстраненный, безразличный и в целом совершенно чужой [15; 17, с. 218].

Так, А. Грин пишет: «Мертвая мать здесь <...>, вопреки тому, что можно было бы ожидать, – это мать, которая остается в живых; но в глазах маленького ребенка <...> она мертва психически», а затем отмечает, что «трансформация психической жизни ребенка в момент резкой дезинвестиции его матерью при [ее] внезапном горе переживается им как катастрофа. Ничто ведь не предвещало, чтобы любовь была утрачена так враз» [цит. по: 17, с. 218].

И здесь, по словам А. Грина, происходит достаточно интересная ситуация (важно, что в данном контексте ребенок выступает в роли субъекта, а мать – объекта). Будучи дезориентированным в данных обстоятельствах, ребенок будет пытаться вернуть былое расположение матери, а точнее – как это определял сам А. Грин – вернуться к матери (речь, вероятно, идет о комплексе вины ребенка). И далее ввиду невозможности исправить ситуацию Я ребенка будет вынуждено обратиться к своим собственным защитным механизмам для преодоления травмирующей ситуации и вывода ребенка из нее [15; 17, с. 218–219].

Защитный механизм № 1. *Отзеркаливание*

«Дезинвестиция материнского объекта и несознательная идентификация с мертвой матерью <...> является психическим убийством объекта без ненависти» – здесь А. Грин пишет о том, что для преодоления ребенком чувства потери ему ничего не остается, кроме как проидентифицировать себя, другими словами – *отзеркалить*, с матерью, а точнее – с ее состоянием. Вероятно, для того чтобы всего лишь вызвать тем самым ответную реакцию со стороны матери-объекта [15; 17, с. 218–219].

Защитный механизм № 2. *Потеря смысла*

«Вообразив выворачивание ситуации субъектом, который <...> приписывает себе ответственность за перемену, остается непроходимая пропасть между проступком, в совершении которого субъект мог бы себя упрекнуть, и интенсивностью материнской реакции. <...> Проступок сей связан с его образом бытия; действительно, отныне ему запрещено быть». Здесь А. Грин отмечает, что *мертвая мать-объект* «увлекает Я за собой – к пустынной смертоносной вселенной», а сам механизм, хоть и оправдан лишь своим наличием, попросту нерезультативен [15; 17, с. 218–219].

Важно, что своей концепцией *мертвой матери* А. Грин в какой-то мере продолжает проблематику, которую в свое время сформулировал З. Фрейд (например, о важности аффективных переживаний), но одновременно с тем противопоставляет себя всей ветви французского психоанализа – и Ж. Лакану в первую очередь [17, с. 218–219].

Можно предположить, что основание упомянутого концептуального противостояния заключается в том, что *стадия зеркала* Ж. Лакана попросту несостоятельна, а точнее – нелогична внутри матрицы концептуального аппарата А. Грина, потому как своего рода отлучение происходит не со стороны ребенка, а со стороны

матери. Безусловно, синдром *смерти матери* контекстуален, а это в свою очередь указывает и на контекстуальность *стадии зеркала*.

Таким образом, исходя из первичной концепции об изначальной нецелостности личности, предложенной З. Фрейдом, а также на примере процесса индивидуации с точки зрения К.Г. Юнга (*архетипический конструкт*) и Н.А. Бердяева (*творческие акты*), *стадии зеркала* Ж. Лакана и синдрома *смерти матери* А. Грина можно сделать вывод о том, что со стороны психоаналитических обоснований личность как таковая изначально является собирательной и в некотором роде приобретаемой особенностью человека.

Важно отметить тот факт, что изначальная диффузность личности с точки зрения психоанализа в состоянии срезонировать с последующим идентификационным кризисом, свойственным именно для постмодернистской философии.

В подтверждение скажем, что в психоаналитической теории «растущее разнообразие категорий для описания личности, *субъект которой отсутствует*, контрастирует с непостижимостью, бесчувствием, равнодушием <...>, которые всегда вызывали удивление, растерянность и тревогу» [20, с. 233]. Это подкрепляется достаточно строгим афоризмом Ж. Лакана, освобождающим человека от объективирующей перспективы: «С нашей позиции субъекта мы всегда несем ответственность» [цит. по: 20, с. 246].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что следующий за психоаналитической революцией в эпоху модерна идентификационный кризис личности получил обоснование и подтвердил последовательную логичность своего существования в философии постмодернизма. Единство личности берет истоки в первоначально диффузном состоянии психики, а поскольку именно для постмодернизма характерна декомпозиция личностного единства и дробность организованной целостности ставится под вопрос, естественность распада не вызывает сомнений.

Список литературы

1. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд; пер. с нем. Г. Барышниковой. – Санкт-Петербург: Азбука: Азбука-Аттикус, 2020. – 448 с. – ISBN 978-5-389-13277-1.
2. Фрейд, З. Психоаналитические этюды / З. Фрейд; пер. с нем.; сост.: Д.И. Донской, В.Ф. Круглянский. – Минск: Попурри, 2015. – 736 с. – ISBN 978-985-15-0152-2.
3. Корчмарюк, В.А. Психоаналитическое рассмотрение теории личности / В.А. Корчмарюк // Вестник С.-Петерб. ун-та МВД России. – 2007. – № 3. – С. 165–169.
4. Юнг, К.-Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К.-Г. Юнг; пер. с нем. А.А. Чечиной. – Москва: АСТ, 2019. – 496 с. – ISBN 978-5-17-108753-1.
5. Юнг, К.-Г. Психология переноса. Интерпретация на основе алхимических изображений / К.-Г. Юнг; пер. с нем. – Москва: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1997. – 298 с. – ISBN 978-5-906891-64-8.
6. Юнг, К.-Г. Сознание и бессознательное / К.-Г. Юнг; пер. с нем. В. Бакусева. – Изд. 2-е. – Москва: Академический проект, 2009. – 188 с. – ISBN 978-5-8291-1130-4.
7. Юнг, К.-Г. Эон: исследования о символике самости / К.-Г. Юнг; пер. с нем. В. Бакусева. – Москва: Академический проект, 2009. – 340 с. – ISBN 978-5-8291-1128-1.
8. Адлер, А. Очерки по индивидуальной психологии / А. Адлер; пер. с нем. А.М. Боковинова. – Москва: Когито-Центр, 2002. – 220 с. – ISBN 5-89353-050-0.

9. Адлер, А. Понять природу человека / А. Адлер; пер. с нем. – Москва: Академический проект, 1997. – 256 с. – ISBN 5-7331-0107-5.
10. Ранк, О. Травма рождения и ее значение для психоанализа / О. Ранк; пер. с нем. Е.Н. Баканова. – Москва: Когито-Центр, 2009. – 239 с. – ISBN 978-5-89353-286-9.
11. Блюм, Дж. Психоаналитические теории личности / Дж. Блюм; пер. с англ. и вступ. ст. А.Б. Хавина. – Москва: КСП, 1996. – 247 с. – ISBN 5-88694-030-8.
12. Даурли, Д. Болезнь по имени Человек: юнгианский подход к христианству / Д. Даурли; пер. с англ. В. Зеленского. – Москва: Городец, 2017. – 120 с. – ISBN 978-5-906815-64-4.
13. Николаус, Г. К.-Г. Юнг и Н. Бердяев: индивидуация и личность. Критическое сравнение / Г. Николаус; пер. с англ. В. Фролова. – Москва: Городец, 2017. – 288 с. – ISBN 978-5-906815-07-1.
14. Миллер, Ж.-А. Введение в клинику лакановского психоанализа. Девять испанских лекций / Ж.-А. Миллер; пер. с исп. Н. Муравьева. – Москва: Логос: Гнозис, 2017. – 184 с. – ISBN 978-59934-8559-5-5.
15. Green, A. The dead mother / A. Green; ed. G. Kohon. – London: Routledge, 1999. – 248 p.
16. Валь, Г. Теория нарциссизма / Г. Валь // Ключевые понятия психоанализа / Пер. с нем. С.С. Панкова; под ред. В. Мертенса. – Санкт-Петербург: Б&К, 2001. – Гл. 9. – С. 85–92. – ISBN 5-93414-052-3.
17. Лобачев, Д.В. История французского психоанализа в лицах / Д.В. Лобачев. – Москва: Городец, 2021. – 272 с. – ISBN 978-5-907358-26-3.
18. Узланер, Д. Жак Лакан: введение / Д. Узланер. – Москва: РИПОЛ классик, 2022. – 288 с. – ISBN 978-5-386-14508-8.
19. Лакан, Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Семинар 1954–1955 / Ж. Лакан; пер. с фр. А. Черноглазова. – Москва: Гнозис: Логос, 2009. – 520 с. – ISBN 5-8163-007-5.
20. Бьяджи-Чай, Ф. Случай Ландрю в свете психоанализа / Ф. Бьяджи-Чай; пер. с фр. Е. Шкадаревич. – Москва: Городец, 2018. – 272 с. – ISBN 978-5-906815-11-8.

References

1. Freud Z. Introduction to Psychoanalysis. Transl. from German G. Baryshnikova. St. Petersburg: ABC: ABC-Atticus, 2020. 448 p. ISBN 978-5-389-13277-1 (In Russ.).
2. Freud Z. Psychoanalytic Studies. Transl. from German; comp. D.I. Donskoy, V.F. Kruglyansky. Minsk: Potpourri, 2015. 736 p. ISBN 978-985-15-0152-2 (In Russ.).
3. Korchmaryuk V.A. Psychoanalytic consideration of the theory of personality. *Bulletin of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2007;3:165-169 (In Russ.).
4. Jung K.-G. Archetypes and the collective unconscious. Transl. from German A.A. Chechina. Moscow: AST, 2019. 496 p. ISBN 978-5-17-108753-1 (In Russ.).
5. Jung K.-G. Transfer psychology. Alchemistic interpretation. Transl. from German. Moscow: Refl-book; Kyiv: Wackler, 1997. 298 p. ISBN 978-5-906891-64-8 (In Russ.).
6. Jung K.-G. Consciousness and the Unconscious. Transl. from German V. Bakusev. Ed. 2nd. Moscow: Academic project, 2009. 188 p. ISBN 978-5-8291-1130-4 (In Russ.).
7. Jung K.-G. Eon: studies on the symbolism of the self. Transl. from German V. Bakusev. Moscow: Academic project, 2009. 340 p. ISBN 978-5-8291-1128-1 (In Russ.).
8. Adler A. Essays in Individual Psychology. Transl. from German A.M. Bokovikov. Moscow: Kogito-Center, 2002. 220 p. ISBN 5-89353-050-0 (In Russ.).

9. *Adler A.* Understand the nature of man. Transl. from German. Moscow: Academic project, 1997. 256 p. ISBN 5-7331-0107-5 (In Russ.).
10. *Rank O.* Birth trauma and its implications for psychoanalysis. Transl. from German E.N. Bakanov. Moscow: Kogito-Center, 2009. 239 p. ISBN 978-5-89353-286-9 (In Russ.).
11. *Blum J.* Psychoanalytic Theories of Personality. Transl. from English A.B. Khavin. Moscow: KSP, 1996. 247 p. ISBN 5-88694-030-8 (In Russ.).
12. *Daurley D.* A disease named Man: Jungian approach to Christianity. Transl. from English V. Zelensky. Moscow: Gorodets, 2017. 120 p. ISBN 978-5-906815-64-4 (In Russ.).
13. *Nikolaus G. K.-G.* Jung and N. Berdyaev: individuation and personality. Critical comparison. Transl. from English V. Frolov. Moscow: Gorodets, 2017. 288 p. ISBN 978-5-906815-07-1 (In Russ.).
14. *Miller J.-A.* Introduction to Lacanian psychoanalysis clinic. Nine Spanish Lectures. Transl. from Spanish N. Muravyov. Moscow: Logos: Gnosis, 2017. 184 p. ISBN 978-59934-8559-5-5 (In Russ.).
15. *Green A.* The dead mother. Ed. by G. Kohon. London: Routledge, 1999. 248 p. (In Eng.).
16. *Val G.* Theory of narcissism. *Key concepts of psychoanalysis*. Transl. from German S.S. Pankov; ed. by V. Mertens. St. Petersburg: B&K, 2001. Ch. 9. Pp. 85–92. ISBN 5-93414-052-3 (In Russ.).
17. *Lobachev D.V.* History of French psychoanalysis in persons. Moscow: Gorodets, 2021. 272 p. ISBN 978-5-907358-26-3 (In Russ.).
18. *Uzlaner D.* Jacques Lacan: Introduction. Moscow: RIPOL classic, 2022. 288 p. ISBN 978-5-386-14508-8 (In Russ.).
19. *Lacan J.* "I" in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis. Seminar 1954–1955. Transl. from French A. Chernoglazov. Moscow: Gnosis: Logos, 2009. 520 p. ISBN 5-8163-007-5 (In Russ.).
20. *Biaggi-Chai F.* Landrew case in the light of psychoanalysis. Transl. from French E. Shkadarevich. Moscow: Gorodets, 2018. 272 p. ISBN 978-5-906815-11-8 (In Russ.).

Информация об авторе

СЕВАСТОВ Кирилл Валерьевич – кандидат философских наук, магистр искусствоведения, доцент кафедры управления и экономики высшей школы ГУО «Республиканский институт высшей школы», г. Минск, Республика Беларусь. **E-mail:** kirillsevastov@gmail.com

Information about the author

SEVASTOV Kirill V. – Candidate of Philosophical Sciences, Master of Art Criticism, Associate Professor of the Department of Management and Economics of Higher Education, National Institute for Higher Education, Minsk, Republic of Belarus. **E-mail:** kirillsevastov@gmail.com

ЭСТЕТИКА И ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ГНОСЕОЛОГИЯ КАК ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ В ОБЛАСТИ ИНЖЕНЕРИИ

Г.Г. Коломиец

Оренбургский государственный университет,

г. Оренбург, Россия

Поступила в редакцию: 17.08.25

В окончательном варианте: 05.09.25

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена тем, что в расширяющемся поле современной теории познания находит своё место такое понятие, как «эстетическая гносеология», которая трактуется автором статьи как особая область познавательной деятельности, предусматривающая тесную связь науки, техники, инженерии с философской эстетикой, предполагающей совершенство чувственности, искусство, творчество с ориентацией на прекрасное мышление образами. Открытие научных теорий, появление научных трудов, возникающих с напряжением ума, чувства, со сгоранием эмоций так же, как и в искусстве, требуют эстетического согласия мыслей, гармонии, совершенного и прекрасного. В основе методологии по проблематике эстетической гносеологии лежит антропосоциоэкологический подход, обеспечивающий достоверность исследования по связи в метасистеме науки, технической инженерии и искусства. Данная модель метасистемы всё чаще находит место в градостроительстве и организации больших публичных пространств. Цель статьи – ввести в научный обиход понятие эстетической гносеологии. В первой части указывается, что в современном философском знании осуществляется преемственность эстетики как философской науки о чувственном познании, рожденной А.Г. Баумгартеном. В основной части, посвященной «алгоритмической эстетике как связи искусства и инженерии», показано продвижение философско-гносеологической мысли о сближении и интеграции науки, искусства и техники, представляющих единую метасистему, ставшую предметом эстетической гносеологии, необходимой при реализации художественных проектов в современном цифровом пространстве. Обращено внимание, с одной стороны, на особенности алгоритмической эстетики как базовой основы цифрового искусства, с другой – на связь эстетического опыта с инженерией. Приводится в пример гений В.Г. Шухова. В заключении подчеркивается ценность баумгартеновской эстетики и роль эстетической гносеологии в совершенствовании чувственного восприятия мира, мыслительных процессов посредством развития образного мышления, необходимого как в искусстве, так и в инженерном деле. Отмечается, что сама эстетизация жизни в поисках новых гармоничных путей формообразования требует согласия мыслей и действий, порядка в качественном, устойчивом выражении.

Ключевые слова: эстетическая гносеология, чувственное познание, эстетика как философская наука, метасистема: искусство – наука – техника, алгоритмическая эстетика, антропосоциоэкологический подход, инженерное дело.

AESTHETICS AND AESTHETIC GNOSEOLOGY AS A SUBJECT OF COGNITIVE THEORY IN THE FIELD OF ENGINEERING

G.G. Kolomiets

Orenburg State University,
Orenburg, Russia

Original article submitted: 17.08.25

Revision submitted: 05.09.25

Abstract. The relevance of the article is due to the fact that in the expanding field of modern theory of knowledge, such a concept as "aesthetic gnoseology" finds its place, which is interpreted by the author of the article as a special field of cognitive activity, providing for a close connection between science, technology, engineering and philosophical aesthetics, which presupposes the perfection of sensuality, art, creative activity with a focus on beautiful thinking with images, what is necessary in scientific and technical activities. The discovery of scientific theories, the appearance of scientific works that arise with the exertion of the mind, feelings, and the burning of emotions, as well as in art, require aesthetic agreement of thoughts, harmony, perfection, and beauty. The methodology of aesthetic gnoseology is based on an anthroposocioecological approach that ensures the reliability of research on the relationship in the meta-system of science, technical engineering and art. This model of metasystem is increasingly finding a place in urban planning and the organization of large public spaces. The purpose of the article is to introduce the concept of aesthetic gnoseology into scientific usage. In the first part, "Introduction to aesthetic gnoseology", the task was to show that modern philosophical knowledge implements the continuity of aesthetics as a philosophical science of sensory cognition, born by A.G. Baumgarten. In the main part, devoted to "algorithmic aesthetics as a link between art and engineering," the article demonstrates the advancement of philosophical and gnoseology thought about the convergence and integration of science, art and technology, representing a single meta-system that has become the subject of aesthetic gnoseology, necessary in solving art projects carried out in the modern digital space. Attention is drawn, on the one hand, to the features of algorithmic aesthetics as the basic basis of digital art, and, on the other, to the connection of aesthetic experience with engineering, citing the genius of V.G. Shukhov as an example. In conclusion, the author emphasizes the value of Baumgarten aesthetics and the role of aesthetic epistemology in improving the sensory perception of the world and thought processes through the development of imaginative thinking, which is necessary both in art and engineering. As for aesthetics as a science, it has come a long way from Bamgarten's gnoseology aesthetics, then the philosophy of art, to a broad problematic aesthetic knowledge that takes place everywhere and includes aesthetic gnoseology. The very aestheticization of life in search of new harmonious ways of shaping requires the consent of thoughts and actions, order in qualitative, stable expression.

Keywords: aesthetic gnoseology, sensory cognition, aesthetics as a philosophical science, metasystem: art – science – technology, algorithmic aesthetics, anthroposocioecological approach, engineering.

Введение в эстетическую гносеологию

Эстетика родилась в XVIII веке как философская наука о чувственном познании – области теории познания – в соответствии с рационалистической философской мыслью той эпохи. Так определил эстетику немецкий философ А.Г. Баумгартен (1714–1762). Эстетические вопросы, которые поставили молодой Баумгартен и его учитель Х. Вольф как представитель школы Лейбница в работе «Философские размышления о некоторых вопросах, касающихся поэтического произведения», исходили из задач теории познания, выделяя роль чувственного познания. В данной статье представлена философия поэзии как наука, направляющая эмоциональную речь к совершенству. Чувственная познавательная способность, указывал Баумгартен, конечно, низшая по сравнению с логикой как наукой о совершенстве рассудочного познания, но у философа нет другой возможности проникать в те области искусства, где мышление осуществляется образами; здесь нужна эстетика, изучающая «чувственно воспринимаемые знаки чувственного». Так с 1735 года закрепился термин и затем наука эстетика (*Aesthetica* – лат., – *sthetik* – нем.). «*Aesthetica*» Баумгартена вышла в свет в 1750 году (первая часть), продолжение последовало в 1758 году (вторая часть неоконченная), объем книги составил более 700 страниц [1].

В.Ф. Асмус отмечал, что две черты характерны для понимания баумгартеновской эстетики, которая, как увидим далее, касается и инженерного дела: 1) это философская наука о чувственном познании, 2) цель чувственного познания достигается с помощью искусства [2, с. 7]. К сказанному добавим третью особенность эстетики как науки, предметом которой является прекрасное или красота как совершенство чувственного познания, способность изящно или прекрасно мыслить образами. Так, в пролегоменах (предисловии) записано: «§ 1. Эстетика (теория свободных искусств, низшая гносеология, искусство прекрасного рассуждения, искусство аналога разума) есть наука чувственного познания» [1, с. 40]. В начале теоретической части, в разделе «Красота познания» обозначена цель: «Цель эстетики есть совершенство чувственного познания как такового. А это совершенство есть красота, и должно избегать несовершенства чувственного познания как такового... А это несовершенство есть безобразие» [1, с. 45]. Обнаруживается тройственный «союз» предмета эстетики согласно тройственному толкованию красоты: красота предметов, красота рассуждений, красота познания вообще. К примеру: «Безобразное как таковое можно мыслить прекрасным образом, а прекрасные вещи – безобразным» [1, с. 47]. Универсальная красота чувственного познания предполагает: 1) согласованность мыслей, 2) их порядок, 3) согласие в знаках, обозначение, т. е. выражение.

Кому и зачем нужна эстетика как наука? Словно предполагая этот вопрос, Баумгартен рассказывает, чем полезна научная эстетика: «1) она предоставляет хорошую материю для тех наук, которые по преимуществу познаваемы интеллектом; 2) результаты научного познания приспособливает к уровню понимания любого человека; 3) совершенствует познание, выводя его даже за пределы отчетливо познаваемых нами вещей; 4) дает надежные начала всем мирным занятиям и свободным искусствам; 5) в общественной жизни, если все остальное будет соответствовать, дает преимущество во всех делах...» [1, с. 41].

Баумгартен, конечно, учитывал то, что в философской литературе эпохи Нового времени различали разные виды чувственных способностей:

непосредственное чувственное ощущение, чувственную способность узнавать сходство или различие, где необходима проницательность и острота чувственности, память, воображение, суждение, оценку на основе чувственного восприятия объектов. Он выделил мысль о том, что совершенством в познании будет согласие мыслей, их порядок, выражение.

Несмотря на то, что Баумгартен вкладывал более глубокий смысл в понятие «чувственное познание», чем познание совершенства при помощи органов чувств, это понятие сводилось к «аналогу разума», «низшей логике» как смутное и неотчетливое познание. Однако с Баумгартеном можно согласиться: если чувственное познание включает и телесную чувственность, и память, и воображение, способность различия и чувственного выбора, то это свойственно и животным, как мы замечаем, наблюдая за ними. Но что делает далее Баумгартен – он исходит из поэзии и ведет эстетику к теории искусства, к произведениям искусства, творческому процессу, к действию высокого разума. Возможно, примерно так и рассуждал И. Кант, читая труд Баумгартена. Кант отнесёт сущность эстетического познания к области разума, допуская априорность эстетической идеи согласно своему принципу субъективного трансцендентализма. Рациональная идея и эстетическая идея – обе важны в равной степени, но у каждой своя задача: эстетическое делает то, чего не может рациональная идея.

Баумгартен сгладил лейбнизианское различие между чувственным и интеллектуальным, но все же для него область чувственного познания была «аналогом разума», низшей способностью по сравнению с логикой, хотя чувственное познание не сводилось только к ощущениям, а понималось в расширенном смысле. «Эстетика» Баумгартена включала теоретическую и практическую части, общую теорию искусства и рассматривала содержание произведений искусства, предполагая разделы по методологии, семиотике, практической эстетике, учитывая этическую компоненту, истинность и доводя научную эстетику до понятий убедительности и жизни.

В баумгартеновской эстетике находит место связь трех метафизических сущностей, известных с Античности и культивируемых в Новое время – красота, добро, истина. Неоднозначность эстетики проявилась в онтологическом и гносеологическом статусе эстетического знания. Он вводит два понятия истины: эстетическая истина и эстетикологическая истина. Эстетическая истина обнаруживается непосредственно, её суть в единстве предметов мысли, когда прекрасная форма сразу чувственно схватывается. Эстетикологическая истина предполагает свою индивидуальную «низшую логику», обусловленную метафизикой, она есть «истина гетерокосмическая», это мир поэтов, их вымыслы, «космогония философов», утопии, мифология, «жития святых», изображенных в живописи и скульптуре. Рассуждения об истине говорят не только об эстетической ценности, но и о достоинстве человеческой способности.

Широкая постановка эстетических вопросов вызвала много разночтений и споров по поводу эстетики Баумгартена, особенно в неокантианской философии, вместе с тем отметим возрождение к ней интереса в свете неопрагматизма и сомаэстетики (Р. Шустерман, А.Е. Радеев), алгоритмической эстетики, использующей компьютерные технологии. Вместе с тем подчеркну антропологическое достоинство эстетических взглядов Баумгар-

тена, усматривая в них ценностное отношение к чувственному миру человека и искусству как способу взаимодействия человека с миром [3, 4]. Проблема сближения научного и художественного познания [5] позволяет выделить эстетическую гносеологию в контексте метасистемы «искусство, наука, техника».

Алгоритмическая эстетика как связь искусства и инженерии

Современная философская мысль констатирует, что наблюдается сближение и даже интеграция разных системообразующих принципов, указывающих на модальные изменения в антропосоциогенезе. В частности, характерно сближение научных и художественных форм познания. Наука и искусство, имея свою траекторию самодвижения, тесно взаимодействуют, выступая способом духовно-практического освоения действительности, способом существования человека и общества с помощью созидания выразительных, символических форм, функционируя в ценностном пространстве человеческого бытия. Сам факт сближения научных и художественных форм познания обозначает технологический прорыв в постижении человеческого бытия. «В искусство вводятся новые технологии, согласуясь с той или иной творческой идеей, которая может рождаться путем долгих поисков сознанием, чисто умозрительным экспериментом, полезным самим по себе и готовящим почву для подлинного человека-творца. Новаии в науке и искусстве вторгаются в традиционное мышление, подчас разрушая привычные представления, гипотезы и теории. Искусство и наука в актах разрушения устоявшихся культурных норм, «картин мира», содержат созидательный смысл, стимулирующий продвижение в антропосоциогенезе» [5, с. 76]. Современная гносеологическая эстетика усматривает действие единой универсальной метасистемы искусства, науки, техники.

«Антропосоциоэкологический подход» и «эстетическая гносеология», выдвинутые мною и представленные в предыдущих материалах, в рассмотрении движения усложняющейся метасистемы подчеркивают устремленность к гармонии, порядку, совершенству, согласию мыслей и действий. Эстетическая гносеология обуславливает формы новейшего искусства и научного знания как единой метасистемы, а человечеству для существования необходимо единство искусства, науки и техники. «Этому способствует интуиция и глубинное эстетическое свойство со способностью воображения и символического мышления» [6, с. 796].

Черты баумгартеновской эстетики не ушли в прошлое, а приобрели другое звучание. Так, для художественного творчества современности характерно использование компьютерных технологий. В постпостмодернистских поисках интуиция и рациональное решение согласуются в эстетическом сознании художника и инженера. Как правило, современное искусство создается с участием инженерной технологии. «В современной эстетике наблюдается тенденция снижения «прекрасного» и усиления интереса к необычному и безобразному в искусстве благодаря новым технологиям, открывающим тайны эстетического бессознательного...» [6, с. 796]. О связи эстетики и инженерии рассказывается в книге «Алгоритмическая эстетика» [7]. А.С. Мигунов и С.В. Ерохин представляют сущность новейшей алгоритмической эстетики XXI века и анализируют примеры внедрения в художественное творчество инженерии, компьютерных технологий. На титульной странице читаем: «Главная интрига книги: когда нужно остановиться (и можно ли это

сделать), чтобы, в общем-то, безобидный тезис «компьютер – продолжение руки художника» не приобрел оттенок реальной угрозы художнику со стороны компьютера» [7, с. 4]. В этой связи вспоминаются слова В.С. Стёпина о том, что человек как продукт космической эволюции имеет биологическое тело, посредством своей активной социокультурной жизнедеятельности он адаптируется к миру, создавая искусственную среду. Таким образом, помимо естественного биологического тела в истории человечества появляется разрастающееся «неорганическое тело цивилизации» с внедрением в жизнь технологических и инженерных решений, изобретением экскаваторов, машин, компьютерных сетей, мобильных телефонов и т. д.

Ссылаясь на Баумгартена, разделившего чувственность на чувства-образы и чувства-эмоции, сторонники алгоритмической эстетики указали на то, что рационалистическое *cogito* Декарта перестает быть исключительным показателем человека рационально мыслящего. В сохранении человека как вида важнее становится в философском знании не столько раздвоенное *cogito*, сколько *soma* и психосоматика. М. Эпштейн полагает, что необходимо новое философское осмысление тела, поскольку опасным становится обилие средств симуляции телесного. Если раньше философия пренебрегала чувственностью, телесностью, то теперь эстетическое познание видоизменяется в связи с направленностью человеческого сознания от *cogito* к *soma*. Скажем, что баумгартеновская эстетика содержит потенциал, побуждающий к поиску новых антропологических тенденций, вплоть до выделения телесности, психофизических переживаний и т. д.

Алгоритмическая эстетика предполагает тесную связь искусства с наукой и техникой: «Компьютер, как продолжение руки художника, заменяет традиционную кисть и палитру, ...теперь машина все увереннее начинает конкурировать с творческими способностями человека» [7, с. 11] благодаря открытому киберпространству, активно заселяемому человеком с конца прошлого века. Задача художника прежних времен состояла в том, чтобы представить чудо зрительной иллюзии, скажем в живописи, используя приемы трехмерной композиции. Теперь же, добавляя с помощью техники 4-е измерение в картину – время, можно на глазах оживить картину, вызвать визуальное иллюзорное движение. Электронные технологии разделяют сферу чувственности. Чувственное познание становится симулякром, иллюзией, мифом. При этом важным остается человеческое эмоциональное восприятие. Как отмечают авторы книги по алгоритмической эстетике, произошло разделение сферы чувственности надвое: «Практическое разделение чувственности на чувства-образы и чувства-эмоции застало эстетику врасплох. В ней все еще велик авторитет А. Баумгартена, философа-гносеолога XVIII века, делавшего акцент в определении эстетики прежде всего на чувственности рецептивного типа. Всё изменилось с того момента, когда было открыто киберпространство» [7, с. 13].

Термин «алгоритмическая эстетика» появился в 70-е годы XX века (так называлась книга Джорджа Стини и Джеймса Гипса, Лондон, 1978) и распространился в связи с внедрением компьютерных технологий в искусство. А.С. Мигунов и С.В. Ерохин вносят свое понимание в процесс алгоритмизации искусства, разделяя понятия «процесс создания художественных произведений» и «процесс художественного творчества». Сам процесс создания художественных

произведений требует на начальной стадии аппаратные устройства и компьютерные программы, позволяющие создавать произведения в цифровом формате. Здесь важен поиск цифровых средств, подобно тому, как в традиционном искусстве художник занят подбором обычных средств искусства. Что касается второго понятия, то оно предполагает не только техническую сторону процесса, но и художественно-эстетическую, а именно: принять творческое решение по созданию формы, отвечающей творческой идее [7, с. 60, 61].

Философско-эстетическая научная книга по алгоритмической эстетике московских авторов включает некоторые инженерные решения, используя схемы, формулы и множество сравнительных изображений с указанием различных параметров технической обработки. При этом для них важно то, что алгоритм искусства создается с помощью компьютера, который выступает как «продолжение руки художника». В качестве алгоритмов представляются программы, позволяющие автоматизировать творческий процесс, либо программы, позволяющие художникам непосредственно работать в цифровом формате. Современный художник алгоритмического типа, как правило, работает вместе с инженером, на что указывает, например, художник Константин Худяков. Другим примером может служить музыкальный проект «Биомеханика и электроакустическая музыка», который был представлен в Московской консерватории на конференциях в 2024 и 2025 году.

Прошедшая в ноябре 2024 года конференция в МГУ им. М.В. Ломоносова по эстетическим проблемам дизайна среды, касающаяся вопросов реновации современного урбанистического пространства, представила варианты решения теории и практики энвайронментальной, экологической, ландшафтной, городской и другой эстетики. Было обращено внимание на важность формообразования окружающей среды повседневности, архитектурного конструирования. Философско-эстетические воззрения участников конференции теоретического и прикладного характера могут быть учтены градостроителями [8].

В условиях многополярного мира возникают новые возможности преобразования стиля и образа жизни с помощью творческой инженерии. «Современное инженерное градостроительство, оснащенное этико-эстетической мыслью, прикладной этикой и промышленной эстетикой, может объединять людей, которые обмениваются индустриальными продуктами, оно способно участвовать в процессах взаимодействия духовной и материальной составляющих культуры, гуманизировать и гармонизировать взаимоотношения» [9, с. 106]*.

Об интегративных связях и о том, насколько эстетический опыт влияет на инженерную мысль, рассказывают материалы международного конгресса, посвященного гению В.Г. Шухова. Следует отметить интерес великого конструктора к принципу «органопроекции» в техническом проектировании по образцу человеческого организма. Сами физические и химические процессы в человеческом теле, вызывающие особую чувственность, интересовали ученого-инженера. Можно усмотреть в этом черты сомаэстетики, эстетики тела, телесных ощущений и специфические особенности чувственного познания.

* См. также: Человек в техносфере: взаимодействие науки и искусства в аспекте выражения человека творческого // IV Российский культурологический конгресс с международным участием «Личность в пространстве культуры», Санкт-Петербург, 29–31 октября 2013 года. Тезисы и выступления участников. Санкт-Петербург: Эйдос, 2013.

Прозрение гениев научной и технической сферы возникает подчас неожиданно из эстетического опыта, посредством игры рассудка и воображения. «В.Г. Шухов рассказывал, что будущая конструкция знаменитой башни родилась в его воображении, когда он увидел перевернутую ивовую корзинку для бумаг, на которой стоял тяжелый горшок с фикусом. Но для такого прозрения нужно было иметь еще и мощную инженерную логику» [10, с. 9]. Он приводил слова Мориса Леви: «Инженер должен созерцать пространство, мыслить образами и рассуждать геометрически» [10, с. 9]. Важен стимулирующий посыл, который Шухов получал, увлекаясь поэзией, музыкой. Об этом говорят часто устраиваемые музыкальные вечера в доме Шухова. Исследователи инженерной деятельности Шухова отмечают художественную сущность его натуры, эстетический вкус, нашедший выражение в инженерных конструкциях. «Пользуясь определением самого В.Г. Шухова, его мышление можно назвать симфоническим», и «когда в силу определенных обстоятельств возникает уникальный симбиоз художественного образа и инженерной мысли, продукт такого синтеза обретает вневременную, непреходящую ценность» [10, с. 10].

Заключение

В заключении скажу о том, что с точки зрения теории познания эстетика как философская наука прошла путь от баумгартеновской гносеологической эстетики к широкому проблемному философскому знанию, включающему собственно эстетическую гносеологию. Далее, подобно неоднозначности баумгартеновской эстетики как философской науки о чувственном познании и его совершенствовании, происходит жизненное практическое эстетико-инженерное расслоение. С одной стороны, современной алгоритмической эстетике и искусству, тяготеющему к виртуальности, визуально-акустическим новинкам, нужен инженер. С другой стороны, возникает вопрос: а зачем инженеру нужна эстетика? Конечно, инженеру, работающему в сфере кинопроизводства, широкого художественного пространства, необходима теоретическая и практическая эстетическая гносеология. Эстетическая гносеология есть понятие более широкое в прикладном и практическом смысле, чем баумгартеновская гносеологическая эстетика. Совершенствовать чувственное восприятие мира, совершенствовать мыслительные процессы с помощью образов, которые ведут человеческий интеллект к открытиям, необходимо в любом инженерном деле. Эстетизация жизни требует гармонии, согласия мыслей и действий, порядка и качественного, устойчивого выражения.

Мы не всегда осознаем, что эстетическая гносеология незримо присутствует там, где осуществляется научная и практическая деятельность, что осмысляет современная научная и прикладная философия. Например, в работе рекламного агентства, в реализации проектов по дизайну среды, выпуске продуктов для повседневности, художественном оформлении и создании нетрадиционных картин, требующих знания современной новой алгоритмической эстетики. Стремление к совершенствованию чувственного познания, с чего начиналась эстетика как философская наука, уводит в проблемное поле дизайна человеческой среды, в осмысление взаимодействия теоретической и практической части эстетики по поводу появления новых форм иллюзорного искусства, требующих инженерного подключения, научно-технических знаний.

Список литературы

1. *Баумгартен, А.Г.* Эстетика / А.Г. Баумгартен; под общ. ред. А.В. Белоусова и Ю.А. Шахова. – Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, Издательство университета Дмитрия Пожарского, 2021. – 760 с. – ISBN 978-5-91244-277-3.33
2. *Асмус, В.Ф.* Немецкая эстетика XVIII века. Глава первая. Возникновение эстетики как философской науки в Германии. Александр Баумгартен / В.Ф. Асмус. – Изд. 2-е, стереотип. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – С. 3–56. – ISBN 5-354-00890-5.
3. *Коломиец, Г.Г.* Антропологическое достоинство эстетики Баумгартена / Второй российский эстетический конгресс (1-3 июля 2021, Екатеринбург): тезисы докладов участников / Сост. и науч. редакторы Т.А. Круглова, А.Е. Радеев. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина: Гуманитарный университет, 2021. – 655 с.
4. *Коломиец, Г.Г.* Эстетика как философская наука: переосмысливая идеи А. Баумгартена / Г.Г. Коломиец // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 4. – С. 61–69.
5. *Коломиец, Г.Г.* О тенденции сближения научного и художественного способов познания / Г.Г. Коломиец // Научное искусство: тезисы I Междунар. науч.-практ. конф. МГУ им. М.В. Ломоносова, 04-05.04. 2012 / Под ред. В.В. Миронова. – Москва: МИЭЭ, 2012. – С. 75–76.
6. *Коломиец, Г.Г.* Искусство и наука как предмет эстетической гносеологии / Г.Г. Коломиец // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2024. – Т. 28. – № 3. – С. 796–810.
7. *Мигунов, А.С.* Алгоритмическая эстетика / А.С. Мигунов, С.В. Ерохин. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2010. – 280 с. – ISBN 978-5-91419-280-5.
8. Эстетические проблемы дизайна среды (к 270-летию Московского университета): сборник статей / Отв. ред. Е.А. Кондратьев. – Москва: МАКС Пресс, 2024. – 290 с.
9. *Коломиец, Г.Г.* Этика и эстетика в аспекте познания и образа жизни инженерии / Г.Г. Коломиец // Гений В.Г. Шухова и современная эпоха: материалы международного конгресса (Под ред. Н.Г. Багдасарьян, Е.А. Гаврилиной). – Москва: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2015. – С. 103–106. – ISBN 978-5-7038-3979-9.
10. *Багдасарьян, Н.Г.* Первый инженер Российской империи / Н.Г. Багдасарьян, Е.А. Гаврилина // Гений В.Г. Шухова и современная эпоха: материалы международного конгресса. – Москва: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2015. – С. 6–15.

References

1. *Baumgarten A.G.* Aesthetics. Transl. from Latin. Ed. by A.V. Belousov and Yu.A. Shakhov. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. Dmitry Pozharsky University Press, 2021. 760 p. ISBN 978-5-91244-277-3 (In Russ.).
2. *Asmus V.F.* German aesthetics of the XVIII century. Chapter one. The emergence of aesthetics as a philosophical science in Germany. Alexander Baumgarten. 2nd ed., stereotypical. Moscow: Editorial URSS, 2004. Pp. 3–56. ISBN 5-354-00890-5 (In Russ.).
3. *Kolomiets G.G.* The anthropological dignity of Baumgarten aesthetics. *The Second Russian Aesthetic Congress* (July 1–3, 2021, Yekaterinburg): abstracts of the participants' reports. Compiled and edited by T.A. Kruglova, A.E. Radeev. Yekaterinburg: Ural Federal University named after The First President of Russia B.N. Yeltsin: University of the Humanities, 2021. 655 p. (In Russ.).

4. Kolomiets G.G. Aesthetics as a philosophical science: rethinking the ideas of A. Baumgarten. *Intelligence. Innovation. Investment*. 2020. No. 4. P. 61–69. (In Russ.).
5. Kolomiets G.G. On the trend of convergence of scientific and artistic methods of cognition. Scientific art: Abstracts of the First International Scientific and Practical Conference Lomonosov Moscow State University, 4-5.04.2012. Ed. by V.V. Mironov. Moscow: MIE, 2012. Pp. 75–76 (In Russ.).
6. Kolomiets G.G. Art and science as a subject of aesthetic epistemology. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia*. Series: Philosophy. 2024;28(3):796-810 (In Russ.).
7. Migunov A.S., Erokhin S.V. Algorithmic aesthetics. St. Petersburg: Aleteya, 2010. 280 p. ISBN 978-5-91419-280-5 (In Russ.).
8. Aesthetic problems of environmental design. Collection dedicated to the 270th anniversary of Moscow University: A collection of articles. Ed. by E.A. Kondratiev. Moscow: MAKSPress, 2024. 290 p. (In Russ.).
9. Kolomiets G.G. Ethics and aesthetics in the aspect of cognition and lifestyle of engineering. *The genius of V.G. Shukhov and the Modern Era: proceedings of the International Congress*. Ed. by N.G. Bagdasaryan, E.A. Gavrilina. Moscow: Publishing House of the Bauman Moscow State Technical University, 2015. Pp. 103–106. ISBN 978-5-7038-3979-9 (In Russ.).
10. Bagdasaryan N.G., Gavrilina E.A. The first engineer of the Russian Empire. *The genius of V.G. Shukhov and the Modern Era: proceedings of the International Congress*. Moscow: Publishing House of Bauman Moscow State Technical University, 2015. Pp. 6–15 (In Russ.).

Информация об авторе

КОЛОМИЕЦ Галина Григорьевна – доктор философских наук, профессор, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры философии, культурологии и социологии ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Россия; eLibrary SPIN: 4959-2442. **E-mail:** kolomietsgg@yandex.ru

Information about the author

KOLOMIETS Galina G. – Doctor of Philosophy, Honorary Worker of the Sphere of Education of the Russian Federation, Professor, Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia; eLibrary SPIN: 4959-2442. **E-mail:** kolomietsgg@yandex.ru

УДК 004.89:130.3

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ И КОГНИТИВНАЯ АРХИТЕКТУРА ОБЩЕГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА *

В.Ю. Дунаев, В.Д. Курганская

Институт философии, политологии и религиоведения Комитета науки
Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан,
г. Алматы, Республика Казахстан

Поступила в редакцию: 07.09.25

В окончательном варианте: 05.10.25

Аннотация. Одним из необходимых теоретико-методологических ресурсов для построения систем искусственного интеллекта являются феноменологические исследования интенциональных структур субъективной реальности. В статье даётся краткое описание принципов классической феноменологии интерсубъективности и проводится анализ их применения в одном из проектов построения когнитивной архитектуры общего искусственного интеллекта. В феноменологии Э. Гуссерля интенциональные структуры трансцендентальной интерсубъективности наделяются статусом онтологической и смысловой первоосновы реальности. Однако в концепции Э. Гуссерля эти структуры интерпретируются как имманентные взаимосвязи поля трансцендентально чистого сознания. Для Гегеля структуру формообразований сознания образует развитие совокупной духовной культуры человечества. Первичным, фундаментальным фактом опыта самосознания является не *cogito*, но опыт соотношения бытия-для-себя и бытия-для-иного. В самом своём бытии я зависим от другого, моё сознание в самом его средоточии должно быть опосредствовано другим сознанием. Подход Гегеля к феноменологии интерсубъективности и её роли в формировании сознания можно рассматривать как философское обоснование концепции построения когнитивной архитектуры интерсубъективности в интернациональном проекте создания системы искусственного интеллекта RoboErgoSum. В этом проекте объективные качества предметов выявляются через возможные действия с этими предметами. Для успешных совместных действий агенты взаимодействия должны уметь координировать свои намерения, планы, цели и действия. В этом же процессе возникает восприятие себя как отличного от окружающей среды, что является основой человеческого самосознания и его роботизированной модели. Разработчики проекта настаивают на том, что в их проекте роботы приобретают сознание и самосознание, формируют способности к построению внутренних моделей мира, к рассуждению и размышлению, самоконтролю, целеполаганию и мотивации, достигают понимания происходящего и т. д. В статье делается вывод, что такого рода антропоморфизмы допустимы лишь в качестве метафорического языка дискурса. На деле речь должна идти о моделировании высших психических функций человека (перцептивных, познавательных, аффективных, прогностических) в когнитивной архитектуре искусственного интеллекта. Решающая роль в формировании структур такого рода интегрированной интерсубъективности отводится процессу обучения искусственного интеллекта на основе координации действий робота с действиями человека.

Ключевые слова: интерсубъективность, феноменология, искусственный интеллект, когнитивная архитектура, сознание, робот.

* Статья подготовлена в рамках финансирования КН МНВО РК (ИРН BR21882302 «Казахстанский социум в условиях цифровой трансформации: перспективы и риски»).

PHENOMENOLOGY OF INTERSUBJECTIVITY AND COGNITIVE ARCHITECTURE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

V.Yu. Dunaev, V.D. Kurganskaya

Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies of the Science
Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic
of Kazakhstan,
Almaty, Republic of Kazakhstan

Original article submitted: 07.09.25

Revision submitted: 05.10.25

Abstract. Phenomenological studies of intentional structures of subjective reality are one of the necessary theoretical and methodological resources for building artificial intelligence systems. The article provides a summary of the principles of the classical phenomenology of intersubjectivity and analyzes their application in one of the projects for building a cognitive architecture of general artificial intelligence. In E. Husserl's phenomenology, the intentional structures of transcendental intersubjectivity are given the status of the ontological and semantic primary basis of reality. However, in E. Husserl's concept, these structures are interpreted as immanent interrelations of the field of transcendently pure consciousness. For Hegel, the structure of the formations of consciousness is formed by the development of the total spiritual culture of mankind. The primary, fundamental fact of the experience of self-awareness is not the cogito, but the experience of being-for-onself and being-for-another. In my very being, I am dependent on the other, my consciousness at its very center must be mediated by another consciousness. Hegel's approach to the phenomenology of intersubjectivity and its role in the formation of consciousness can be considered as a philosophical justification for the concept of building a cognitive architecture of intersubjectivity in the international project of creating an artificial intelligence system RoboErgoSum. In this project, the objective qualities of objects are revealed through possible actions with these objects. For successful joint actions, interaction agents must be able to coordinate their intentions, plans, goals, and actions. In the same process, there is a perception of oneself as different from the environment, which is the basis of human self-awareness and its robotic model. The project developers insist that in their project robots acquire consciousness and self-awareness, develop the ability to build internal models of the world, to reason and reflect, self-control, goal setting and motivation, achieve an understanding of what is happening, etc. The article concludes that such anthropomorphisms are acceptable only as a metaphorical language of discourse. In fact, we should be talking about modeling higher human mental functions (perceptual, cognitive, affective, predictive) in the cognitive architecture of artificial intelligence. A crucial role in the formation of structures of this kind of integrated intersubjectivity is assigned to the process of artificial intelligence training based on the coordination of robot actions with human actions.

Keywords: intersubjectivity, phenomenology, artificial intelligence, cognitive architecture, consciousness, robot.

В коллективной монографии известных российских исследователей, посвящённой социогуманитарным аспектам проблемы искусственного интеллекта, отмечается: «Для моделирования необходимых ОИИ функций требуется исследование и описание специфических когнитивных архитектур естественных процессов мышления. Здесь необходимыми ресурсами для построения моделей ОИИ могут служить результаты психологических и феноменологических исследований ценностно-смысловых, динамических структур субъективной реальности» [1, с. 70–71]. Одним из наиболее перспективных направлений актуализации ресурсов классической философии в моделировании интеллектуальных функций является трансформация методологии феноменологических анализов трансцендентальных структур интересубъективности в технологию конструирования когнитивной архитектуры общего или сильного искусственного интеллекта.

Феноменологическая экспликация понятия интересубъективности

Согласно Э. Гуссерлю феноменологическая редукция («феноменологическое эпохе») заключается в систематическом исключении («заключении в скобки») всякой «объективирующей» позиции. Поле феноменологии как формы трансцендентальной философии конституируется тем обстоятельством, что в любом акте психического переживания человеку дан не мир «в себе и для себя», но мир, поскольку он возникает в сознании в качестве мира «субъекта». В трансцендентальной установке природа, общество и вообще вся Вселенная («весь мир вещей, живых существ, людей, включая и нас самих» [2, с. 154]) заключаются в скобки. В осадок выпадает чистое сознание, его имманентные взаимосвязи, интенциональные акты (ноэзис) и их корреляты (ноэмы), не затрагиваемые феноменологическим выключением.

Выявление на основе феноменологических процедур интенциональной структуры трансцендентальной интересубъективности как «конкретной первоосновы» смысла любой реальности, трансцендируемой сознанием, и определение специфики её феноменологического поля становится одной из основных задач трансцендентально-эйдетической феноменологии как, по определению Э. Гуссерля, намеченной ещё Лейбницем универсальной онтологии, априорной науки об универсуме всевозможных форм существования. «Само по себе первое бытие, предшествующее всякой объективности мира и несущее её на себе, есть трансцендентальная интересубъективность, вселенная монад, объединяющихся в различные сообщества» [3, с. 291].

Интерсубъективность как открытое сообщество монад конституирована во мне, в интенциональных структурах моего Эго, и вместе с тем как такое сообщество, которое, будучи конституировано и в каждой другой монаде, в её субъективном модусе несёт в себе тот же самый объективный мир.

Согласно Э. Гуссерлю феноменологический анализ рассматривает априорные сущностные формы и инвариантные структуры интересубъективности в модусе данности трансцендентального Его самому себе: интересубъективная феноменология фундирована в солипсистски ограниченной эгологии. Поскольку «другой» в феноменологическом смысле есть «*интенциональная модификация моего объективированного Я, моего первопорядкового мира*» [3, с. 224], то, соответственно, бытие других для меня *создаётся* особой операцией сознания – аппрезентацией или аналогизирующей (уподобляющей) апперцепцией. Проще

говоря, другой есть аналог я, или alter ego. Alter ego в эйдетико-трансцендентальном синтаксисе феноменологии Э. Гуссерля – это не «второе я» в смысле дублирования моей эмпирической идентичности, но вторая эго-структура, почему он и является *другим*, а не вещью. Ж. Деррида в полемике с Э. Левинасом, отказывавшимся называть другого alter ego, поясняет: «Другой является абсолютно другим, лишь будучи эго, то есть в некотором смысле будучи тем же, что я» [4, с. 193]. Поэтому конститутивные анализы другого как аналога или модификации моего первопорядкового Я не вносят каких-либо принципиальных конститутивных определений в само это Я, в трансцендентальное Эго.

Решение проблемы интерсубъективности, данное Гегелем в «Феноменологии духа», считает Ж.П. Сартр, представляет «значительный прогресс по сравнению с Гуссерлем» [5, с. 259]. Гуссерль принимает интенциональные структуры как априорно предпосланные эйдетически-феноменологическому анализу имманентные взаимосвязи поля трансцендентально чистого сознания. Для Гегеля структуру формообразований сознания (систему духовных феноменов) образует развитие совокупной духовной культуры человечества, в процессе которого возникают и изменяются как сознание, так и его предметы. При редукции сознания к трансцендентальному Эго возможность такого подхода утрачивается.

Для Гегеля первичным, фундаментальным фактом опыта самосознания является не cogito, но опыт соотношения бытия-для-себя и бытия-для-иного. В самом своём бытии я зависим от другого, моё сознание в самом его средоточии должно быть опосредствовано другим сознанием, а бытие-для-другого становится необходимым условием для-себя-бытия. «Самосознание есть в себе и для себя потому и благодаря тому, что оно есть в себе и для себя для некоторого другого [самосознания], т. е. оно есть только как нечто признанное» [6, с. 99]. Возникающее в самосознании понятие Духа есть единство свободных и для себя сущих самосознаний: «я», которое есть «мы», и «мы», которое есть «я».

Ряд направлений современной философии принимает сторону Гегеля в вопросе о феноменологической экспликации понятия интерсубъективности. Согласно А. Рено классическая концепция субъективности достигает высшей точки в монадологическом определении Я, принятом феноменологией Э. Гуссерля. Новый тип осмысления заключается в инверсии этого убеждения, т. е. в положении о том, что конституирование субъекта обусловлено интерсубъективностью: «Постмонадологическое восстановление субъекта происходит через новое открытие интерсубъективности как первичного условия субъективности» [7, с. 314].

Интерсубъективность существует не внутри трансцендентального эго, но как фактичность жизненного мира, «как фундаментальная онтологическая категория человеческого существования» [8, с. 82]. Задачей феноменологического анализа является не конструирование онтологии в терминах интенциональных актов трансцендентального эго, но раскрытие смысловой структуры обыденной интерсубъективности как данности жизненного мира в естественной установке.

Когнитивная архитектура интерсубъективности в проекте RoboErgoSum

«Современные когнитивные архитектуры и традиционные подходы к ИИ практически игнорируют решение субъектных проблем ОИИ или оставляют их функционально нераскрытыми» [1, с. 190]. Однако из этого общего правила есть исключения. Одним из них является интернациональный проект создания системы искусственного интеллекта RoboErgoSum [9].

В традиционном для робототехники подходе восприятие рассматривается как изолированный процесс наблюдения. Авторы проекта RoboErgoSum объединяют сенсомоторную репрезентацию объекта и возможные действия агента с ним. Взаимодействуя с окружающей средой, робот определяет зависимости между объектами, потенциальными действиями и эффектами (изменениями окружающей среды и самого агента, индуцированные его действиями). Объективные качества предметов выявляются через возможные действия с этими предметами. В этом же процессе возникает восприятие себя как отличного от окружающей среды, что является основой человеческого самосознания и его роботизированной модели. Авторы настаивают на том, что в их проекте роботы приобретают сознание и самосознание, формируют способности к построению внутренних моделей мира, к рассуждению и размышлению, самоконтролю, целеполаганию и мотивации, достигают понимания происходящего и т. д. Мы полагаем, что такого рода антропоморфизмы допустимы лишь в качестве метафорического языка дискурса. На деле речь должна идти именно о моделировании высших психических функций человека в когнитивной архитектуре искусственного интеллекта. Решающее значение в этом моделировании отводится процессу обучения искусственного интеллекта на основе координации действий робота (и принятия им решений) с действиями человека. В данном обстоятельстве заключается принципиальное отличие проекта RoboErgoSum от концепций создания искусственных нейросетей генеративного ИИ на основе фреймовой семантики Марвина Минского и методов обучения с подкреплением так называемых больших языковых моделей.

Для успешных совместных действий агенты взаимодействия должны уметь координировать свои намерения, планы, цели и действия: «Способность координировать различные стратегии принятия решений и обучения с подкреплением (рассматриваемая как основной адаптационный процесс принятия решений) может стать первым шагом к (i) большей автономии и адаптации робота, а также к (ii) способности робота анализировать эффективность своих процессов принятия решений и использовать этот анализ для изменения не только своего поведения, но и способа, которым он формирует своё поведение» [9].

У людей существует множество способов налаживания межличностной координации действий – от автоматических и непреднамеренных до чрезвычайно сложных, рефлексивно опосредованных форм коммуникативных практик. Аналогичные проблемы координации решаются и в процессах совместных действий человека и робота. Робот должен обладать способностью к созданию представлений о собственных мотивах и действиях, а также о намерениях и ментальных состояниях человека, с которым он взаимодействует. При этом он должен уметь делать выводы о том, как каждое из этих представлений развивается в ходе развёртывания совместного действия. «Робот также должен понимать и учитывать влияние своих собственных действий на психическое состояние своих партнёров» [9].

В целом когнитивная архитектура ИИ в проекте RoboErgoSum выстраивается как система взаимодействия комплекса модулей:

Модуль сенсорного восприятия, содержащий изначально встроенный набор перцептивных способностей для восприятия окружающей среды (визуальное восприятие и проприоцепция).

Двигательный модуль, содержащий набор доступных роботу действий, которые позволяют ему взаимодействовать с окружающей средой.

Модуль сенсомоторного обучения обрабатывает входные данные (обнаруженные объекты, выполненные действия, измеренные эффекты) для определения того, какие действия доступны роботу в данной ситуации.

Модуль пространственной ориентации генерирует и хранит символические данные о воспринимаемой среде. Затем эти данные используются на этапе планирования действий соответствующими модулями: *модулем планирования задач* с учётом потребностей человека и *модулем планирования движений и манипуляций* с учётом потребностей человека.

Система контроля взаимодействует с перечисленными модулями, чтобы решить, какую систему планирования действий использовать, как выполнять корректировку плана и отслеживать активность людей, с которыми взаимодействует робот.

Модуль мотивации управляет набором целей, которые должны быть достигнуты роботом.

Разумеется, здесь мы не можем участвовать в обсуждении инженерных проблем интеграции этих модулей, налаживания интерфейсов между ними и валидации всей когнитивной архитектуры проекта RoboErgoSum. Для нас важен вывод разработчиков проекта о том, что эта архитектура выстраивается на основе координации действий человека и робота и реализуется как моделирование перцептивных, познавательных, аффективных, прогностических и других структур такого рода интегрированной интерсубъективности. Повторим ещё раз, что неумеренные антропоморфизмы, используемые авторами в изложении идеи и принципов построения когнитивной архитектуры ИИ, не должны служить основанием для её априорной дискредитации. Отнюдь не обязательно разделять с авторами убеждённость в том, что материал, представленный в их статье, «даёт представление о том, как создать самоосознающую (self-aware) систему» [9]. Вместе с тем, на наш взгляд, следует признать перспективность позиции исполнителей проекта RoboErgoSum, согласно которой решающую роль в создании систем общего искусственного интеллекта должны сыграть разработки когнитивной архитектуры интерсубъективности как первоосновы формирования фундаментальной особенности человеческой жизнедеятельности – «способности человека (как существа мыслящего) смотреть на самого себя как бы со “стороны”, как на нечто “другое”, как на особый предмет (объект) или, иными словами, превращать схемы своей собственной деятельности в объект её же самой» [10, с. 152].

Список литературы

1. Социогуманитарные аспекты цифровых трансформаций и искусственного интеллекта / Под ред. В.Е. Лепского, А.Н. Райкова. – Москва: Когито-Центр, 2022. – 308 с. – ISBN 978-5-89353-665-2.
2. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль; пер. с нем. А.В. Михайлова. – Москва: Академический проект, 2009. – 489 с. – ISBN 9768-5-8291-1042-0.
3. Гуссерль, Э. Картезианские размышления / Э. Гуссерль. – Санкт-Петербург: Ювента, 1998. – 315 с. – ISBN 5-87399-059-X.
4. Деррида, Ж. Насилие и метафизика. Очерк мысли Эммануэля Левинаса / Ж. Деррида // Письмо и различие. – Москва: Академический Проект, 2000. – С. 124–248. – ISBN 5-8291-0088-6.
5. Сартр, Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Ж.П. Сартр; пер. с фр. В.И. Колядко. – Москва: Республика, 2000. – 639 с. – ISBN 5-250-02726-6.
6. Гегель, Г.В.Ф. Феноменология духа / Г.В.Ф. Гегель // Сочинения. Том IV. – Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1959. – 440 с.
7. Рено, А. Эра индивида. К истории субъективности / А. Рено; пер. с фр. С.Б. Рындина; под ред. Е.А. Самарской. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2002. – 473 с. – ISBN 5-93615-019-4.
8. Шютц, А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой. – Москва: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. – 336 с. – ISBN 5-93947-012-2.
9. Toward Self-Aware Robots / R. Chatila, E. Renaudo, M. Andries [et al.] // *Frontiers in Robotics and AI*. – 2018. – Vol. 5. – Article 88. – Pp. 1–20. – DOI: 10.3389/frobt.2018.00088.
10. Ильенков, Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории / Э.В. Ильенков. – 2-е изд., доп. – Москва: Политиздат, 1984. – 320 с.

References

1. Socio-humanitarian aspects of digital transformations and artificial intelligence. Ed. by V.E. Lepskiy, A.N. Raikov. Moscow: Kogito-Center, 2022. 308 p. ISBN 978-5-89353-665-2 (In Russ.).
2. Husserl E. Ideas for pure phenomenology and phenomenological Philosophy. The first book. Transl. from German by A.V. Mikhailov. Moscow: Academic Project, 2009. 489 p. ISBN 9768-5-8291-1042-0 (In Russ.).
3. Husserl E. Cartesian reflections. St. Petersburg: Juventus, 1998. 315 p. ISBN 5-87399-059-X (In Russ.).
4. Derrida J. Violence and metaphysics. An essay on the thought of Emmanuel Levinas. *Writing and difference*. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2000. Pp. 124–248. ISBN 5-8291-0088-6 (In Russ.).
5. Sartre J.P. Being and nothing: The Experience of phenomenological ontology / Transl. from French, preface, note by V.I. Kolyadko. Moscow: Respublika, 2000. 639 p. ISBN 5-250-02726-6. (In Russ.).
6. Hegel G.V.F. Phenomenology of the Spirit. Essays. Vol. IV. Moscow: Publishing House of Socio-economic Literature, 1959. 440 p. (In Russ.).
7. Renault A. The era of the individual. Towards the History of Subjectivity. Transl. from French by S.B. Ryndin, ed. by E.A. Samarskaya. St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2002. 473 p. ISBN 5-93615-019-4 (In Russ.).

8. Schutz A. The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology. Transl. from English by A.Ya. Alkhasova, N.Ya. Mazlumyanova. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation, 2003. 336 p. ISBN 5-93947-012-2 (In Russ.).
9. Chatila R., Renaudo E., Andries M. [et al.]. Towards Self-Aware Robots. *Frontiers in Robotics and AI*. 2018;5:1-20. DOI: 10.3389/frobt.2018.00088.
10. Ilyenkov E.V. Dialectical logic: Essays on history and theories. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1984. 320 p. (In Russ.).

Информация об авторах

ДУНАЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан; eLibrary SPIN: 3081-7406.
E-mail: vlad.dunaev2011@yandex.kz

КУРГАНСКАЯ Валентина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан; eLibrary SPIN: 5551-0409.
E-mail: vkurganskaya@mail.ru

Information about the authors

DUNAEV Vladimir Yu. – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Center for Political Studies of the Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan; eLibrary SPIN: 3081-7406. **E-mail:** vlad.dunaev2011@yandex.kz

KURGANSKAYA Valentina D. – Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Center for Political Studies of the Institute for Philosophy, Political Science and Religious Studies of the Committee of Science of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan; eLibrary SPIN: 5551-0409. **E-mail:** vkurganskaya@mail.ru

УДК 165

ЧТЕНИЕ, ПИСЬМО, ВЗГЛЯД: ФИЛОСОФИЯ ЗНАНИЯ**В.В. Костецкий**

Санкт-Петербургский государственный академический Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина при Российской академии художеств, г. Санкт-Петербург, Россия

Поступила в редакцию: 13.09.25

В окончательном варианте: 18.10.25

Аннотация. Статья посвящена проблеме знания за пределами человеческого существования. Вопрос в такой формулировке снят с повестки дня, не будучи решенным. Традиционно знание трактуется как достояние сознания, соответствующее реальности; с возникновением кибернетики знание стало сводиться к информации. Оба подхода следует признать ошибочными. Знание не есть факт сознания и несводимо к информации. Актуальность темы статьи предзадана преодолением традиционных заблуждений. Научная новизна статьи состоит, во-первых, в том, что «бытие» в традиционной метафоре склада (мастерской) заменяется на «бытие-под-взглядом» в метафоре выставки. Мир не склад, а выставка. Нет «бытия», есть «бытие-под-взглядом». Во-вторых, исходная форма знания не имеет никакого отношения к сознанию, а является эпифеноменом «демонстративного поведения» со стороны любой «вещи». Бытие-под-взглядом демонстративно; в самом факте демонстрации заложен эффект «знания». Демонстрация априори требует «наблюдателя», фигура которого неслучайно появляется в физике. В-третьих, понятие информации не заменяет собой понятие «знание». Информация есть записанное знание; именно по этой причине информация исчислима, а знание неисчислимо. Методология авторского исследования опирается на опыт историко-философских и эстетических исследований, культурологический анализ трансовых когнитивных практик и культуру физико-математического мышления в силу полученного базового образования. Целью статьи является выработка нового подхода к пониманию знания за пределами человеческого существования. Для достижения поставленной цели решается ряд задач, включая поиск соответствующей терминологии и критику привычных тезисов. К терминам согласно авторскому подходу к теории объективного знания относятся «бытие-под-взглядом», «выставка», «экспонат», «демонстрация», «чтение», «знак», «взгляд». Практическое применение результатов статьи возможно в области физики (касательно проблемы существования), в области теории познания (проблема объективности знаний), в области образования. Полуобразованность давно уже стала «нормой», особенно при сведении знания к информации. Наука страдает от полуобразованности не меньше, чем образование, замыкаясь в принятых «парадигмах». Самая вредная для современной науки парадигма сводится к метафоре «склада» в понимании мира. Понятие «знание» не вписывается в парадигму складского мировосприятия – по этой причине интерес к теме «знания» в науке и философии практически иссяк.

Ключевые слова: знание, взгляд, демонстрация, экспонат, бытие-под-взглядом, информация, эмпатия, симпатия, синергия, философия науки.

READING, WRITING, VISION: A PHILOSOPHY OF KNOWLEDGE

V. Kostetsky

St. Petersburg State Academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture
named after I.E. Repin at the Russian Academy of Arts,
Saint Petersburg, Russia

Original article submitted: 13.09.25

Revision submitted: 18.10.25

Abstract. The article is devoted to the problem of knowledge beyond human existence. The question in this formulation is removed from the agenda without being solved. Traditionally, knowledge is interpreted as a property of consciousness corresponding to reality; with the emergence of cybernetics, knowledge began to be reduced to information. Both approaches should be recognized as erroneous. Knowledge is not a fact of consciousness and is not reducible to information. The relevance of the topic of the article is predetermined by overcoming traditional misconceptions. The scientific novelty of the article consists, firstly, in the fact that “being” in the traditional metaphor of a warehouse (workshop) is replaced by “being-under-view” in the metaphor of an exhibition. The world is not a warehouse, but an exhibition. There is no “being”, there is “being-under-view”. Second, the original form of knowledge has nothing to do with consciousness, but is an epiphenomenon of “demonstrative behavior” on the part of any “thing”. Being-under-view is demonstrative; in the very fact of demonstration lies the effect of ‘knowledge’. Demonstration a priori requires an “observer”, whose figure does not appear in physics by chance. Thirdly, the concept of information does not replace the concept of knowledge. Information is recorded knowledge; it is for this reason that information is incalculable, while knowledge is incalculable. The methodology of the author's research is based on the experience of historical-philosophical and aesthetic studies, cultural analysis of trance cognitive practices and the culture of physical and mathematical thinking due to the basic education received. The aim of the article is to develop a new approach to understanding knowledge beyond human existence. To achieve this goal, a number of tasks are addressed, including a search for appropriate terminology and a critique of familiar theses. The terms in the conceptual meaning of the author's approach to the theory of objective knowledge include “being-under-view”, “exhibition”, “exhibit”, “demonstration”, “reading”, “sign”, “vision”. Practical application of the results of the article is possible in the field of physics (concerning the problem of existence), in the field of theory of cognition (the problem of objectivity of knowledge), in the field of education. Semi-education has long been the “norm”, especially when reducing knowledge to information. Science suffers from semi-education no less than education, closing in the accepted “paradigms”. The most damaging paradigm for modern science is reduced to the metaphor of a “warehouse” in understanding the world. The concept of “knowledge” does not fit into the paradigm of the warehouse worldview – for this reason, interest in the topic of “knowledge” in science and philosophy has practically dried up.

Keywords: knowledge, vision, demonstration, exhibit, being-under-view, information, empathy, sympathy, synergy, philosophy of science.

«Жизнь Вселенной –
это вечный тысячеустный разговор»
Новалис

«Мир превратился в мировую машину,
эфир в газ,
Бог в силу, а загробный мир в гроб»
Жан Поль

Как ни странно, так сложилось, что в научной и философской литературе трактовку «знания» столетиями обходят стороной, едва упомянув. Можно взять любое издание: академическое, справочное, учебное, монографическое, – ситуация с пояснением «знания» будет одна и та же. Например, глаголют о том, что «познание есть процесс приобретения знаний», а позднее вставляют: «знание есть результат познания». Наличие круга в определении и определение одного неизвестного через другое никого не смущает. Университетские профессора в своих лекциях и учебных пособиях для аспирантов комментируют «знание» с ловкостью фокусника, начав с сакраментальной фразы «знание бывает научное и ненаучное», далее перечисляют приметы того и другого известным методом «Остапа понесло». Но в философии стоит вопрос не о перечислении признаков знаний разного вида в науке, в быту, в религии или искусстве; вопрос стоит о том, что есть знание по способу своего существования. В пояснение постановки вопроса уместно привести известный казус из истории науки: «что есть теплота физически?». Как известно, искали в качестве текучей жидкости, нашли в форме статистического параметра движения частиц. В естественных науках подобный маневр пытаются применить и к знанию, сводя его к информации как мере преодоления хаоса. У знания, безусловно, есть такая функция, только вопрос «что есть знание?» этим не снимается. Конечно, и причину можно определять по следствиям, однако научным подобный подход назвать трудно. Физику ветра не определить ссылкой на раскачку деревьев или срывание с прохожих шляп.

Первоначальный интерес к «знанию» как объекту исследования обозначился в пределах риторики. В царствах Древнего Востока красноречие представлялось пышным и возвышенным слогом при обращении к властелину или красавице. В античные времена от пышного слога отказались, поскольку ставились иные цели: от ратора требовалось умение *заставить* себя слушать тех, кто не имел подобного намерения, будь то отдельный человек, общество или толпа. Интерес к слову за пределами грамматики появился впервые соответственно у раторов. Оглашенное слово должно было не привлекать звучностью звучания, а будить мысль или переводить внимание на определенную вещь. Слова понимались как этикетки на складе вещей, а мысль – как умение по этикетке найти *вещь*. Подчеркнуто примитивное понимание языка вдвойне устраивало раторов, особенно при смещении риторики в софистику, авторами которой и были риторы. Простые софизмы строились по схеме «есть слово о вещи – есть вещь». Критико-аналитическая работа над софизмами привела к пониманию того факта, что слова, вещи и мысли необходимо разводить по разным мирам. Как следствие, странная способность думать ни о чём, вести разговоры, похожие на умные, придавать вещам не свойственное им значение перестали удивлять. Какое-то время софистика в Элладе нравилась населению: она забавляла, радовала свободой дурачества, принимала характер национального остроумия. Естественно, так не могло продолжаться долго. Рано или поздно наступала пора, когда требовалось умение не смешивать слова

с делами, мысли со словами, вещи с представлениями о них. Именно в этих условиях было положено начало понятию «знание».

Насколько последовательным был этот процесс – свидетельствуют термины, относящиеся к «знанию» в древнегреческом языке. В Элладе различали, например, знание из авторитетного источника или личного опыта. Первое называлось «гносис», второе «эпистемэ». Знание, которое доказуемо силами обсуждающих, называлось «матема»; напротив, знание, не подлежащее обсуждению в силу разных причин, называлось «догма». Знание, с которым стоит сверяться, называлось «парадигма», а мимоходом полученное случайное знание именовалось «докса». Термины «миф» и «история» означали виды знания посредством рассказов. Термина, соответствующего «знанию вообще», не существовало вовсе. Был термин «логос» в значении знания у богов, людей, демонов, животных. Знание «логос» не превращалось в абстракцию, оставаясь конкретным. В термине «логос» утверждалась возможность пребывания феноменологии знания за пределами человека и человечества.

Знание в качестве «логоса» есть некая реальность, но довольно странная. Знание не есть слова, не есть мысли, не есть вещи. Знание «имеется» в книгах, в словах, в мыслях, тем не менее это нечто само по себе бытийственное. В современных условиях принято отождествлять знание с информацией. Но информация – это записанное знание; именно по этой причине информацию можно измерять количественно: страницами, томами, каталогами, байтами, генами, процентами. Измерению, собственно, поддается «носитель информации» или, в отдельных случаях, степень (процент) полноты информации. «Знание» как таковое не измеряется томами, страницами и любыми объёмами любой письменности, «текста».

Строго говоря, феномен знания имеет отношение не к письменности, а к чтению – если не сводить, конечно, чтение к грамотности. Уже первобытный охотник не разглядывает следы животных, а читает их. Охотник по следам животных читает события, происходившие с ними определенное время назад; у охотника появляются знания об этих событиях, порой подробные. Понятно, что следопыт читает то, чего никто не писал. Отсюда можно сделать важный вывод: *чтение предшествует письму*.

При чтении – по следам, по буквам, по нотам, по картам, по жестам, по приметам – происходит странный процесс: смотрят на одно, видят другое. В этом и состоит суть «чтения». Опытный врач «читает» больного, опытный психолог «читает» личность, опытный следователь «читает» преступление. Чем талантливее специалист, тем быстрее он выделяет материал для чтения, быстрее читает и больше считывает. Весьма показательным примером может служить игра «Угадай мелодию». Одни считывают мелодию с трёх нот, другие не считывают и с семи.

Как известно по опыту освоения грамоты, невозможно читать при изоляции каждой буквы; поэтому учащиеся начинают читать по слогам, потом читают словами, а по окончании начальной школы читают целыми предложениями. Речь должна течь, перетекая из слова в слово, из предложения в предложение. Морфологически текучесть речи обеспечивается тем, что до окончания одного слова уже появляется ожидание другого. В речи каждые два соседних слова сопрягаются, связаны между собой окончаниями, падежами, склонениями и прочей грамматической премудростью. При чтении в какой-то степени будущее слово читается раньше предшествующего. Не случайно при чтении иногда возникает ощущение, что окончание предложения «наперёд известно». У античных стоиков даже термин был специальный: «пролеписис» – предсхватывание.

Процесс чтения универсален: «читается» погода, поведение животных, угрозы ландшафта, милости природы, внутренний мир личности. Материальные элементы, провоцирующие процесс чтения, называются «знаками». Вещи становятся «знаками» исключительно при вовлечённости в чтение. Что касается письма, то оно существует для чтения, причем в качестве необязательного дополнения к нему. Вряд ли следует пояснять это тем известным фактом, что можно быть знающим человеком при неграмотности.

Информация – термин по своему происхождению технический. Например, если орудийному расчету дать точные координаты цели, выстрелы будут точнее – меньше хаоса в пальбе. Точно так же при правильной организации склада товар легче найти, без хаотичных поисков. Наличие карты местности освобождает от хаотичных по ней блужданий. Понятие информации производно от каталога (библиотечного, складского, бухгалтерского). Каталоги, понятно, есть частный вид знания, так что знание (общее) к каталогам (частное) не сводится.

В свою очередь любой каталог предполагает наличие *склада*: книг, товаров, молекул, атомов. При определённой дозе цинизма «складом» можно назвать собственную квартиру, город, букет цветов. Вместе с тем ясно, что букет не есть только склад цветов и город не есть склад домов, а есть нечто много большее. В отличие от информации феномен под названием «знание» имеет прямое отношение к сублимации склада «в нечто большее».

При складском миропонимании знание сводится к информации. Однако перехода в целях «теории познания» от информации к знанию не существует – как не существует перехода от тупа к живому существу. Если вернуться к примеру с букетом цветов, то очевидно, что это не склад цветов, не веник, а то, что радует взгляд и становится букетом именно под взглядом, причем эстетически восприимчивым. *Взгляд* – это именно та «субстанция», в которой имеет место «знание» как таковое.

Наука не случайно обходит стороной фундаментальный подход к пониманию знания, поскольку науке ничего не известно о том, что такое «взгляд». Еще Демокрит предпринимал попытку выяснить природу взгляда. По его мнению, из глаз исходят некие лучи, которыми ощупываются вещи. Аналогично этой схеме действительно работают технические приборы типа эхолота или радара. Однако какого-либо излучения из глаз до сих пор не обнаружено, что ставит существующую науку в тупик без намека на перспективу. В результате того, что нет понимания «взгляда», нет и понимания «знания».

В философии никто, пожалуй, не уделил «взгляду» большее внимание, чем Сенека в период античной философии и М. Мерло-Понти или О. Шпенглер в современной философии. В «Нравственных письмах к Луцилию» Сенека, собственно, ввел понятие «бытие под взглядом». Так, он писал: «Самое благотворное – жить словно под взглядом неразлучного с тобою человека добра, но с меня довольно и того, если ты, что бы ни делал, будешь делать так, как будто на тебя смотрят» [1, с. 57]. Что даёт в целях воспитания «бытие под взглядом»? На этот вопрос однозначно ответил О. Шпенглер: «Всякому известна разница в собственных движениях, возникающая в зависимости от того, знаешь ли, что за тобой наблюдают или же нет. Мы вдруг начинаем сознательно «говорить» всем, что делаем» [2, с. 116]. Между прочим, об этом ещё раньше писал Д. Дидро в трактате «Опыт о живописи»: «Если вы не ощущаете различия между... человеком, находящимся в одиночестве, и человеком, на которого устремлены взоры, – бросьте в огонь ваши кисти» [3, с. 341].

Бытие-под-взглядом порождает феномен «разговора», отмеченный О. Шпенглером и привлекающим внимание М. Хайдеггера в его «фундаментальной онтологии».

У людей в бытии-под-взглядом меняется психосоматика, идёт корректировка языка жестов, языка всего тела, включая физиологию и работу внутренних органов. Не случайно люди краснеют, бледнеют, чернеют, желтеют, зеленеют, сереют. При этом взгляд не имеет характера физического воздействия – действует фактор, сопряженный со знанием, с вовлечением в «разговор» помимо сознания. Не случайно М. Хайдеггер пишет, что «дорога говорит, она жила и очеловечилась». Это фундаментальное заявление. Однако очевидно, что немецкий мыслитель незнаком с понятием «бытие под взглядом»; в противном случае он выразился бы точнее: дорога говорит, поскольку её бытие – «бытие под взглядом». Тем не менее Хайдеггеру эта мысль интуитивно знакома, что видно по выражению «дорога говорит»: путём привлечения внимания к своей телесности, путём «выставления себя напоказ», путём подстановки себя взгляду. Дорога в «бытии под взглядом» ведёт себя как субъект и, соответственно, «говорит». М. Хайдеггер выводит понятие «субъекта» за пределы человечества; с этого и начинается «фундаментальная онтология». Вещи в их бытии – не объекты человеческого внимания, а субъекты в бытии-под-взглядом своего окружения. В хайдеггеровском примере с «говорящей дорогой» всё ясно: оказавшись под взглядом путешественника, дорога (или облако, как в другом примере) вступает в разговор путем привлечения внимания к своей телесности. Ради пояснения следует обратить внимание на то обстоятельство, что человек не хозяин своего взгляда: очень часто взгляд непроизвольно переводится на то, что подставляет себя взгляду. В значительной степени человек видит не то, на что смотрит, а то, что он, с одной стороны, хотел бы видеть, и то, с другой стороны, что подставляет себя взгляду, обращая себя в зрелище.

Существует понятие, в котором феномены быть вещью и быть зрелищем совпадают: это понятие «экспонат». Экспонат есть вещь, выставленная напоказ. В качестве зрелища экспонат выставляет себя напоказ, подставляет себя взгляду, демонстрирует себя. Бытие экспоната, собственно, и состоит в демонстрации себя. На выставке зритель добровольно подставляет себя под демонстрации экспонатов, отчего рождается искомый феномен под названием «знание». *Демонстрация*, объединяя в себе взгляд и зрелище, собственно, и есть «знание» в своей исходной онтологической форме. Ярким примером «производства знания» путем демонстрации могут служить военные учения враждующих сторон вблизи своих границ.

Европейское миропонимание, начиная с Античности, сложилось на той основе, что мир есть большой склад (мастерская). Выражением складского мировосприятия явилась атомистика: сначала Левкиппа – Демокрита, затем И. Ньютона. В квантовой механике склад уже стал обретать черты выставки: в физику потребовалось ввести понятие «наблюдателя». Между тем в отношении мировосприятия метафора «выставки» была бы много продуктивнее метафоры «склада», закрепостившей всё научное мышление, не исключая «постнеклассическую науку». Мир никогда и не был «складом»; мир изначально есть «выставка». Всё существующее требует бытия-под-взглядом, находит способ быть зрелищем и своим существованием творит бытие-под-взглядом в отношении всего своего окружения. В природе нет иного «бытия», чем «бытие под взглядом». Можно образно сказать, что «мир всевидящ». Соответственно все подстраиваются под всех и «привлекательность» является всеобщей заботой вещей на выставке мира. Мир красив не случайно: плод симпатической эволюции.

Онтология взгляда [4] при всем сопротивлении европейского складского мировосприятия рано или поздно, но логически приведёт к тезису «существовать – значит быть под взглядом своего окружения». Конечно, антропоморфизм должен быть

исключен: взгляд определяется не человеком и не глазами. Вещь не может явить собой экспоната, не найдя себе зрителя среди других вещей, а найдя, подставляет себя взгляду. Более того, вещи являются на свет уже экспонатами – так устроен этот мир. Эта идея не так нова, как может показаться: уже аристотелевская «энтелехия» обращала вещь в экспонат.

Если говорить о человеческом «взгляде», то уместно вспомнить такие выражения: «бросать взгляд», «отводить взгляд», «схватывать взглядом». В этих выражениях вектор взгляда направлен наружу, в то время как физика взгляда определяется в противоположном направлении, воздействием внешнего мира на орган зрения. Лучи физической природы входят в орган зрения, но взгляд в своём броске или в схватывании ничего физического не содержит. Из этого парадокса, собственно, и приходится исходить. У него, кстати, в истории философии есть автор, а может быть, и не один. Ещё Фихте в лекциях под названием «Факты сознания» утверждал, что в «видении» содержатся два противоположных процесса: материальное воздействие на орган зрения из внешнего мира и его проецирование вовне без признаков материальности. Нематериальное проецирование чувственных впечатлений вовне Фихте называл «мышлением» и «идеальным». В античные времена к аналогичным выводам приходил Цицерон, который писал: «А ведь мы воспринимаем видимое не глазами... видит и слышит именно душа, а не части тела, которые служат ей как бы окошками, но которыми ничего нельзя чувствовать без присутствия и участия ума» [5, с. 223].

Вслед за Цицероном возникает вопрос: «В чем именно состоит участие ума во взгляде?». Ответ на этот вопрос в тысячелетней истории философии и науки отсутствует. Отсутствует по той причине, что без понимания того, что такое «знание», нельзя понять, что такое «взгляд». Равно как и наоборот: без понимания природы взгляда невозможно понять природу знания. В онтологическом плане взгляд и знание представляют собой две стороны одной медали. В отношении человека можно говорить о том, что «взгляд» представляет собой корректировку знаний под воздействием внешних впечатлений. Корректурa знаний сопровождается мимикой, языком жестов определенной направленности, что и выглядит в качестве «бросания взгляда». Взгляд человека не перцепция, а апперцепция. Узнавание сопровождается эмоциями и жестами типа схватить, объять, осмотреть, что и приводит к телесной феноменологии взгляда как «выхода из себя».

Вопрос о том, имеет ли место реальный «выход из себя» в процессе познания, в философии обсуждался неоднократно, например П.А. Флоренским и М. Мерло-Понти. «Познание есть реальное выхождение познающего из себя, – писал Флоренский, – или, что то же самое, реальное вхождение познаваемого в познающего, реальное единение познающего и познаваемого. Это основное и характерное положение всей русской и вообще восточной философии» [6, с. 78]. Аналогичным образом высказывался Мерло-Понти: «Видение – это не один из модусов мышления или наличного бытия «для себя»: это данная мне способность быть вне самого себя... и моё «я» завершается и замыкается на себе только посредством этого выхода во вне» [7, с. 51].

Вопрос о реальном «выходе вне себя» совершенно уместен, только к проблеме онтологии взгляда не имеет прямого отношения. «Выход из себя» характерен для «измененных состояний сознания», когда, например, пациент во время хирургических операций под наркозом видит всю операцию со стороны, причем своими физическими глазами. Бытие (Sain), вопреки мнению М. Хайдеггера, не то же самое, что «присутствие» (Dasain). Присутствие предполагает, что занимаемое место в пространстве остаётся непрерывно за присутствующим. Чаще всего это так и бывает. Но есть

исключения. Допустим (как говорят математики), некоего человека сограждане каждый день видят в родном городе, справедливо полагая, что его существование локализовано этим городом. Однако человек успевает каждую ночь бывать в другом городе, живя тайно «на два дома». Сограждане «присутствие» принимают за «существование», что является ошибкой. Причина ошибки понятна: моменты «присутствия» сливаются воедино, а моменты «отсутствия» выпадают из внимания. Если время условных «дня» и «ночи» считать «сколь угодно малыми величинами», то возникнет эффект, известный из разных историй о «странных случаях», когда, например, одного человека видели в разных городах «в одно и то же время». Существует научно подтвержденный факт на эту тему: шведский ученый Э. Сведенборг (1688–1772), делая доклад в Гётеборге, прервал его возгласом: «В Стокгольме пожар!» как очевидец события. Пожар действительно начался в тот момент вблизи его дома.

Что касается человеческого «взгляда», то он не требует «измененных состояний сознания». Выход из себя имеет место, только совершается он за счет языка – если язык, конечно, не сводить к «системе знаков». Язык в своей феноменологии имеет прямое отношение к знанию, причем в структуре слова обязательно присутствует взгляд в той или иной форме. Этому вопросу уделял внимание Аристотель [8]. По Аристотелю, слово представляет собой не этикетку вещи, а название для сборника рассказов о вещи. Рассказов об одной вещи много, название для многих рассказов одно. Оно и будет именем вещи. Референтом слова является не вещь (как было у софистов в древности и остаётся у лингвистов до настоящего времени), а рассказы о вещи. Именно по этой причине слово и вещь «переплетаются», по словам М. Фуко. При взгляде (на вещь) вещь демонстрирует себя, демонстрация дублируется рассказами в пределах апперцепции, рассказы «переплетаются» с демонстрацией, что и образует собой человеческий «взгляд».

Другое дело, что природа взгляда за пределами антропологии не имеет прямого отношения ни к языку, ни к «измененным состояниям сознания». Поэты не случайно проецируют антропологию на явления природы, подвергаясь критике за антропоморфизм. В китайской поэзии есть такие строки:

Я смотрю на горы.

Горы смотрят на меня.

И нам это не надоедает.

Да, у гор нет сознания. Означает ли это, что у гор нет знаний? Человек, взирая на горы, задерживает на них взгляд, обращая тем самым горы в зрелище, в экспонат. Но горы не склад, им быть экспонатом естественно. Экспонат не существует без зрителей, так что момент, когда человек не может оторвать взгляда от гор, является для них экзистенциальным. В связке экспонат-зритель горы внимают человеку. Происходит ли это в физическом пространстве или в каких-либо трансцендентальных локациях, пусть разбираются физики – если смогут. Для поэтов разговор с природой представляет собой довольно обычное явление. А. Толстой писал:

И слышу я, как разговор

Везде немолчный раздаётся,

Как сердце каменное гор

С любовью в тёмных недрах бьётся.

М. Хайдеггер призывал верить поэтам, они не галлюцинациями увлекаются. В поэзии есть тоже опыт, опыт *симпатии*. Этот опыт теряется цивилизацией при складском мировосприятии, но удерживается поэтами. Так называемое «эстетическое восприятие» при всем его «незаинтересованном созерцании» (И. Кант) является одним из моментов симпатии в природе.

Природа вне симпатических взаимодействий, о которых ничего не известно современной физике, была бы действительно складом стройматериалов. Биологам придется едва ли не с извинениями говорить о том, что растения способны любить или ненавидеть друг друга. Ювелирам с их пристрастным восприятием кристаллов придется ещё хуже: от обвинений в мистике нет спасения. Природное содержание понятия «симпатия» утрачивается в цивилизованном обществе, сводимое к «приятному впечатлению». Между тем в явлениях симпатии есть явно физические моменты. Хирург в ответственные моменты операции чувствует свою руку не в кисти, а на острие скальпеля. Чувственность живого тела переходит на механическое тело орудия труда. В этом состоит феномен эмпатии. В симпатии феноменология сложнее. Симпатия возникает тогда, когда орудие труда реагирует на то, как в него вчувствуется мастер. Если мастер благоволит к своему «орудию труда», будь то скрипка, скальпель или охотничья берданка, то орудие отвечает взаимностью: само помогает работе. Не случайно говорят: «В своём доме стены помогают». И ландшафт помогает проживающим на его территории этносам выживать при наличии «любви к родине»: благодаря колебаниям погоды, миграции птиц, рыб, зверей, насекомых. Разговоры про «генерала Мороза» основываются не на пустом месте: в военной истории много подобных примеров. «Счастливым случай» или, напротив, «несчастный случай» в своей этиологии могут, конечно, быть случайными, но могут восходить к сфере симпатических взаимодействий.

Физики в своём техногенном творчестве к концу XX века заговорили о синергетике: в контексте «самоорганизации систем», кибернетики, робототехники. Но изначальный смысл «синергии» (содействия, кооперации) богословский: боги содействуют своим избранныкам в достижении «успехов». Содействуют прежде всего посредством знания: нужная книга вдруг попадётся на глаза, идея во сне придет, случайная встреча окажется судьбоносной. Другой формой содействия является «удачное стечение обстоятельств», способность «быть в нужном месте в нужное время». Генералиссимус А.В. Суворов не из писательских фантазий утверждал, что «смелого пуля боится».

Феноменология симпатий и синергий лежит в основе религиозного опыта, особенно в союзе с поэзией и искусством. Г. Гегель в молодые годы не случайно заговорил о «естественной религии», упрекая за её отсутствие христианство. Точно так же Гегель выступил с критикой физики, особенно в диссертации под названием «Об орбитах планет» [8]. По замечанию Гегеля, планеты связаны с Солнцем не механически – посредством центростремительных и центробежных сил, описанных И. Ньютоном по аналогии с опытом раскручивания ведра с водой на верёвке. Как известно, опыт был прост: человек раскручивает вокруг себя на верёвке ведро с водой, а вода не выливается, даже если ведро оказывается вверх дном. Верёвка испытывает натяжение, рука – напряжение. И. Ньютон натяжение верёвки обозначил «силой притяжения», удержание воды в перевёрнутом ведре объяснил «центробежной силой». Указанные «силы» Ньютон соотнёс с движением планет вокруг Солнца, объявляя аналогию с натяжением веревки «силой всемирного притяжения». Для астрономических расчетов аналогия с ведром уместна, для понимания физики бесполезна. Не случайно Гюйгенс и Эйлер иронизировали над рассуждениями Ньютона в области астрономии. Ф. Рабле тоже не забывал подшутить над физиками, любящими сыр: почему бы не ввести «силу притяжения к сыру»? Как свидетельствует история науки, удачная формула может ничего не говорить о физике; так было, например, с «теорией теплорода» или «уравнениями Максвелла».

В природе, безусловно, есть физические взаимодействия телесного толка, но не все естественные взаимодействия сводятся к натурально-физическим. Исключением

являются, например, симпатические взаимодействия, в том числе посредством взгляда. При биоценозе растения видят друг друга, чем бы это самое «видение» не осуществлялось в натуре. Находясь в отношениях соседства, растения знают друг о друге, «видят друг друга насквозь». Феномен «знание» возникает задолго до человечества и вне его; изначально знание существует в качестве симпатического видения друг друга в рамках соседских отношений. Из обычного опыта известно, что соседи, живущие на виду друг у друга, могут многое знать друг о друге, вообще не общаясь. И домашние животные что-то знают о своём хозяине, и даже печень алкоголика что-то знает о нём. Органы тела, соседствуя, знают друг о друге и могут питать взаимные симпатии или антипатии. Наука, возникшая в Европе в Новое время, упустила из виду целый мир взаимодействий в природе, проводя порой нелепые механические аналогии.

Спекулятивный метод Гегеля привел к пониманию истины (знания) как процесса, что закрепилось в народном сознании фразой «истина не есть отчеканенная монета». «Процесс», естественно, поняли технологически: знание плюс знание, шаг за шагом, от истины относительной к истине абсолютной. Но Гегель понимал «процесс» не технологически, а спекулятивно. Латинское слово *spesula* имело ряд значений, в том числе «всматривание», аналогично декартовскому термину «интуиция». При спекулятивном подходе истина связана с видением, с появлением знания в виде античной «теории», в связи с чем и возник термин «умозрение». Для Гегеля истина как процесс означает длящуюся очевидность, своего рода «бытие под взглядом» очевидца. Гегель не рассматривает истину как некое правильное знание в сознании человека: истина объективна уж тем, что существует вне человека (в качестве знания). Кстати, Гегель не разделяет знание на истину и не-истину. Не-истина есть удел человеческих умствований. Знание и истина есть одно и то же. Если не истина, то и не знание, а всё что угодно: фантазии, мифы, мнения, верования, заблуждения, ошибки, бредни.

М. Хайдеггер, весьма чувствительный к гегелевскому спекулятивному методу, древнегреческий термин «алетейя» переводит не в качестве «истины», а в качестве «неприкрытости» – для взгляда. Вещь в её неприкрытости и подставленности взгляду есть, как уже говорилось, экспонат – в единстве телесности и демонстрации. Когда демонстрация читается, она становится «знанием».

Говорить о том, что знание существует в форме некоей «ноосферы» по типу библиотеки, вряд ли уместно. В философии с античных времён блуждает мысль о «тождестве бытия и мышления» при всяком углублении в понятие «знание». Рассуждения начинаются с сакраментального рассуждения о «трёх мирах» по типу К. Поппера (бытие, сознание, наука = знание), затем истина совмещается с бытием, а сознание с истиной. Такова логика исследования, из которого делаются выводы типа «бытие есть», «истина есть», «сознание есть», «знание есть». Выводы весомы в споре с теми, кто это отрицает. Между тем главный вывод должен быть совсем другим: бытия нет – есть бытие под взглядом.

Наиболее одиозное отношение к знанию в области философии проявляют те, кто посвящает своё время «философии науки». Начинается всё вроде как за здравие: «Сегодня даже анализ науки – “философия науки” – угрожает стать модой, специализацией. Философу не следует быть узким специалистом. Что касается меня, – пишет К. Поппер, – то я интересуюсь наукой и философией только потому, что хочу нечто узнать о загадке мира, в котором мы живем, и о загадке человеческого знания об этом мире» [9, с. 44]. Желание похвальное, слов нет, даже звучит благородно. Так что же удалось узнать К. Попперу «о загадке человеческого знания» за десятки лет исследований, прослушав сотни разного рода научных докладов, посетив множество конференций

по всему миру и мировых конгрессов? Ответ представлен парой тезисов. Во-первых, знание сводится к информации; во-вторых, знание «автономно» как существующее «третьим миром» между бытием («первым миром») и сознанием («вторым миром»). Скудоумие тезисов настолько смущает, что возникает даже сомнение в том, правильно ли читатель понимает авторский текст. Однако сомнения рассеиваются после того, как в разделе «Объективность и автономность третьего мира» К. Поппер довольно однозначно разъясняет свою точку зрения, начиная с заявления: «Мнение, что без читателя книга ничего собой не значит, является одной из главных причин ошибочного субъективного подхода к знанию» [9, с. 450]. Смысл громкого заявления сводится к аналогии: если в книгу как в коробку что-то положили, то оно там есть; неважно, читается книга или нет, живы ли люди на планете или все вымерли. Задавать вопросы типа «каким именно способом знание оказывается в книге?» не предполагается, это отдаётся на откуп воображению по примеру то ли варенья в вазочке, то ли сахара в чае. Понимание того, что в книгу не вложено знание, а там записана информация о знании, у Поппера отсутствует. Поппер не различает знание и информацию, судя по его рассуждениям и примерам. «Птичье гнездо является птичьим гнездом, – поясняет Поппер, – даже если в нем никогда не жили птицы» (там же). Действительно, птичье гнездо организовано определенным образом, и его можно рассматривать как запись информации. Другое дело, что эта информация может никогда не стать знанием – если эту информацию некому читать. Знание в чтении, а не в складировании, в том числе упорядоченном складировании. Как только К. Поппер отождествляет знание с информацией, автономность и объективность «знания-информации» не требуют дальнейших пояснений: вода мокрая, потому что это вода; а муравейник для муравьев даже без муравьев. Подмена «знания» «информацией» сводит всю проблематику философии знания к дурачеству по типу демокритовской шутки: «Человек – это то, что мы все знаем». Дельфийское пророчество «Познай самого себя», объявляющее человека неизвестным самому себе, остается серьёзным для узкого круга лиц – философов. Одним из первых на дельфийское пророчество откликнулся, как известно, Сократ.

В России «философия науки» как определенная школа или, скорее, кружок в начале XXI века вытеснила марксизм за пределы перечня тем для кандидатского экзамена по философии. Появились в спешном порядке учебники по «философии науки» с терминами «рост научного знания», «принцип фальсификации», «кумулятивизм», «парадигма», «научная революция», «пролиферация», «постнеклассическая наука», с неизменными классификациями и описаниями «признаков». Десятилетия профессорских трудов в школе К. Поппера, конечно, не прошли даром, только все результаты можно изложить самым обычным языком в пределах одного очерка, причем более обстоятельного, чем монографии «философов науки». Этого, однако, не случилось. Лозунг Н.М. Карамзина «Россия – это Европа» сработал во славу К. Поппера. В учебных пособиях для аспирантов в серии «Высшее образование» без всяких сомнений пишут о том, что «знание – объективная реальность, данная в сознании человека», а «всякое сознание существует в форме знания» [10, с. 9]. Зачем-то авторы коллективного труда для аспирантов, пережившего три издания, еще добавляют: «Сознание человека всегда есть осознанное бытие» [там же]. Почему всегда-то? Классики так не говорили. Классики вообще говорили о другом. «Свобода есть осознанная необходимость», – утверждал Б. Спиноза; «Бытие определяет сознание», – заявлял К. Маркс в «Критике политической экономии». Тот факт, что у профессоров философии в вопросе о знании цитаты из классиков превращаются в фантазмагорию, никого даже не удивляет.

Возможно, следовало бы воздержаться от критики каких-либо трудов по «философии науки», но иных способов убедить вольных и невольных почитателей её в сложности вопроса «о знании» достаточно проблематично. Упрощение вопроса о бытийственной стороне знания началось еще с бэконовской фразы «Знание – сила», где под знанием понималось образование, причем профессиональное. Начиная с Р. Декарта, возникает традиция рассматривать знание через противопоставление одного вида знания другому, в частности, достоверного знания знанию вероятностному. В философии И. Канта вопрос об объективности знания и вовсе был снят. В философии Г. Гегеля знание уже не смешивается с образованием; оно, образно говоря, не в книге или мозгах присутствует. Различая, например, музыку и дух музыки, язык и дух языка, народ и дух народа, семью и дух семьи, Гегель связывает знание с «объективным духом» в качестве реальности, причем энергичной. «Знание – сила» в устах Гегеля производно от «силы духа» (в том числе в военной коннотации). Дух вещи, по Гегелю, не в самой вещи, а в её истории, в историческо-й причине её появления на свет. Связка духа вещи и самой вещи у Гегеля отсутствует, хотя и предполагается. Совершенно очевидно, что вещь пребывает («присутствует» – *Dasain*) в объективном духе самой себя, что требует особой феноменологии, например, в форме «демонстрации». Вещь собой демонстрирует дух вещи; засвидетельствованный факт демонстрации и есть «знание».

Вопрос об объективности «знания» востребован не только в интересах «теории познания», но и ради иной «картины мира». Если в сложившейся «научной картине мира», например, ландшафт не может «иметь знания» об этносах, на нём проживающих, то в новой картине мира подобный факт должен не только признаваться, но и исследоваться в своих синергичных следствиях. Аналогичным образом в новой картине мира уместно говорить о том, что Земля *знает*, что происходит в её планетарном хозяйстве, – точно так же Солнце *знает*, что происходит в Солнечной системе. Вопрос об объективности знания не есть тема для абстрактных рассуждений, а есть начальный способ перехода к иному миропониманию, в том числе в области физики.

Список литературы

1. *Сенека, Л.* Нравственные письма к Луцилию / Л. Сенека. – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1986. – 463 с.
2. *Шпенглер, О.* Закат Европы / О. Шпенглер. – Т. 2. – Москва: Мысль, 1998. – 606 с. – ISBN 5-244-00656-8.
3. *Дидро, Д.* Эстетика и литературная критика / Д. Дидро. – Москва: Художественная литература, 1980. – 659 с.
4. *Костецкий, В.В.* Онтология взгляда – путь к новой онтологии мира / В.В. Костецкий // Парадигма. Очерки философии и теории культуры. – 2007. – Вып. 7. – С. 130–139.
5. *Цицерон, М.* Избранные сочинения / М. Цицерон. – Москва: Художественная литература, 1975. – 456 с.
6. *Флоренский, П.А.* Столп и утверждение истины / П.А. Флоренский. – Москва: Правда, 1990. – 496 с.
7. *Мерло-Понти, М.* Око и дух / М. Мерло-Понти. – Москва: Искусство, 1992. – 63 с.
8. *Костецкий, В.В.* Потаённые страницы истории западной философии / В.В. Костецкий. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2024. – 424 с. – ISBN 978-5-00165-874-0.

9. *Поппер, К.* Логика и рост научного знания / К. Поппер. – Москва: Прогресс, 1983. – 605 с.
10. *Философия науки в вопросах и ответах: учебное пособие для аспирантов / В.П. Кохановский [и др.].* – Ростов-на-Дону: Феникс, 2006. – 346 с.

References

1. *Seneca L.* Moral letters to Lucilius. Kemerovo: Kemerovo Book Publishing House, 1986. 463 p. (In Russ.).
2. *Spengler O.* The Decline of Europe. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1998. 606 p. ISBN 5-244-00656-8 (In Russ.).
3. *Diderot D.* Aesthetics and literary criticism. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1980. 659 p. (In Russ.).
4. *Kostetsky V.V.* Otology of view – the path to a new ontology of the world. *Paradigma. Essays on philosophy and cultural theory.* 2007;7:130-139 (In Russ.).
5. *Cicero M.* Selected writings. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975. 456 p. (In Russ.).
6. *Florensky P.A.* Pillar and statement of truth. Moscow: Pravda, 1990. 496 p. (In Russ.).
7. *Merlo-Ponti M.* Eye and Spirit. Moscow: Iskusstvo, 1992. 63 p. (In Russ.).
8. *Kostetsky V.V.* Hidden pages of the history of Western philosophy. St. Petersburg: Aletheya, 2024. 424 p. ISBN 978-5-00165-874-0 (In Russ.).
9. *Popper K.* Logic and the growth of scientific knowledge. Moscow: Progress, 1983. 605 p. (In Russ.).
10. *Kokhanovsky V.P. [et al.].* Philosophy of science in questions and answers: a textbook for graduate students. Rostov-on-Don: Feniks, 2006. 346 p. (In Russ.).

Информация об авторе

КОСТЕЦКИЙ Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт им. И.Е. Репина
при Российской академии художеств», г. Санкт-Петербург, Россия; eLibrary SPIN: 5878-8598.
E-mail: kostavictor@yandex.ru

Information about the author

KOSTETSKY Victor V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of St. Petersburg state
academic Institute of Painting, Sculpture and Architecture named after I.E. Repin at the Russian Academy
of Arts, St. Petersburg, Russia; eLibrary SPIN: 5878-8598. **E-mail:** kostavictor@yandex.ru

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ОЧЕРК ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОГЕННОГО РАЗВИТИЯ МИРА

Л.И. Захарова

Брянский государственный технический университет,
г. Брянск, Россия

Поступила в редакцию: 18.07.25

В окончательном варианте: 07.09.25

Аннотация. Статья посвящена анализу историко-философских исследований в области социально-техногенного развития мира учеными «Брянской научно-философской школы исследований социально-техногенного развития мира, социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни». Показано, что это явление продолжает оставаться центром притяжения для ученых. В эпоху стремительной глобализации, всеохватывающей цифровизации и нарастающих вызовов, обусловленных изменением климата, вопросы, связанные с социально-техногенным развитием, приобретают всё большую актуальность. Появление новых технологий, таких как искусственный интеллект и биотехнологии, ставит перед человечеством ряд философских задач, требующих глубокого осмысления. В статье показано, что исследования Брянской научной школы, касающиеся социально-техногенного развития мира, носят сложный и многогранный характер. Такое развитие охватывает не только материальные аспекты прогресса, но и фундаментальные вопросы этики, морали и ответственности человека перед будущими поколениями. Исследования в этой области позволяют не только понять, как технологии влияют на общество, но и выявить потенциальные риски и возможности, которые они несут, так как социально-техногенное развитие рассматривает взаимодействие человека и технологий как центральный аспект формирования современного индустриального и постиндустриального общества. В статье показано, что мультидисциплинарные исследования предполагают синтез знаний и методов из различных областей, таких как философия, социология, экономика, политология, история, экология и др. Такой подход позволяет увидеть проблему во всей ее полноте. Сочетание различных экспертных мнений и подходов способствует созданию инновационных и комплексных решений, которые учитывают все аспекты проблемы. Мультидисциплинарная методология является неотъемлемой частью современного научного поиска. Она открывает новые горизонты для понимания и решения сложных проблем, стоящих перед человечеством в XXI веке. В условиях глобализации и расширения техносферы важно продолжать уделять внимание социоприродным и социотехнологическим аспектам изменений, чтобы обеспечить гармоничное и справедливое будущее. Это феномен, который охватывает взаимодействие между технологиями и социальными структурами, определяя пути эволюции человеческого общества и биосферы. Для того чтобы адекватно ответить на эти вызовы, необходимо переосмыслить наши философские и научные установки. Нам нужно определить новые принципы, которые будут регулировать взаимодействие человека с технологиями и гарантировать устойчивое развитие общества. Это потребует от общества открытого диалога между учеными, философами, политиками, представителями бизнеса и общественностью.

Ключевые слова: социально-техногенное развитие мира, Брянский государственный технический университет, российское философское общество, междисциплинарные исследования.

HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ESSAY ON THE RESEARCH OF SOCIO-TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT OF THE WORLD

L.I. Zakharova

Bryansk State Technical University,
Bryansk, Russia

Original article submitted: 18.07.25

Revision submitted: 07.09.25

Abstract. The article is devoted to the analysis of historical and philosophical studies of the socio-technogenic development of the world by scientists of the "Bryansk scientific and philosophical school of research into the socio-technogenic development of the world, socio-techno-natural processes and changes in the evolution of life." It is shown that this phenomenon continues to be a center of attraction for scientists. In the era of rapid globalization, all-encompassing digitalization and the growing challenges of climate change, issues related to socio-technogenic development are becoming increasingly relevant. The emergence of new technologies, such as artificial intelligence and biotechnology, poses a number of philosophical problems for humanity that require deep understanding. The article shows that the research of the Bryansk scientific school concerning the socio-technogenic development of the world is complex and multifaceted. It covers not only the material aspects of progress, but also fundamental issues of ethics, morality and human responsibility to future generations. Research in this area allows not only to understand how technologies influence society, but also to identify potential risks and opportunities that they carry, since socio-technogenic development considers the interaction of man and technology as a central aspect of the formation of modern industrial and post-industrial society. The article shows that multidisciplinary research involves the synthesis of knowledge and methods from various fields, such as philosophy, sociology, economics, political science, history, ecology, etc. This approach allows us to see the problem in its entirety. The combination of various expert opinions and approaches contributes to the creation of innovative and comprehensive solutions that take into account all aspects of the problem. Multidisciplinary methodology is an integral part of modern scientific research. It opens up new horizons for understanding and solving complex problems facing humanity in the 21st century. In the context of globalization and the expansion of the technosphere, it is important to continue to pay attention to the socio-natural and socio-technological aspects of change in order to ensure a harmonious and fair future. This is a phenomenon that covers the interaction between technology and social structures, determining the paths of evolution of human society and the biosphere. In order to adequately respond to these challenges, it is necessary to rethink our philosophical principles. We need to define new principles that will regulate human interaction with technology and guarantee the sustainable development of society. This will require an open dialogue between scientists, philosophers, politicians, business representatives and the public.

Keywords: socio-technogenic development of the world, Bryansk State Technical University, Russian Philosophical Society, interdisciplinary research.

Современное развитие техногенного мира представляет собой сложный и многофакторный процесс, в котором пересекаются различные аспекты человеческой деятельности, включая технологии, общественные структуры и естественную природную среду. Тем не менее этот процесс порождает ряд серьезных проблем, которые требуют внимания и комплексного подхода к их решению. Одной из главных проблем социально-техногенного развития мира является растущий разрыв между развитыми и развивающимися странами. Современные технологии, такие как искусственный интеллект, большие данные и автоматизация процессов создают новые возможности для экономического роста. Однако не все страны в равной степени готовы к их внедрению. Это приводит к углублению экономического неравенства и социальной несправедливости.

В современном техногенном обществе, где технологии проникают во все сферы социальной и биосферной жизни, изучение аспектов социально-техногенного мира становится не только актуальным, но и жизненно необходимым. Эти исследования помогают понять, как взаимодействие между обществом и технологиями влияет на нашу повседневную жизнь, какие вызовы и возможности это взаимодействие создает. В данной статье мы рассмотрим ключевые причины важности изучения социально-техногенного развития мира.

Все описанные факторы привели к тому, что в 2002 г. в Брянском государственном техническом университете было открыто Брянское отделение Российского философского общества (РФО), на базе которого была образована «Брянская научно-философская школа исследований социально-техногенного развития мира, социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни» [1, 2].

Методология исследования

Мультидисциплинарные исследования социально-техногенного развития мира требуют применения комплексного подхода, который охватывает различные аспекты, включая социализацию, технологизацию, историю, экологию и экономику. Эти исследования направлены на глубокое понимание сложных взаимодействий между социальными и технократическими факторами, их влияния на современное общество и совершенствование методов поддержки коэволюционного социоприродного развития. В данной статье рассматриваются ключевые элементы методологии мультидисциплинарных исследований в данной области.

Методология мультидисциплинарных исследований социально-техногенного развития мира играет ключевую роль в понимании и решении сложных проблем современности. Применение системного подхода, сочетание качественных и количественных методов, а также междисциплинарное сотрудничество позволяют создавать более эффективные стратегии и рекомендации, способствующие устойчивому развитию общества и улучшению качества жизни. В условиях постоянных изменений, вызванных техническим прогрессом и глобальными вызовами, эта методология обретает особую значимость и актуальность.

Системный подход рассматривает социально-техногенное развитие как интегрированную систему, в которой взаимодействуют различные компоненты: технологии, люди, экосистемы и экономические структуры. Это позволяет выявить взаимозависимость между элементами системы и способствует пониманию того, как изменения в одной области могут влиять на другие.

Комплексный анализ подразумевает изучение проблемы с разных точек зрения – социальной, психологической, экономической и технологической. Этот

подход помогает выявить многогранность явлений, связанных с социально-техногенным развитием, что позволяет более точно и всесторонне оценивать последствия тех или иных изменений.

В трудах выдающегося русского ученого В.И. Вернадского особое место занимает концепция ноосферы – сферы разума, возникающей в результате активного взаимодействия человечества с биосферой. Вернадский не просто постулировал возможность возникновения нового этапа социоприродного развития, он видел его как закономерный результат геохимического воздействия человека на окружающую среду. На основе исследований В.И. Вернадского учеными «Брянской междисциплинарной научно-философской школы исследований социально-техногенного развития мира, социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни» был разработан системный социоприродный подход. Ключевым элементом данного подхода является выделение двух основных стадий развития жизни на Земле – биосферно-биологической и социально-биологической [3, 4].

На биосферно-биологической стадии доминируют естественные процессы эволюции, формирования экосистем и биоразнообразия. Человек как часть биосферы подчиняется этим процессам, являясь одним из её компонентов. Переход к социально-биологической стадии знаменует собой появление человека как разумного существа, способного к целенаправленному воздействию на окружающую среду. Эта стадия характеризуется развитием социальных структур, технологий и культуры, которые всё более активно трансформируют биосферу.

Системный социоприродный подход позволяет проанализировать не только взаимосвязи между человеком и природой, но и динамику этих взаимоотношений на протяжении истории. Он помогает понять, как социальные процессы и техносфера влияют на биосферу и наоборот – как состояние окружающей среды формирует социальные структуры.

Междисциплинарные исследования социально-техногенного мира

Проблемы социально-техногенного развития мира многообразны и сложны. Решение этих проблем требует междисциплинарного подхода, включающего экономику, экологию, социологию и этику. Необходимы совместные усилия государств, частного сектора и гражданского общества для создания устойчивого и справедливого будущего, где технологии служат на благо человечества, а не в ущерб ему. С увеличением цифровизации и переходом в онлайн-пространство многие люди сталкиваются с социальной изоляцией. Постоянное взаимодействие через экраны электронных устройств уменьшает личные контакты и может приводить к проблемам с психическим здоровьем, таким как депрессия и тревожные расстройства. В этом контексте необходимо искать баланс между использованием технологий и поддержанием человеческих отношений.

Понимание и активное обсуждение этих проблем на международных платформах может стать первым шагом к их решению и налаживанию гармоничного сосуществования человека с технологическим прогрессом.

Инициатором и первым руководителем «Брянской научно-философской школы исследований социально-техногенного развития мира, социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни» стал профессор, доктор философских наук Эдуард Семенович Демиденко (1937–2023), выпускник БГТУ 1959 года.

Эдуард Семенович Демиденко стал знаковой фигурой в российской науке, его работы затрагивают важнейшие аспекты современного техногенного общества. Он исследовал взаимосвязи между технологическим прогрессом и социальными изменениями, акцентируя внимание на необходимости гармоничного развития этих процессов. Э.С. Демиденко активно участвовал в общественной деятельности, выступая с лекциями и организуя научные конференции, что способствовало обмену знаниями и идеями в среде ученых и практиков. Его концепции получили признание не только в России, но и за рубежом, что делает его одним из ведущих экспертов в области социализации и образования.

Рассматривая либерально-экономический и трансформационный характер современного общества, Э.С. Демиденко подчеркивает необходимость переосмысления концепции его техногенного развития. Трансформационный характер современного общества проявляется в стремительной смене ценностей, структур и институтов. Цифровизация, автоматизация, глобализация – всё это создает новые возможности, но и ставит перед нами новые вызовы. Этот процесс неотделим от вопроса о совместной эволюции общества и биосферы в XXI веке. В этой связи, по мнению ученого, концепция техногенного развития должна включать в себя не только экономический рост, но и социальную справедливость, экологическую безопасность и сохранение биоразнообразия [5].

Работы Эдуарда Семеновича в различных научных институтах и созданная им школа подтверждают высокие стандарты образования и научных исследований в области социально-техногенного развития, формируя новое поколение ученых, готовых к вызовам времени [6, 7, 8, 9, 10].

Сегодня исследования школы, созданной Э.С. Демиденко, признаются ведущими научными организациями как в Российской Федерации, так и за рубежом. Представители научной школы акцентировали свое внимание на междисциплинарных исследованиях проблем социально-техногенного развития мира [1, 2].

Научная школа активно участвует в реализации различных проектов, что позволяет ее членам обмениваться опытом с коллегами из других городов: Москвы, Сочи, Брянска, Калининграда, Кирова и др. Это сотрудничество способствует расширению горизонтов исследований и внедрению новых методик в практическую деятельность. Ученые регулярно представляют результаты своих исследований на международных конференциях, что укрепляет их позиции в мировом научном пространстве.

Кроме того, значительное внимание уделяется подготовке молодых специалистов. В школе создана программа обучения для студентов и аспирантов, что способствует их профессиональному росту и внедрению в научное сообщество. Каждому молодому ученому предоставляется возможность участвовать в актуальных проектах и иметь наставника из числа опытных исследователей.

За 23 года научной школой, в которую входит сейчас 8 докторов и 15 кандидатов наук, был проведен большой объем научно-исследовательских работ. Ученые школы получили признание благодаря ряду исследований в области социально-техногенного развития жизни и мира. Среди ученых школы – известные профессора: д. ист. н. Ю.Т. Трифанков, д. псих. н. В.В. Спасенников, д. биол. н. А.В. Корсаков, д. экон. н. В.В. Дадыкин и Е.Н. Стрижакова, кандидаты наук: Е.Н. Абовян, К.В. Дергачев, Л.И. Захарова, Д.М. Кошляков, А.А. Кузьменко, Е.А. Ларичева, Ю.А. Малахов, А.В. Новикова, Г.В. Паршикова, Н.В. Петрухина, Л.Б. Филиппова,

А.А. Шестакова, начинающие исследователи: В.С. Калинин, М.В. Мамичев, А.А. Свидерский, М.С. Сиротский, Г.А. Тюкаева и др. В составе школы работали д. филос. н., зав. кафедрой А.Ф. Степанищев, д. техн. н. В.В. Мирошников, видный почвовед, д. с.-х. н. Г.Т. Воробьев. Издается ежегодный сборник научных трудов «Проблемы современного антропосоциального познания» (с 2003 года, 22 выпуска). Ведется подготовка научных кадров. Их научные труды – новаторские, внесшие существенный вклад в философское, историческое и научное видение трансформационных и деградиационных земных явлений биосферной природы, мира и человека в либерально-технократическом обществе. В настоящее время школу возглавляет профессор РАН, эксперт РАН, профессор БГТУ Елена Александровна Дергачева. Председателем Брянского отделения РФО является профессор Наталья Владимировна Попкова [1, 2].

Сегодняшние проблемы, связанные с социально-техногенным развитием, становятся все более актуальными в контексте глобализации, цифровизации и изменений климата. Новые технологии, такие как ИИ и биотехнологии, требуют философского переосмысления многих вопросов, включая вопросы этики, морали и ответственности людей перед будущими поколениями. Ученые научной школы показывают, что социально-техногенное развитие мира – это явление, которое имеет сложную и многослойную природу. С одной стороны, технологии открывают новые горизонты для прогресса и улучшения качества жизни. С другой стороны, они несут в себе риски и вызовы, которые требуют внимательного и критического осмысления. Такое понимание позволяет сформировать более глубокое восприятие социально-техногенного развития, обогащая его философским анализом и междисциплинарным подходом. В условиях быстро меняющегося мира важно учитывать не только технические, но и социальные, культурные и этические аспекты технологий, чтобы обеспечить устойчивое и справедливое будущее для всего человечества. Так, в трудах Н.В. Попковой дается анализ философии техносферы, рассматриваются изменения в социальной структуре, вызванные внедрением новых технологий, влияние технологий на различные аспекты жизни – от работы и образования до семейных и общественных отношений [3, 11, 12, 13].

Активно ведет свою работу в области мультидисциплинарных исследований Е.А. Дергачева. Ее проект «Наука и философия в вопросах сохранения социума и биосферы» является важным шагом к формированию понимания сложной взаимосвязи между техносферой, социосферой и биосферой. Успешная реализация проекта может привести к устойчивым решениям, которые помогут сохранить как социум, так и биосферу для будущих поколений. Необходимо отметить, что этот проект отмечен благодарностями президентов РАН (с 2016 г.) за проведение циклов лекций в школах РАН, весомый вклад в решение задач, стоящих перед РАН, и юбилейной медалью в честь 300-летия РАН за значительный вклад в становление и развитие науки (2024). Патриотическая книга Е.А. Дергачевой, изданная под эгидой РАН, отмечена дипломом Министерства обороны РФ (2023) и передана в дар Музею Победы (Москва, 2024) [14, 15, 16, 17, 18, 19]. Е.А. Дергачева является лектором общества «Знание», читает лекции для широкой аудитории – учителей и старшеклассников, студентов и молодых ученых в разных регионах страны от Калининграда до Владивостока. Ее мультидисциплинарные исследования явлений социотехноприродного развития мира стано-

вятся все более важными в условиях глобальных проблем, влияющих на выживание и благополучие биосферы и человечества. В 2024 г. у Е.А. Дергачевой в соавторстве с ее ученицей Т.А. Колесник вышла монография [20], в которой рассматриваются вопросы модернизации образования в условиях социотехноприродного развития жизни и мира. Исследование направлено на то, что современное образование должно не только давать знания, но и воспитывать чувство ответственности за биосферную жизнь, формируя личность, способную к критическому мышлению и активному участию в социальных преобразованиях. В условиях, когда будущее планеты зависит от действий каждого из нас, ключевым становится синтез педагогических подходов и социальных практик, способствующих гармоничному развитию личности и общества в целом.

В рамках исследований «Брянской научно-философской школы исследований социально-техногенного развития мира, социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни» особое внимание уделяется феномену эргодизайна в условиях нарастающей неустойчивости современного мира. Данному направлению посвящены исследования А.А. Кузьменко. Его работы поднимают важные вопросы о возможности рационального проектирования систем, способных к самоорганизации, а также об этических аспектах вмешательства человека в природные процессы. В центре его внимания – поиск баланса между технологическим прогрессом и устойчивым развитием, учет социальных и экологических последствий внедрения новых технологий.

Эргодизайн как концепция обозначает процесс проектирования и реализации систем, способных к адаптации в изменяющихся условиях. В контексте исследований А.А. Кузьменко этот феномен рассматривается как ключевой фактор, способный повлиять на преодоление вызовов, связанных с неустойчивостью социально-техногенного развития. По его мнению, эргодизайн, то есть стремление к оптимизации и стандартизации всех аспектов жизни, становится одним из ключевых факторов этой неустойчивости [21].

Техногенное развитие современных обществ, безусловно, открывает новые горизонты для научного прогресса, однако оно также порождает ряд серьезных проблем, требующих внимания исследователей. В частности, углубленное изучение исторических событий позволяет понять, как внедрение технологий трансформировало человеческое существование на протяжении веков. Фундаментальные исследования, касающиеся влияния техногенных изменений на историческое развитие страны, в трудах Ю.Т. Трифанкова, Л.И. Захаровой, Е.Н. Абовян позволяют выявить закономерности и предостеречь от повторения ошибок прошлого [22, 23, 24, 25]. Сравнительный анализ различных эпох – от промышленной революции до цифровой эры – подчеркивает необходимость создания гармоничного баланса между научными достижениями и устойчивым развитием. В этом контексте особенно важно интегрировать результаты научных изысканий в стратегическое планирование, обеспечивая тем самым прогресс, который учитывает интересы будущих поколений.

Заключение

Современное человечество сталкивается с множеством вызовов, возникших в результате стремительного научно-технического прогресса, изменения климата, истощения природных ресурсов и социальной дезинтеграции. В условиях, когда будущее нашей планеты и социума становится неопределенным, проект «Наука

и философия в вопросах сохранения социума и биосферы» стремится объединить усилия ученых, философов, представителей различных социальных групп и государства для поиска решений, способствующих гармоничному сосуществованию человека и природы.

Сейчас, как никогда ранее, важно учитывать влияние технологий на окружающую среду. Изучение того, как социально-техногенное развитие мира влияет на экологию, позволяет находить пути для применения устойчивых и зеленых технологий, которые могут помочь в борьбе с изменением климата и ресурсной истощенностью.

Социально-техногенное развитие мира имеет как глобальные, так и локальные последствия. Понимание этих процессов позволяет разрабатывать более эффективные региональные стратегии и глобальные политики. Так, изучение международных тенденций в сфере цифровизации может помочь государствам и регионам адаптировать свои подходы к использованию технологий, учитывая специфические местные социальные и природные условия.

Изучение аспектов социально-техногенного мира также способствует поддержке инноваций и творчества. Оно позволяет выявлять новые идеи и подходы, которые могут стать основой для разработки новых продуктов, услуг и процессов, необходимых для эффективного функционирования современного общества.

Необходимость изучения аспектов социально-техногенного мира очевидна. Понимание этих процессов помогает нам осознать, как технологии влияют на наши жизни и как мы можем использовать их для создания лучшего будущего. В условиях стремительного технологического прогресса важно продолжать исследовать эти аспекты, чтобы обеспечить гармоничное сосуществование человека и технологий, которое будет направлено на благо всего общества.

Необходимость такого междисциплинарного сотрудничества очевидна. Лишь совместными усилиями представителей разных научных областей можно найти эффективные решения для обеспечения устойчивого и гармоничного развития человечества в условиях быстро меняющегося мира.

В современных условиях мультидисциплинарные исследования явлений мира имеют решающее значение для высшего образования. Они обеспечивают комплексный подход к анализу сложных и многогранных процессов, что, в свою очередь, позволяет находить эффективные решения острых мировых проблем. Интеграция различных дисциплин, международное сотрудничество и адаптация образовательных программ – ключевые аспекты, которые помогут обществу справиться с вызовами глобального характера и обеспечить устойчивое будущее для биосферы и человечества.

Ученые школы при поддержке экспертов делают вывод о том, что эволюционный поворот в развитии жизни на нашей планете, достигший своего опасного пика, обуславливает необходимость организации фундаментальных исследований социально-техногенного развития мира и поворота к социально-биосферному развитию жизни. В условиях глобальных изменений климата, истощения природных ресурсов и угроз биологическому разнообразию человечество сталкивается с предельными вызовами, требующими новаторских подходов и анализа системных взаимосвязей между природной и социальной средой.

Необходимость трансформации привычных моделей взаимодействия в биосфере и социуме становится очевидной для исследователей, которые

акцентируют внимание на междисциплинарном подходе, интегрирующем экологические, экономические и социальные аспекты. Открытие новых горизонтов позволило бы не только глубже понять механизмы этих взаимодействий, но и вырабатывать стратегии устойчивого развития, ориентированные на гармоничное сосуществование человека и природы в условиях меняющихся реалий современности. Таким образом, будущие исследования призваны стать основой для формирования благополучного и безопасного будущего.

Список литературы

1. *Dergachev, K.V.* Man and his prospects under conditions of virtual reality development / K.V. Dergachev // The European proceedings of social & behavioural sciences. International Conference. National Research. – Tomsk: Polytechnic University, 2017. – Pp. 209–216.
2. *Дергачев, К.В.* Мультидисциплинарные исследования – приоритетное направление Брянской научно-философской школы социально-техногенного развития мира / К.В. Дергачев, Ю.Т. Трифанков // Проблемы современного антропосоциального познания. – Брянск: БГТУ, 2018. – С. 15–30.
3. *Демиденко, Э.С.* Философия социально-техногенного развития мира: энциклопедический словарь / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева, Н.В. Попкова. – Брянск: БГТУ; Москва: Всемирная информ-энциклопедия, 2011. – 388 с. – ISBN 978-5-89838-559-0.
4. *Демиденко, Э.С.* Буржуазно-техногенное уничтожение биосферной жизни и земного мира: междисциплинарное исследование: монография / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева. – Москва: Ленанд, 2023. – 276 с. – ISBN 978-5-9710-8476-1.
5. *Демиденко, Э.С.* Техногенное развитие общества и трансформация биосферы: монография / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева. – Москва: Либроком, 2010. – 284 с. – ISBN 978-5-396-00181-7.
6. *Demidenko, E.S.* Socio-Technogenic Development of the Earthly World: Interdisciplinary Research: monograph / E.S. Demidenko, E.A. Dergacheva. – Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House, 2021. – 172 p.
7. *Демиденко, Э.С.* От социально-техногенного к социально-биосферному повороту в аграрной истории России / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2023. – № 2 (27). – С. 34–44.
8. *Демиденко, Э.С.* Эволюционный поворот в развитии жизни и необходимость разработки стратегии социально-биосферного развития мира и регионов России / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева // Наука и феномен человека в эпоху цивилизационного Макросдвига / Отв. ред. В.Г. Буданов, Л.П. Киященко. – Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2023. – С. 382–408.
9. *Демиденко, Э.С.* Экономические тренды в условиях современного социально-техногенного развития мира / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева // Фундаментальные исследования. – 2016. – № 11. – Ч. 4. – С. 774–781.
10. *Демиденко, Э.С.* Смена эволюции жизни в условиях социально-техногенного развития земного мира / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева // Век глобализации. – 2020. – № 1 (33). – С. 71–82.
11. *Попкова, Н.В.* Антропология техники: монография / Н.В. Попкова. – Книга 3. Критика технического разума. – Москва: Ленанд, 2023. – 416 с. – ISBN 978-5-9710-9901-7.
12. *Попкова, Н.В.* Антропология техники: Проблемы, подходы, перспективы: монография / Н.В. Попкова. – Москва: Либроком, 2020. – 350 с. – ISBN 978-5-397-07063-8.
13. *Попкова, Н.В.* Философия техносферы: монография / Н.В. Попкова. – Москва: URSS, 2009. – 343 с. – ISBN 978-5-397-00071-0.

14. Баксанский, О.Е. Конвергентная парадигма современного образования / О.Е. Баксанский, Е.А. Дергачева // Актуальные проблемы социально-гуманитарных исследований в экономике и управлении: матер. III Всерос. научно-практ. конф. профессорско-преподавательского состава и магистрантов факультета экономики и управления. – Брянск: БГТУ, 2017. – С. 129–137.
15. Дергачева, Е.А. Биотехнологические перспективы развития рыночной экономики / Е.А. Дергачева // Инновации. – 2020. – № 2. – С. 22–31.
16. Дергачева, Е.А. О противоречивости научной и технико-технологической рациональности в техногенном общественном развитии / Е.А. Дергачева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2006. – № 1. – С. 169–179.
17. Дергачева, Е.А. Инновационные идеи в теории философии социально-техногенного развития мира и смены эволюции жизни (к 85-летию профессора Э.С. Демиденко) / Е.А. Дергачева // Эргодизайн. – 2022. – № 2 (16). – С. 144–152.
18. Дергачева, Е.А. История и философия социально-техногенного развития жизни и мира / Е.А. Дергачева. – Брянск: БГТУ, 2023. – 140 с. – ISBN 978-5-907570-73-3.
19. Духовное завещание современникам и потомкам. К 95-летию писателя В.М. Шаповалова: монография / Автор-составитель Е.А. Дергачева. – Москва: Энциклопедист-Максимум, 2021. – 480 с. – ISBN 978-5-6046992-0-1.
20. Дергачева, Е.А. Модернизация образования в контексте глобальной трансформации общества и биосферы: междисциплинарное исследование: монография / Е.А. Дергачева, Т.А. Колесник. – Москва: Ленанд/URSS, 2024. – 216 с. – ISBN 978-5-00237-136-5.
21. Кузьменко, А.А. Эргодизайн как процесс проектирования среды жизнедеятельности в условиях социально-техногенного развития мира: философский и междисциплинарный анализ: монография / А.А. Кузьменко. – Брянск: БГТУ, 2024. – 159 с. – ISBN 978-5-907570-93-1.
22. Абовян, Е.Н. Проблемы преподавания истории периода Второй мировой войны (на примере американских учебных программ): фальсификация или умышленное замалчивание / Е.Н. Абовян, Л.И. Захарова // Исторический бюллетень. – 2022. – Т. 5. – № 4. – С. 101–105.
23. Захарова, Л.И. История кафедры «Гуманитарные и социальные дисциплины» БГТУ: опыт гуманитаризации образования высшей школы / Л.И. Захарова, Е.Н. Абовян // Гуманитарные исследования Центральной России. – 2024. – № 2 (31). – С. 81–86.
24. Партизаны и армия: вместе к Победе: монография / С.В. Ушкалов, Н.Я. Геец, Ю.Т. Трифанков [и др.]. – Москва: Вече, 2019. – 464 с. – Сер. Военные тайны XX века. – ISBN 978-5-4484-1296-7.
25. Проявление качеств человека в условиях войны: монография / Ю.Т. Трифанков, С.В. Ушкалов, Л.И. Захарова, Е.Н. Абовян. – Брянск: БГТУ, 2020. – 180 с. – ISBN 978-5-907271-13-5.

References

1. Dergachev K.V. Man and his prospects under conditions of virtual reality development. *The European proceedings of social & behavioural sciences. International Conference*. National Research. Tomsk: Polytechnic University, 2017. Pp. 209–216 (In Eng.).
2. Dergachev K.V., Trifankov Yu.T. Multidisciplinary research is a priority area of the Bryansk scientific and philosophical school of social and technogenic development of the world. *Problems of modern anthroposocial knowledge*. Bryansk: BSTU, 2018. Pp. 15–30 (In Russ.).
3. Demidenko E.S., Dergacheva E.A., Popkova N.V. Philosophy of social and technogenic development of the world: encyclopedic dictionary. Bryansk: BSTU; Moscow: Vsemirnaya inform-entsyklopediya, 2011. 388 p. ISBN 978-5-89838-559-0 (In Russ.).

4. Demidenko E.S., Dergacheva E.A. Bourgeois-technogenic destruction of biospheric life and the terrestrial world: an interdisciplinary study: monograph. Moscow: Lenand, 2023. 276 p. ISBN 978-5-9710-8476-1. (In Russ.).
5. Demidenko E.S., Dergacheva E.A. Technogenic development of society and transformation of the biosphere: monograph. Moscow: Librokom, 2010. 284 p. ISBN 978-5-396-00181-7 (In Russ.).
6. Demidenko E.S., Dergacheva E.A. Socio-Technogenic Development of the Earthly World: Interdisciplinary Research: monograph. Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House, 2021. 172 p. (In Eng.).
7. Demidenko E.S., Dergacheva E.A. From the socio-technogenic to the socio-biospheric turn in the agrarian history of Russia. *Humanitarian studies of Central Russia*. 2023;2(27):34-44 (In Russ.).
8. Demidenko E.S., Dergacheva E.A. Evolutionary turn in the development of life and the need to develop a strategy for the socio-biospheric development of the world and regions of Russia. *Science and the phenomenon of man in the era of the civilizational Macroshift*. Ed. V.G. Budanov, L.P. Kiyashchenko. Moscow: Institut obscshegumanitarnykh issledovaniy, 2023. Pp. 382–408 (In Russ.).
9. Demidenko E.S., Dergacheva E.A. Economic trends in the context of modern socio-technogenic development of the world. *Fundamental research*. 2016;11(4):774-781 (In Russ.).
10. Demidenko E.S., Dergacheva E.A. Change in the evolution of life in the context of socio-technogenic development of the terrestrial world. *The age of globalization*. 2020;1(33):71-82 (In Russ.).
11. Popkova N.V. Anthropology of technology. Book 3. Critique of technical reason: monograph. Moscow: Lenand, 2023. 416 p. ISBN 978-5-9710-9901-7 (In Russ.).
12. Popkova N.V. Anthropology of technology: Problems, approaches, prospects: monograph. Moscow: Librocom, 2020. 350 p. ISBN 978-5-397-07063-8 (In Russ.).
13. Popkova N.V. Philosophy of the technosphere: monograph. Moscow: URSS, 2009. 343 p. ISBN 978-5-397-00071-0 (In Russ.).
14. Baksansky O.E., Dergacheva E.A. Convergent paradigm of modern education. *Actual problems of social and humanitarian research in economics and management: materials of the III All-Russian scientific and practical conference of the faculty and master's students of the Faculty of Economics and Management*. Bryansk: BSTU, 2017. Pp. 129–137 (In Russ.).
15. Dergacheva E.A. Biotechnological prospects for the development of a market economy. *Innovations*. 2020;2:22-31 (In Russ.).
16. Dergacheva E.A. On the inconsistency of scientific and technical and technological rationality in technogenic social development. *Bulletin of the Voronezh State University. Series "Humanities"*. 2006;1:169-179 (In Russ.).
17. Dergacheva E.A. Innovative ideas in the theory of philosophy of socio-technogenic development of the world and the change in the evolution of life (on the 85th anniversary of Professor E.S. Demidenko). *Ergodesign*. 2022;2(16):144-152 (In Russ.).
18. Dergacheva E.A. History and philosophy of socio-technogenic development of life and the world. Bryansk: BSTU, 2023. 140 p. ISBN 978-5-907570-73-3 (In Russ.).
19. Spiritual testament to contemporaries and descendants. On the 95th anniversary of the writer V.M. Shapovalov: popular science publication: monograph / Author and compiler E.A. Dergacheva. Moscow: Entsiklopedist-Maksimum, 2021. 480 p. ISBN 978-5-6046992-0-1 (In Russ.).
20. Dergacheva E.A., Kolesnik T.A. Modernization of education in the context of the global transformation of society and the biosphere: an interdisciplinary study: monograph. Moscow: Lenand/URSS, 2024. 216 p. ISBN 978-5-00237-136-5 (In Russ.).
21. Kuzmenko A.A. Ergodesign as a process of designing a living environment in the context of socio-technogenic development of the world: a philosophical and interdisciplinary analysis: monograph. Bryansk: BSSU, 2024. 159 p. ISBN 978-5-907570-93-1 (In Russ.).

22. *Abovyan E.N., Zakharova L.I.* Problems of Teaching History during the Second World War (Based on the Example of American Curricula): Falsification or Deliberate Concealment. *Historical Bulletin*. 2022; 5(4):101-105 (In Russ.).
23. *Zakharova L.I., Abovyan E.N.* History of the Department of Humanities and Social Disciplines at BSTU: Experience of Humanitarianization of Higher Education. *Humanitarian Studies of Central Russia*. 2024;2(31):81-86 (In Russ.).
24. *Ushkalov S.V., Geetz N.Ya., Trifankov Yu.T. [et al.]*. Partisans and the army: together to Victory: monograph. Moscow: Veche, 2019. 464 p. Ser. Military Secrets of the 20th Century. ISBN 978-5-4484-1296-7 (In Russ.).
25. *Trifankov Yu.T., Ushkalov S.V., Zakharova L.I., Abovyan E.N.* Manifestation of human qualities in the conditions of war: monograph. Bryansk: BSSU, 2020. 180 p. ISBN 978-5-907271-13-5 (In Russ.).

Информация об авторе

ЗАХАРОВА Людмила Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Гуманитарные и социальные дисциплины» ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет, г. Брянск, Россия; eLibrary SPIN: 1967-2594. **E-mail:** tim-lyud@yandex.ru

Information about the author

ZAKHAROVA Lyudmila I. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Social Sciences, Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia; eLibrary SPIN: 1967-2594. **E-mail:** tim-lyud@yandex.ru

УДК 101.1

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ СОВЕТСКОЙ И РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ

Т.В. Филатов

Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики,
г. Самара, Россия

Поступила в редакцию: 21.09.25

В окончательном варианте: 30.10.25

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о соотношении советской и русской религиозной философии в контексте перспектив дальнейшего развития современной постсоветской философии. Актуальность исследования определяется тем, что решение данного вопроса может определить стратегию развития философии в России на длительный исторический период. Научная новизна работы заключается в обосновании авторского видения оптимального варианта подобной стратегии. Цель исследования – критически рассмотреть основные варианты решения вопроса о соотношении советской и русской религиозной философии, сформулированные в работах современных российских философов, что необходимо для обоснования авторского варианта решения данного вопроса. При этом задействуются диалектический и герменевтический методы, а также такие общелогические методы, как дедукция, индукция и аналогия, анализ и синтез. В ходе исследования рассматриваются концепции соотношения русской религиозной философии и советской философии как элементов диспозитива (В.Ю. Быстров и В.М. Камнев), как последовательности исторических этапов диалектического развития одной из ветвей интернациональной по своей природе философии с русским «национальным стилем» (А.В. Черняев), как двух исторических этапов становления профессиональной (научной) философии в России в ходе ее борьбы с мешающим ей свободно развиваться «наростом» русской религиозной философии (С.Н. Корсаков). Автор указывает, что данные исторические этапы развития отечественной философии несоизмеримы, поскольку русская философия национальна, а советская – один из этапов исторического развития мировой по своим масштабам интернациональной философии марксизма. Поэтому русская религиозная философия и советская марксистская философия не могут быть составляющими единой философской традиции; вторая исторически вытесняет первую, будучи, в свою очередь, вытеснена современной постсоветской философией. Далее указывается, что в современном мире наблюдается противоборство двух исторических тенденций – глобализации и фрагментации. При этом современная наука – одно из наиболее ярких проявлений первой тенденции, тогда как современная религия – второй. Поскольку Россия исторически занимала промежуточное положение между Востоком и Западом, она не может сегодня однозначно определиться между наукой и религией. Соответственно современная российская философия не может быть ни научной (аналогом западного позитивизма), ни религиозной (аналогом индийской философии). Наиболее органичный для нее вариант развития – экзистенциальная философия.

Ключевые слова: русская религиозная философия, советская философия, диспозитив, философствование, наука, религия, глобализация, фрагментация, экзистенциализм.

TO THE QUESTION OF THE RELATIONSHIP BETWEEN SOVIET AND RUSSIAN RELIGIOUS PHILOSOPHY

T.V. Filatov

Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics,
Samara, Russia

Original article submitted: 21.09.25

Revision submitted: 30.10.25

Abstract. The paper examines the relationship between Soviet and Russian religious philosophy in the context of prospects for further development of modern post-Soviet philosophy. The relevance of the study is determined by the fact that the solution to this issue can determine the strategy for the development of philosophy in Russia for a long historical period. The scientific novelty of the work lies in the substantiation of the author's vision of the optimal version of such a strategy. The purpose of the study is to critically examine the main options for solving the issue of the relationship between Soviet and Russian religious philosophy, formulated in the works of modern Russian philosophers, which is necessary to substantiate the author's version of solving this issue. In this case, dialectical and hermeneutic methods are used, as well as such general logical methods as deduction, induction and analogy, analysis and synthesis. The study examines the concepts of the relationship between Russian religious philosophy and Soviet philosophy as elements of a dispositive (V.Yu. Bystrov and V.M. Kamnev), as a sequence of historical stages of dialectical development of one of the branches of philosophy that is international in nature with the Russian "national style" (A.V. Chernyaev), as two historical stages of the formation of professional (scientific) philosophy in Russia in the course of its struggle with the "growth" of Russian religious philosophy that hinders its free development (S.N. Korsakov). The author points out that these historical stages of the development of Russian philosophy are incommensurable, since Russian philosophy is national, and Soviet philosophy is one of the stages in the historical development of the international philosophy of Marxism, which is global in its scale. Therefore, Russian religious philosophy and Soviet Marxist philosophy cannot be components of a single philosophical tradition; the second historically displaces the first, being, in turn, displaced by modern post-Soviet philosophy. It is further stated that in the modern world there is a confrontation between two historical trends – globalization and fragmentation. At the same time, modern science is one of the most striking manifestations of the first trend, while modern religion is the second. Since Russia historically occupied an intermediate position between the East and the West, it cannot today clearly define itself between science and religion. Accordingly, modern Russian philosophy cannot be either scientific (analogous to Western positivism) or religious (analogous to Indian philosophy). The most organic variant of development for it is existential philosophy.

Keywords: Russian religious philosophy, Soviet philosophy, dispositive, science of philosophy, science, religion, globalization, fragmentation, existentialism.

Постановка проблемы. Цель работы заключается в прояснении сложного и противоречивого характера отношения советской философии к предшествующей философской традиции в России, представленной главным образом русской религиозной философией, исторически восходящей к полемике западничества и славянофильства в 40-е годы XIX века. Дискуссии по рассматриваемой проблеме в отечественной постсоветской философии периодически возникали с начала 90-х годов прошлого века, после распада СССР, и литература по этой теме достаточно обширна. Однако к общему мнению по данному вопросу исследователи не пришли, до сих пор отстаивая различные, порой диаметрально противоположные позиции. Мы выделили и критически проанализировали наиболее значимые из них, предложив свой вариант решения проблемы.

Методы, методология исследования. Методологическую основу работы составляет диалектический метод. Поскольку осуществляется анализ разных точек зрения по рассматриваемой проблеме, выраженных в научных статьях, нами используется герменевтический метод, а также такие общелогические методы, как дедукция, индукция и аналогия, анализ и синтез.

Основная часть. Всякий раз, когда *непредвзято мыслящий* исследователь сталкивается с работами, в которых русская религиозная философия и исторически следовавшая за ней советская философия рассматриваются как два этапа единого процесса философствования, перед ним возникает очевидный вопрос: как в контексте единой философской традиции могли бы мирно сосуществовать православная религиозность русской философии и воинствующий атеизм философии советского периода, преимущественно идеалистические установки русских религиозных философов и марксистский диалектический материализм, отношение к России как к высшей цели и как к одному из подручных средств осуществления мировой революции, вера в Бога и вера во всемогущество науки, одновременное ожидание грядущего Апокалипсиса и светлого коммунистического будущего? Очевидно, что речь идет о различных и даже *диаметрально противоположных традициях философствования*, причем более поздняя фактически упраздняет более раннюю, подобно тому, как средневековая христианская философия активно вытесняла античную философию, именуя её языческой, в том числе закрывая языческие философские школы и изгоняя «неправильных» философов за пределы Римской империи. Разве не напоминают эти события наше не столь давнее прошлое, а именно «философский пароход», то есть депортацию «неправильных» русских религиозных философов за пределы «первого в мире социалистического государства»?

Развивая данную аналогию, можно утверждать, что сегодняшняя философская ситуация в России аналогична европейской эпохе Возрождения, когда начинался переход от Средневековья к современной техногенной цивилизации, сопровождавшийся отрицанием средневековой схоластики и попыткой возвращения к духовным ценностям античной культуры. Отсюда обращение к русской религиозной философии в 90-е годы XX века, сопровождавшееся преимущественно негативным истолкованием советской философии как «несвободной», и последующее травматическое желание вытравить из исторической памяти народа любые воспоминания о марксистском учении посредством его упорного замалчивания в лучших традициях эпохи постмодерна: если о чем-то не говорят, значит, его и нет.

Попытаемся разобраться, *почему* значительная часть современных российских философов упорно пытается соединить заведомо несоединимое, то есть русское,

советское и постсоветское, обратившись к различным технологиям подобного рода диалектического синтеза. Определенный интерес в данной связи вызывают статьи В.Ю. Быстрова и В.М. Камнева [1, 2], использовавших для этой цели заимствованный у М. Фуко и Дж. Агамбена концепт *диспозитива*, под которым понимается «своеобразное сочетание, сочленение разнородных элементов, связанных друг с другом лишь внешним образом» [1, с. 335]. Авторы выделяют три основных инварианта, которые, как некие «духовные скрепы», устойчиво связывают три основных периода истории отечественной философии: 1) русская (мессианская) идея; 2) преимущественная ориентация на метафизику; 3) проблема выбора между наукой и религией [1, с. 337–338]. Конечно, подобного рода схема вызывает существенные замечания, особенно в плане метафизической ориентации советского диалектического материализма, но в этой связи указывается, что «по характеру решаемых задач, по природе инструментов, избираемых для их решения, советская философия была гораздо ближе к метафизике и схоластике, а не к революционному духу диалектики» [2, с. 244–245]. Аналогичную характеристику советской философии дает В.И. Красиков: «Авторитаризм и консерватизм советского идеологического комплекса, составной частью которого была философия, сообщал ей черты, напоминающие признаки средневековой схоластики: анонимность, строго ограниченное число тем и заданные рамки их обсуждения, нарциссизм, соединенный с консерватизмом, назидательность и дидактизм» [3, с. 134]. Суть, однако, не в этом. Мессианизм в истории человечества возникает всякий раз, когда определенные идеи «овладевают массами», так что этот общий признак не может являться скрепой в конкретной исторической ситуации; все зависит от конкретного *содержания* соответствующих идей. Также и метафизика приходит на смену диалектике в эпоху торжества консерватизма, а диалектика на смену метафизике – в эпоху революционных изменений. Аналогичным образом рассматривается вопрос о соотношении разума и веры – один из «вечных» вопросов философии; просто одни верили в Бога, другие – в коммунизм, третьи – в научно-технический прогресс и т. д.

Другой вариант решения вопроса о соотношении советской и русской религиозной философии можно найти в статье А.В. Черняева [4], который констатирует, что «философия по своей природе интернациональна, однако любая конкретная философия обладает национальным стилем, и российская философия не исключение. Она развивается в диалоге с актуальными направлениями зарубежной мысли и в преемственности с собственной традицией» [4, с. 44]. Подобная аргументация вполне соответствует мировоззрению, которое господствовало в нашей стране в последние годы существования СССР: лучший способ решения любой проблемы – сделать вид, что все хорошо и *никакой проблемы вообще нет*. Действительно, отечественная философия, как флюгер, испытывала диаметрально противоположные влияния извне, но всегда держала нос по ветру. Однако во все времена эта философия была: 1) преимущественно в России; 2) преимущественно на русском языке. Подобного рода *географический и лингвистический детерминизм* – вполне рабочая гипотеза, правда, замещающая присущий классической философской традиции перманентный поиск истины постмодернистским «диалогом», где главное – перманентно присутствовать в соответствующем информационном поле, а в качестве кого – неважно, потому что все равно никто никого не слушает.

Т.В. Наумова поднимает вопрос о недооценке советского периода истории отечественной философии [5, 6], что, по её мнению, вызвано преимущественно

эмоциональными причинами [5, с. 24], связанными с сокрушительным провалом коммунистического проекта в нашей стране, в отличие, например, от Китая, где этот проект до сих пор успешно осуществляется. В такого рода интерпретации имеется определенный смысл. Если рассматривать советскую философию как разновидность интеллектуальной регрессии, то это не вписывается в просветительскую теорию интеллектуального *прогресса*, так что обозначаются контуры альтернативной ей теории интеллектуального *вырождения*. Вполне очевидно, какое место отводится в последней современной постсоветской философии.

На наш взгляд, наиболее обоснованная попытка реабилитации советской философии была предпринята С.Н. Корсаковым [7]. Говоря о ключевых мифах в истории русской философии, он подвергает критике представление о зарождении философии в нашей стране в XI веке, указывая, что «достаточно поставить вопрос: можно ли говорить о профессиональной философии в стране, где ещё не сложилась наука? – чтобы время возникновения её в России было отнесено только на вторую половину XIX в.» [7, с. 70]. Далее развенчивается миф о том, что «вершиной русской философии является религиозно-идеалистическая философия “Серебряного века”, а “чёрным” годом для русской философии стал год высылки политически активных философов – противников большевиков – из России» [7, с. 70]. Здесь автор особенно категоричен. Он утверждает, что ключевым в истории русской философии стал выбор между М.М. Троицким и В.С. Соловьёвым, претендовавшими на заведование философской кафедрой историко-филологического факультета Московского университета. «Выбор между Соловьёвым и Троицким стал поистине судьбоносным, определил весь последующий путь развития философии в России. Из этой точки философия в России пошла двумя путями: профессиональная философия, тяготеющая к европейскому стилю и направлениям философии и не выходящая за рамки университетских курсов, и внеуниверситетская философия, которая вскоре монополизировала право называться “русской философией”» [7, с. 72]. При этом на всемирные философские конгрессы, проводившиеся с 1900 года на Западе, приглашали исключительно философов «европейского стиля», игнорируя «православных публицистов, пропагандистов “русской идеи”» [7, с. 73].

Здесь ключевой термин – «профессиональная философия, не выходящая за рамки университетских курсов». Попробуем разобраться, что она собой представляет. Мы последуем за Д.А. Гусевым [8], который далеко не первым указывает на принципиальную двусмысленность термина «философия». Например, существует религия, практика которой предполагает наличие у субъекта религиозной веры, и *религиоведение* – научная дисциплина, предметом которой является религия. Спрашивается, *должен* ли религиовед быть верующим? Нет! Даже если соответствующая религия умерла и у нее нет ни одного живого последователя, как, например, у античного язычества, все равно она может быть предметом научного исследования. Другой вопрос: *может* ли религиовед быть верующим? Конечно! Однако с точки зрения *научной объективности* неверующий религиовед оказывается предпочтительней верующего, который изначально ангажирован, то есть выступает в качестве апологета соответствующего вероучения, как упомянутые С.Н. Корсаковым «православные публицисты». Аналогичным образом следует различать философию, предполагающую практику *философствования*, и «*философоведение*» [8, с. 422], понимаемое как научная дисциплина, предметом которой является философия. Философовед или *преподаватель философии* – это и есть тот, кого С.Н. Корсаков

обозначает в качестве профессионального философа. По аналогии с предыдущим можно задать вопрос: должен ли философствовать? Конечно, нет! Может ли он философствовать? Безусловно! Что, однако, предпочтительнее в плане научной объективности? По аналогии с предыдущим – первое. Философствующий философ будет трактовать построение других философов через призму своей философской системы, используя идеи последних как *строительный материал* для себя.

Сказанное выше позволяет понять смысл следующего полемического пассажа С.Н. Корсакова: «Власть, руководствуясь собственными интересами, не думая вообще о философии, не собираясь вводить никакой марксистской философии вместо немарксистской, содрала с русской философии “нарост”, который с момента её формирования мешал ей развиваться как профессиональному знанию [курсив С.Н. Корсакова – Т.Ф.]. Высылка 1922 г. имела исключительно положительные последствия для развития философии внутри России: ее результатом стало (впервые в истории страны) свободное развитие профессиональной философии». И далее: «Вторая половина 1920-х гг. дала бурный расцвет философии в России [курсив С.Н. Корсакова – Т.Ф.]. Исторически сложилось так, что в этот пиковый период профессиональной философии она развивалась в марксистской форме. Ничего удивительного в этом нет, ведь марксизм всегда был одной из разновидностей научной философии» [7, с. 74].

Таким образом, советская власть отделила овец от козлищ, изгнав из страны «неправильных» философов и оставив «правильных» философов, основная задача которых – *учебно-просветительская*, то есть без субъективных искажений транслировать идеи «правильных» философов, которые в советской «единственно истинной» философии были представлены аналогом христианской Троицы – К. Марксом, Ф. Энгельсом и В.И. Лениным. В другой исторической ситуации непредвзятые философы аутентично излагали бы обучаемым идеи совершенно других «правильных» философов, например Людвиг Витгенштейна или Карла Поппера. К сожалению, во все времена именно у философов в первую очередь возникает искушение философствования, подобно тому, как у бухгалтера, оперирующего чужими деньгами, может возникнуть желание сделать их своими. Поэтому именно профессиональные философы периодически оказываются в рискованном положении, как, например, один из наиболее талантливых представителей советской философии эпохи ее заката Э.В. Ильенков, о котором В.Ю. Файбышенко написала, что он «был материалистическим реалистом, сражающимся с позитивистским номинализмом» [9, с. 50]. Отсылка к высокой схоластике здесь неслучайна: *философствующий субъект* на фоне апологетов, адекватно, без всяких дополнений от себя, транслирующих «единственно истинное учение» в массы, всегда выглядит как еретик, заслуживающий только костра.

Обсуждение. Суммируем сказанное. В современном мире наблюдается противоборство двух тенденций – *глобализации и фрагментации*. В этом плане русская религиозная философия и «русский» или советский марксизм *несоизмеримы*. Суть глобализации в том, что к концу XIX века только одна из множества существовавших на протяжении истории цивилизаций – западноевропейская, наконец, утвердила себя в качестве *планетарной*, создав мировую колониальную систему и попутно навязав другим народам свою систему ценностей, объявив их «общечеловеческими». В результате естественное историческое развитие неевропейских цивилизаций либо в существенной степени исказилось вследствие необходимости

приспособления к глобальной цивилизации, либо, как цивилизации американских индейцев, они погибли, будучи не в силах приспособиться к ней. Борьба неевропейских цивилизаций за *самосохранение* усиливает тенденции к фрагментации в современном мире, причем у России одна из наиболее богатых и трагических историй подобного рода борьбы. Её философский итог – формирование *национальной* русской религиозной философии.

Советская философия качественно иная, поскольку она представляет собой один из этапов развития марксизма, то есть нечто, привнесенное извне, *один из этапов духовной экспансии глобальной западной цивилизации*. Конечно, попав на русскую почву, марксизм с необходимостью становится русским, равно как попав на китайскую – китайским. Но от этого он не перестает быть марксизмом, подобно тому, как византийское православие, утвердившись на Руси, стало русским, не перестав при этом быть православием. Более того, именно в советский период русская философия впервые в истории выходит за свои национальные пределы, тем самым перестав быть русской, превратившись в *интернациональное*, мировое явление. Правда, это продолжалось исторически весьма недолго, подобно тому, как одна из древнейших мировых религий – буддизм – на короткое по историческим меркам время утвердился в Индии, однако затем буддизм был вытеснен оттуда национальной религией – индуизмом, продолжив существование за пределами своей исторической родины. Соответственно с русской земли в конце XX века марксизм был фактически вытеснен, но в мировом масштабе он никуда не делся, и его история продолжается.

Что же касается современной постсоветской философии, то проблемы, стоящие перед ней сегодня, поистине неразрешимы. На наш взгляд, их наиболее полно выразил Ф.И. Гиренок: «Философы современной России оказались в двусмысленном положении. Посредством языка они соотносят себя с русским дискурсом. Но русская религиозная философия умерла. Поэтому в этом соотношении есть язык и мертвые мысли. Посредством мыслей мы соотносим себя с европейской философией, то есть мысли у нас есть, но языка для них нет. Поэтому философы современной России мечутся между языком без мысли и безъязыкими мыслями» [10]. С одной стороны, в эпоху усиления тенденции к фрагментации в России постсоветская российская философия должна позиционировать себя как религиозную, точнее, православную. С другой стороны, профессиональная философия, точнее, отечественное философование, должно позиционировать себя как научную дисциплину в целях *собственной выживаемости* в университетском пространстве. Но нововременная наука, равно как и машинная техника, есть чисто западное явление, навязанное большей части современного человечества извне вместе с колониальной системой и «общечеловеческими ценностями», то есть объективно работает *против* тенденции к фрагментации. Превращение постсоветской философии в служанку науки, в ухудшенную версию позитивистской философии науки, номинализму которой противостоял «реалист» Ильенков, вряд ли существенно исправит её двусмысленное положение.

Результаты. На наш взгляд, построение постсоветской философии как научной, то есть как продолжения советской философии, но без марксизма, – тупиковый путь. Равно как и попытки возрождения в эпоху постмодерна русской религиозной философии. Новая русская философия не должна быть *ни научной, ни религиозной*. В данной связи имеет смысл обратить внимание на одну из западных альтернатив

позитивистской философии науки, а именно на экзистенциальную философию, представленную работами М. Хайдеггера, К. Ясперса, Ж.П. Сартра, А. Камю и др., то есть не англоязычных мыслителей, что, собственно, и наблюдается в недрах современной российской философии. Именно экзистенциальная проблематика, а вовсе не философия науки, наиболее органично вписывается в отечественную культуру, и хочется верить, что будущее отечественной философии – именно за ней.

Список литературы

1. Быстров, В.Ю. Судьба русской философии и современность. Трансформации ценностей и трансформация моделей. Часть I / В.Ю. Быстров, В.М. Камнев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2018. – Т. 34, вып. 3. – С. 333–347.
2. Быстров, В.Ю. Судьба русской философии и современность. Мировоззренческие установки и их влияние на историко-философский процесс. Часть II / В.Ю. Быстров // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2019. – Т. 35, вып. 2. – С. 234–249.
3. Красиков, В.И. Советская философия: основные черты / В.И. Красиков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2009. – № 8. – С. 132–137.
4. Черняев, А.В. «Разрывы и связи»: проблема преемственности в русской философии / А.В. Черняев // Вестник славянских культур. – 2015. – № 3 (37). – С. 32–48.
5. Наумова, Т.В. Некоторые размышления о проблемах исследований и периодизации истории советской философии / Т.В. Наумова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2010. – № 1 (107). – С. 23–27.
6. Наумова, Т.В. Советская философия: из прошлого в будущее? / Т.В. Наумова // Свободная мысль. – 2010. – № 4 (1611). – С. 107–116.
7. Корсаков, С.Н. Мифы и истины в истории русской философии / С.Н. Корсаков // Вопросы философии. – 2015. – № 5. – С. 69–85.
8. Гусев, Д.А. Философия и «философование»: к вопросу о статусе философии как учебной дисциплины / Д.А. Гусев // Современное образование: векторы развития. Роль социогуманитарного знания в формировании духовно-нравственной культуры выпускника педагогического вуза: материалы международной научной конференции. – 2017. – С. 419–426.
9. Файбышенко, В.Ю. Вещи без слов и целое без частного. Советская философия Эвальда Ильенкова / В.Ю. Файбышенко // Логос. – 2017. – Т. 27. – № 5 (120). – С. 45–64.
10. Гиренок, Ф.И. О русском и советском дискурсах и разрыве между ними / Ф.И. Гиренок // Философия хозяйства. – 2011. – № 2 (74). – С. 81–89.

References

1. Bystrov V.Yu., Kamnev V.M. The fate of Russian philosophy and modernity. Value transformations and model transformation. Part I. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology*. 2018;34(3):333-347 (In Russ.).
2. Bystrov V.Yu. The fate of Russian philosophy and modernity. Worldview attitudes and their influence on the historical and philosophical process. Part II. *Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology*. 2019;35(2):234-249 (In Russ.).

3. Krasikov V.I. Soviet philosophy: the main features. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2009;8:132-137 (In Russ.).
4. Chernyaev A.V. "Breaks and connections": the problem of continuity in Russian philosophy. *Bulletin of Slavic Cultures*. 2015;3(37):32-48 (In Russ.).
5. Naumova T.V. Some reflections on the problems of research and the periodization of the history of Soviet philosophy. *Bulletin of Orenburg State University*. 2010;1(107):23-27 (In Russ.).
6. Naumova T.V. Soviet philosophy: from the past to the future? *Freedom thought*. 2010;4(1611):107-116 (In Russ.).
7. Korsakov S.N. Myths and truths in the history of Russian philosophy. *Questions of philosophy*. 2015;5:69-85 (In Russ.).
8. Gusev D.A. Philosophy and "philosophy": to the question of the status of philosophy as an academic discipline. *Modern education: development vectors. The role of socio-humanitarian knowledge in the formation of the spiritual and moral culture of a graduate of a pedagogical university*. Materials of the international scientific conference. 2017;419-426 (In Russ.).
9. Faibysenko V.Yu. Things without words and the whole without private. Soviet philosophy of Ewald Ilyenkov. *Logos*. 2017;27(5):45-64 (In Russ.).
10. Girenok F.I. On Russian and Soviet discourses and the gap between them. *Philosophy of economics*. 2011;2(74):81-89 (In Russ.).

Информация об авторе

ФИЛАТОВ Тимур Валентинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 7827-2703. **E-mail:** tfilatoff1960@mail.ru

Information about the author

FILATOV Timur V. – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia; eLibrary SPIN: 7827-2703. **E-mail:** tfilatoff1960@mail.ru

ПРОБЛЕМАТИКА ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОГЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Г.А. Тюкаева

Брянский государственный технический университет,
г. Брянск, Россия

Поступила в редакцию: 16.07.25

В окончательном варианте: 18.10.25

Аннотация. Целью является исследование генезиса идей об искусственном интеллекте в историческом и социально-философском дискурсе, особенно на современном этапе информационно-техногенного развития общества. Методологической базой данного исследования выступают три подхода: социоприродный, междисциплинарный (социотехноприродный) и посттьюринговая методология искусственного интеллекта. Социоприродный подход, основанный на теории философии биосферы и ноосферы В.И. Вернадского первой половины XX в., позволяет оценивать обусловленные антропогенной деятельностью изменения, а также взаимосвязи. Социотехноприродный (междисциплинарный) подход (как продолжение социоприродного) складывается в начале XXI в. в исследованиях признанной РАН «Междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенного развития мира и смены эволюции жизни», сторонников и последователей школы. Этот подход, помимо общества и биосферы, охватывает ещё и расширяющуюся техносферу, то есть искусственный мир, формирующийся в результате инновационно-технологического социального развития человека. Зачатки этой среды (техносферы) формируются ещё в аграрный период в момент становления производительной экономики традиционного общества. Данная методология описывает взаимосвязь и взаимовлияние всех трёх компонентов – «социо», «техно» и «био», происходящее как в настоящем, так и в прошлом, что позволяет прогнозировать их интегрированное дальнейшее развитие на современном, информационно-техногенном этапе развития социума. Посттьюринговая методология основывается на идее развития технологии искусственного интеллекта, ограниченности проверки тестом Тьюринга современных интеллектуальных машин, проблеме различий естественности и искусственности технологий. Развитие мира в настоящее время носит социально-техногенный характер, опирается на потенциал интеллектуальных машин и значительно трансформирует социум и биосферу. Появление и развитие новых технологий оказывает существенное влияние на все сферы: «социо», «техно», «био». На сегодняшний день искусственный интеллект приносит как пользу, так и вред обществу, естественной природной среде, что проявляется в нарастании проблем в информационно-техногенном социуме. Рассмотрение истоков появления и становления искусственного интеллекта позволяет определить социально обусловленный характер проблем и направления его эволюции, а также выявить особенности влияния ИИ на общество и биосферу, наметив пути для гармонизации их взаимодействия. В итоге автор вносит уточнения в понимание ИИ, предлагая трактовать его в широком и узком смысле в контексте исторического усложнения технологий социально-техногенного развития мира и жизни. Теоретическая и/или практическая значимость заключается в возможности дальнейшего перехода к рассмотрению искусственного интеллекта в узком и широком смысле как основы социально-техногенного развития мира.

Ключевые слова: искусственный интеллект, биосфера, социально-техногенное развитие мира, информационно-техногенное общество.

THE PROBLEMS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE INFORMATION AND TECHNOGENIC SOCIETY

G.A. Tyukaeva

Bryansk State Technical University,
Bryansk, Russia

Original article submitted: 16.07.25

Revision submitted: 18.10.25

Abstract. The aim is to study the genesis of ideas about artificial intelligence in historical and socio-philosophical discourse, especially at the present stage of information and technological development of society. The methodological basis of this research is three approaches: socio-natural, interdisciplinary and post-turing methodology of artificial intelligence. The socio-natural approach, based on the theory of V.I. Vernadsky's philosophy of the biosphere and noosphere, makes it possible to assess the interrelated changes in the spheres of natural and social life caused by anthropo-man-made activities, as well as the connections between these spheres. The sociotechnological approach is emerging at the beginning of the 21st century in the research of the Interdisciplinary Scientific and Philosophical School of the socio-technological development of the world and the changing evolution of life, recognized by the Russian Academy of Sciences, supporters and followers of the school. This approach, in addition to society and the biosphere, also covers the expanding technosphere, that is, the artificial world formed as a result of innovative and technological social development of man. The beginnings of this environment are formed back in the agrarian period at the time of the formation of the productive economy of a traditional society. This methodology describes the interrelation and mutual influence of all three components: "socio", "techno" and "bio", occurring both in the present and in the past, which makes it possible to predict their integrated further development. The post-Turing methodology is based on the idea of developing artificial intelligence technology, the limitations of Turing testing of modern intelligent machines, and the problem of differences between the naturalness and artificiality of technologies. The development of the world is currently socio-technological in nature, based on the potential of intelligent machines and significantly transforming society and the biosphere. The emergence and development of new technologies has a significant impact on all areas: "socio", "techno", "bio". Today, artificial intelligence brings both benefits and harm to the information and man-made society, as well as to the natural environment, which is manifested in the increasing problems in the information and man-made society. Consideration of the origins of the emergence and development of artificial intelligence makes it possible to determine the socially determined nature of the problems and the directions of its evolution, as well as to predict the features of the influence of AI on society and the biosphere, outlining ways to harmonize their interaction. The theoretical and/or practical significance lies in the possibility of further transition to the consideration of artificial intelligence in a narrow and broad sense as the basis of socio-technological development of the world.

Keywords: artificial intelligence, biosphere, socio-technological development of the world, information and technogenic society.

Искусственный интеллект (ИИ) на сегодняшний день является одной из определяющих технологий, которая формирует не только направления и тематики инноваций, но и саму структуру социальных и экономических систем нашего мира. В своём выступлении на конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта» в Центре международной торговли в 2023 г. Президент России В.В. Путин подчеркнул, что «с внедрением искусственного интеллекта в науку, образование, здравоохранение, все сферы нашей жизни – человечество начинает новую главу своего существования» [1].

Как известно, по классификации известного социолога и философа Д. Белла, общество развивается, проходя различные стадии: доиндустриальное, индустриальное, постиндустриальное [2]. Данная теория социального развития относится к технократическим и строится преимущественно на изменениях в обществе, основанных на производственном ресурсе (сырье, энергии и информации соответственно). Если доиндустриальное (традиционное) общество базировалось на земледелии и скотоводстве, то индустриальное уже на технике, станках. А развивающееся в данный момент постиндустриальное (или информационное) общество – на наукоёмких и высокотехнологичных производствах, в основе которых лежит информация. Однако приведённая теория не учитывает существенные глубинные взаимосвязи, возникающие между обществом, технологиями и естественной природной средой, что обуславливает необходимость ее дополнения другими теориями.

Одной из таких теорий является концепция социально-техногенного развития мира, развиваемая философами и учеными признанной РАН «Междисциплинарной научно-философской школы исследований социотехноприродных процессов и смены эволюции жизни» при Брянском государственном техническом университете (БГТУ) Э.С. Демиденко и Е.А. Дергачевой, их учениками и последователями [3]. В этой теории учитываются изменения, происходящие в трех сферах жизни – социальной, техносферной (искусственной) и природно-биологической, отсюда и делаются прогнозы о совместной трансформации техногенного социума, человека и биосферы на основе расширения технологий техносферы, среди которых на пьедестал современного развития выходят интеллектуальные машины. Расширяя исследования Д. Белла, ученые научно-философской школы рассматривают индустриально-техногенные и постиндустриально-техногенные (или информационно-техногенные) стадии эволюции социумов, учитывая взаимосвязи в системе более высокого уровня – биосферной, в которой и развиваются социумы [3]. Эти социумы посредством технологий оказывают воздействие как на общественные закономерности жизнедеятельности (образ жизни), так и на природные, что проявляется в нарастании экологических кризисов, особенно в городской среде, где и сосредоточены основные инновационные технологии и проживает более половины населения нашей планеты.

Как отмечается в исследованиях Э.С. Демиденко и Е.А. Дергачевой, информационно-техногенное общество характеризуется усиливающимися процессами информатизации всех сфер жизнедеятельности человека, что обуславливает существенное ускорение социальных и социоприродных процессов, расширение искусственной среды – техносферы, повышение техногенности социоприродного развития и одновременно разрушение биосферы и связанного с ней

многовекового образа жизни человека. Данное понятие впервые вводится в научный и философский оборот в 2007–2008 гг. в исследованиях Е.А. Дергачевой, в этот же период содержательные характеристики такого социума находят отражение в работах Н.Н. Дьячковой, В.Е. Доля, Н.Н. Лапченко. Понятие получает распространение при изучении особенностей трансформации социума и естественной природы под воздействием информационных технологий [3 с. 236]. Социально-технологическое изучение особенностей развития информационного общества на основе методологии Д. Белла представляет собой односторонний взгляд на проблему социальных трансформаций, поскольку акцент делается на росте занятости в сфере цифровых услуг. Поэтому можно согласиться с исследователями Междисциплинарной научно-философской школы, которые предлагают широкий, социально-философский подход к изучению сопряженного развития современного мира в единстве его социальных, информационно-технологических, биосферных изменений и развивают концепцию информационно-техногенного общества. В информационно-технологических процессах существенная роль отводится сейчас развитию интеллектуальных машин.

Эти и другие идеи сопряженной эволюции глобального техногенного социума, техносферы и трансформируемой биосферы находят отражение в теории философии социально-техногенного развития мира и смены эволюции жизни, развиваемой в трудах основателя Междисциплинарной научно-философской школы профессора, д.ф.н. Э.С. Демиденко, его учеников и соратников. Отметим наиболее важные среди них: социально направляемый процесс урбанизации как завершающий этап техносферизации планеты и биологической жизни на ней; прогресс техногенного (индустриального и постиндустриального) социума; смена эволюции жизни на Земле с переходом от биосферно-биологической к социотехнобиологической системе жизни, то есть постбиосферной; экотехнологическая трансформация человека и др. [4]. В настоящее время научной школой руководит профессор РАН Е.А. Дергачева, занимаясь активной популяризацией исследований на лекциях в школах РАН и конференциях академического сообщества. В центре ее внимания – новые социотехноприродные закономерности развития мира, формирования новой картины мира и эволюции жизни.

В статье поднимается вопрос о многогранности взаимосвязей между искусственным интеллектом (ИИ) и меняющимся ландшафтом техногенного общества, где активно внедряются информационные технологии. Современное информационно-техногенное общество характеризуется огромным потоком данных, развитием цифровых технологий, созданием среды, в которой информация является ключевым ресурсом. В этом контексте системы искусственного интеллекта – от алгоритмов машинного обучения до интеллектуальной автоматизации – не только повышают производительность, но и создают предпосылки для философского переосмысления социально направляемого взаимодействия в социуме, техносфере и биосфере. По мере своего развития искусственный интеллект требует переоценки традиционных определений и сфер применения, что приводит к необходимости изучения его исторических корней и вех, повлиявших на его развитие.

Методология

Данная статья опирается на три методологических подхода: социоприродный, междисциплинарный социотехноприродный и посттюринговую методологию.

На основе социоприродного подхода оцениваются взаимовлияния в сферах антропосоциальной и природной жизни. Данная методология восходит к трудам философа и ученого В.И. Вернадского. Он рассуждал о человечестве как о части биосферы, постоянно преобразующей её за счёт коллективного разума и организованного труда. Данная теория описывает усложняющуюся взаимосвязь между биосферой и социосферой. Кроме того, согласно теории В.И. Вернадского социальное развитие приведёт к глобальному изменению и переходу биосферы в новую, иную форму – ноосферу, сферу разума [5].

Однако В.И. Вернадский в первой половине XX века не мог предвидеть противоречивого развития техногенного (и информационного) общества и современных технологий, а следовательно, не мог предположить, что вместо ноосферы будет развиваться другая, искусственная сфера (техносфера), пространственно вытесняющая и подавляющая биосферу, обуславливающая ее нарастающий кризис в XXI столетии. Продолжая исследования В.И. Вернадского, научно-философская школа, созданная при БГТУ, в рамках исследований процессов социально-техногенного развития мира разрабатывает широкий, социотехноприродный межпредметный подход. Инструментарий данного социально-философского подхода (по сути, имеющий истоки в работах В.И. Вернадского, но учитывающий более широкий спектр сфер взаимодействия) позволяет получить реальную картину взаимосвязей и закономерностей эволюции биосферы и человека в условиях интеллектуализации машин и технологий техносферы. Среди таких закономерностей – творение информационно-техногенным социумом на основе проектирования с помощью информационных (и сопряженных) технологий новых, технобиологических форм жизни – трансгенных, генномодифицированных, клонированных и даже искусственных, которых ни при каких условиях многовековым эволюционным путем не могла создать естественная природа – биосфера [3, с. 250–252]. Все это становится возможным на основе инновационных технологий. К этому следует добавить, что даже Нобелевская премия по естественным наукам в 2023 году была присвоена авторскому коллективу, который «работал» совместно с искусственным интеллектом, применяя его технологии. Последний (ИИ) занимался обработкой массивов больших данных, что позволило коллективу ученых ускорить получение важных научных результатов.

Дополнительно в статье используется посттюринговая методология искусственного интеллекта, которая опирается на труды А. Тьюринга как на первоисточник. Он предлагал сравнивать естественный интеллект человека с искусственным [6]. В современных условиях интеллектуальные системы проходят тест Тьюринга успешно более чем в половине случаев, в связи с чем ряд учёных (среди них – А.Ю. Алексеев, А.Р. Ефимов, В.К. Финн и др.) поднимает вопрос об использовании новой методологии – посттюринговой, при этом проблемы различия естественного и искусственного интеллекта не являются основополагающими для развития технологии [7]. Главным направлением для совершенствования технологии становится приносимая ею польза для техногенного социума, а не подобие человеческой формы.

Генезис идей об искусственном интеллекте в философском и научном дискурсе

Если рассматривать определение понятия «искусственный интеллект», то необходимо указать, что в данный момент нет чёткой и единой его формулировки [7, с. 30].

Как отмечает ряд авторов (П. Черка, Ю. Григене и Г. Сирбиките), разнообразие формулировок связано с неполной изученностью искусственного интеллекта, что способствует формированию множества взглядов на него в контексте различных дисциплин. Для понимания точек зрения учёных, представляющих разные направления, проанализируем некоторые из них.

Первой рассматриваемой отраслью является философия. Согласно энциклопедическому словарю под редакцией А.А. Ивина «искусственный интеллект – область компьютерной науки (информатики), специализирующаяся на моделировании интеллектуальных и сенсорных способностей человека с помощью вычислительных устройств» (2004 г.) [8]. В основе определения, как видно, лежит имитация искусственными системами части человеческих навыков, однако остается вне внимания более широкий спектр взаимодействий, обусловленных воздействием ИИ на человека и природу. Интересной особенностью является отделение интеллектуальных способностей, то есть умения решать задачи, от сенсорных. Указание в трактовке на сенсорные способности, к которым можно отнести восприятие и формирование представлений, косвенно говорит о потенциальной возможности ИИ составлять логические связи.

Существуют и другие подходы к определению понятия «искусственный интеллект». Так, шведский философ Н. Бостром в книге «Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии» (2015 г.) описывает термин с точки зрения его составных компонентов. Он указывает на то, что программа должна иметь способность к обучению, заложенную на этапе проектирования, возможность работы с неопределённой и вероятной информацией, извлекать данные из различных источников и их использовать в дальнейшем в так называемых «мыслительных процессах, основанных на логике и интуиции» [9, с. 27]. По мнению Н. Бострома, не все системы, обладающие когнитивными функциями, относят к ИИ [9, с. 20]. Некоторые (не все) когнитивные функции можно найти в ряде программ: так, алгоритмы хранения данных соотносятся с функцией памяти, а отсчёт времени в программах связан с ориентированием в пространстве. Однако ИИ в первую очередь определяет не эти отдельно взятые функции, а построенный на них «мыслительный процесс». Однако в социально-гуманитарных исследованиях явления, обусловленные ИИ, трактуются узко как социотехнические. При этом не учитываются последствия воздействия ИИ на социоприродные процессы, хотя эта технология техносферы на данный момент развивается в системе биосферы.

В учебном пособии «Интеллектуальные системы» А.В. Остроух указывает, что «основная задача интеллектуальной системы – это осуществление поддержки деятельности человека и поиска информации в режиме продвинутого диалога на естественном языке» [10], то есть доминирование в решении задач остаётся за социумом.

Исходя из представленных определений общим является наличие некоторого артефакта (ИИ), который выполняет действия, свойственные человеку. Весь вопрос в разнообразии этих действий в системе «человек – технология ИИ». Отметим, что связи в системе «человек (и социум) – технологии техносферы – биосферы» не находят отражения в технических науках в аспекте трактовки ИИ. В узком смысле получается, что технологии ИИ развиваются в замкнутой, изолированной системе и не взаимодействуют с внешней системой – биосферой.

Изучая и анализируя определения ИИ, необходимо вернуться к истокам и упомянуть американского учёного в области информатики Дж. Маккарти, который ввёл термин в 1956 году. В своей статье "What is Artificial Intelligence" (2007 г.) он пишет: «Искусственный интеллект – это наука и техника о создании интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ» [11]. Кроме того, Дж. Маккарти отмечает, что строение и процесс работы ИИ может быть отличным от реальных биологических процессов человеческого мозга.

Третьим рассматриваемым направлением являются естественные науки, в частности биология. Так, член-корреспондент РАО Т.В. Черниговская рассуждает об искусственном интеллекте с точки зрения технологии, построенной на основе принципов и механизмов, выделенных естественными науками, в том числе нейронауками [12, с. 160–171]. Она поднимает вопрос о достаточности знаний в представленных науках для разработки ИИ, а также затрагивает тематику необходимости подобных разработок. Таким образом, Т.В. Черниговская ведёт речь об использовании искусственного интеллекта в качестве модели естественного интеллекта для дальнейшего его улучшения. Несмотря на акцент на нейробиологические процессы при разработке ИИ, последствия трансформации биосферы вследствие информатизации и экспансии ИИ остаются вне рассмотрения в естественных науках.

Исходя из всего вышесказанного необходимо отметить, что представленное разнообразие определений способствует узкому пониманию применения ИИ к решению задач в различных научных направлениях. Каждое научное направление отражает приоритеты и рамки искусственного интеллекта, рассматривает его через призму вычислений и логических рассуждений (технические науки), сравнения со способностями и возможностями человека (гуманитарные науки) или через биологические принципы функционирования человеческого мозга. В трактовках технической направленности акцент делается на указание используемых способов и методов в строении интеллектуальных систем. В формулировках гуманитарных наук есть описание будущих возможностей искусственного интеллекта, предположение о его потенциале и преимуществах перед человеком. Различные определения раскрывают как ограничения, так и возможности ИИ в определённом контексте. Продолжающийся дискурс вокруг искусственного интеллекта предполагает, что по мере его развития будет меняться и человеческое представление о нём. Тем не менее для социальной философии важен широкий подход к осмыслению ИИ с учетом многовековой динамики идей и технологий техносферы, многоаспектности взаимодействий и их последствий в системе «человек (и социум) – технологии техносферы – трансформируемая биосфера», составляющих особенности исторического развития социально-техногенного мира от аграрного до современного информационного общества.

История и философия развития искусственного интеллекта в традиционном, индустриальном и постиндустриальном (информационном) обществах

Рассмотрев ряд определений, можно отметить, что понятие «искусственный интеллект» используется не только для обозначения информационной системы с определёнными возможностями, но и для описания науки, занимающейся данными технологиями. Так, ИИ – это молодая наука, ведущая свою официальную историю только с середины XX века, времени развёртывания научно-технической революции. Эта наука появилась при переходе высокоразвитых

западных обществ от индустриальной к постиндустриальной (информационной) стадии и активно развивалась именно в рамках последней стадии, для которой информация, по классификации Д. Белла, является существенной производительной силой. Тем не менее искусственный интеллект базируется на ряде других наук (фундаментальных), которые способствовали его появлению и развитию своими методами, идеями и воззрениями. Появление и развитие именно этих наук можно относить к временному периоду традиционного и индустриального общества, то есть задолго до середины XX века.

Одним из древнейших учений, положивших начало наукам, является философия, в которой Аристотель (384–322 гг. до н. э.) вносит идею о возможности выработать логические заключения механическим путём или, позже, механическим артефактом (Р. Луллий, 1235–1315 гг.) за счёт наличия системы правильных рассуждений. Иными словами, создаётся набор правил, описывающий мышление, а точнее, рациональную его часть, что и является основой теории искусственного интеллекта. Сюда же относятся принцип индукции (Д. Юм, 1711–1776 гг.) и доктрина логического позитивизма (Р. Карнап 1891–1970 гг.) [13, с. 40–43]. Так, согласно книге «Искусственный интеллект: современный подход» авторов С. Рассела, П. Норвига (2006 г.) главным для создания ИИ вопросом является наличие, принципы и законы, связи между знаниями и действиями, ведь одно не подразумевает по умолчанию другое. Эти основные идеи начали формироваться задолго до появления технологических возможностей для создания интеллектуальных систем. Поэтому можно проследить зарождение науки об ИИ и её основных концепций в контексте усложнения социально-техногенного развития мира, различных стадий становления составляющих его обществ.

Следующей наукой, внёсшей существенный вклад в становление и развитие искусственного интеллекта, является математика (с 800 г. по н. в.). По мнению С. Рассела и П. Норвига, именно такая точная наука, как математика, позволила решить проблему формализации сформулированных в философии идей. Для этого преимущественно использовались различные алгоритмы (Аль-Хорезми – IX в., Евклид – 325 г. до н. э.). Кроме того, три раздела математики – логика, вычисления, теория вероятностей (П. Ферма (1607–1665 гг.), Б. Паскаль (1623–1662 гг.), Дж. Бернулли) – стали основополагающими для развития науки. Представленные направления позволили найти ответы на вопросы, связанные с правилами формирования верных заключений (Д. Гильберт (1862–1943 гг.), К. Гёдель (1906–1978 гг.)), пределов вычислимости, а также рассуждений с использованием недостоверной информации [13, с. 43–44].

Традиционный период развития обществ основывался на главенстве естественных, биосферных технологий, которые были связаны с земледелием и сельским хозяйством. Эти технологии, как и идеи социума о выработке рациональных правил (алгоритмов) жизнедеятельности, существенно не изменяли его (социума) естественное природное окружение (биосферу), хотя локальные кризисы экологического характера все же сопутствовали общественному развитию [3].

Существовали и другие науки, появившиеся в более позднее время, достижения которых способствовали развитию науки об искусственном интеллекте. Так, экономика (с 1776 г. по н. в.) как наука, сформировавшаяся в зарождающемся индустриальном обществе, повествует о концепции принятия решений

для получения вознаграждений (Р. Беллман). Приведём ещё несколько основополагающих наук того времени: неврология (с 1861 г. по н. в.) с важным для системы знанием об обработке информации в мозгу и его устройстве (К. Гольджи, С. Рамон, Г. Бергер), психология (с 1879 г. по н. в.) со знаниями о повадках людей и животных (У. Джеймс, Ф. Бартлетт, К. Крэг).

Индустриально-техногенное общество с середины XX века начало переход к постиндустриальному типу, стали активно развиваться вычислительная техника (с 1940 г. по н. в.), без которой просто невозможно представить интеллектуальную систему (Ж.М. Жаккард, Ч. Бэббидж, А. Тьюринг), теория управления и кибернетика (с 1948 г. по н. в.) (У. Питтс, Дж. Фон Нейман), создающие правила работы неких артефактов под собственным управлением, лингвистика (с 1957 г. по н. в.), дающая представление о связи языка с мышлением, а также перевод естественных языков в искусственные [13, с. 40–43]. Нельзя сказать, что все перечисленные науки были специально созданы и развивались только для дальнейшего превращения в искусственный интеллект. Но если упустить хотя бы одну из них, то создание интеллектуальной системы в её нынешнем представлении стало бы невозможным. На этапе индустриально-техногенного развития общества активно развиваются небюросферные (промышленные) технологии, что приводит к всё большему загрязнению биосферы и разрушению ее экосистем в масштабах планеты. Искусственные научно-технические системы и связанные с ними научные идеи, обусловленные запросами технократического капиталистического общества, становятся, как показывают исследования Междисциплинарной научной школы, самым опасным фактором трансформации социума и биосферы [3].

Если же говорить о более позднем периоде, непосредственно о самой истории искусственного интеллекта, то она начинается в постиндустриальном, то есть информационно-техногенном обществе, с самых его истоков. Следует начать с 1943 года, когда была придумана, создана модель искусственных нейронов У. Маккалоком и У. Питтсом. Ещё одной значимой личностью, внёсшей большой вклад в развитие ИИ, являлся А. Тьюринг (1912–1954 гг.). Именно его можно назвать основоположником концепции искусственного интеллекта в полном её смысле. Он задавался вопросом: «Могут ли машины мыслить?», – о чём и говорит в своей статье «Вычислительная техника и интеллект». Кроме того, ему принадлежит разработка теста, определяющего, способен ли компьютер мыслить так, как человек. Сравнение искусственного и естественного интеллекта происходит, как он представляет, путём игры в имитацию, где пользователь с помощью текстовых сообщений общается с двумя собеседниками и должен определить, кто из них не является человеком.

Следующим важным этапом в истории было введение термина «искусственный интеллект» в 1956 году Дж. Маккарти. И уже в 1960 г. им же был создан первый язык программирования ИИ: LISP. А в 1966 г. Дж. Вайценбаум представил первый чат-бот ELIZA, который преобразовывал ответы пользователей в вопросы для проведения терапии. Интересно, что, согласно данным одного из исследований, проведённых учёными из Калифорнийского университета в Сан-Диего, ELIZA проходит тест Тьюринга успешнее (27 %), чем современная модель GPT-3.5 (14 %). Необходимо отметить, что успешность зависит от совпадения сложности вопросов и направленности системы. В дальнейшем

развитие технологии искусственного интеллекта проходило так же активно: создание Shakey the Robot (1966–1972 гг.), усложнение систем, прогресс в развитии вычислительной техники и в области обработки больших объёмов данных, появление алгоритмов обучения, популяризация метода глубокого обучения, экспертные системы, разработка первого беспилотного автомобиля (1986 г.).

После описанного можно выделить ещё два периода в развитии ИИ. Первый – с 1993 по 2011 годы – характеризовался появлением интеллектуальных агентов, связанных с разработкой программного обеспечения для конкретных задач. Так, в 1996 г. была создана система для игры в шахматы Deep Blue. Другой группой задач обусловлено появление элементов ИИ в бытовых условиях, то есть система «умный дом». 2009 год ознаменовался революционным исследованием ряда учёных (Р. Райна, А. Мадхаван и Э. Нг) на тему использования графических процессоров для обучения. В 2011 году Apple создал Siri – голосового помощника, который за счёт распознавания речи позволяет отдавать команды и контролировать своё устройство голосом.

Второй этап начался в 2011 году и продолжается по настоящее время, на этом этапе возникли технологии глубокого обучения и большие данные для ИИ. В этот период были созданы и представлены ряд систем. К примеру, система Watson (2011 г.), понимающая естественный язык и находящая ответы на заданные вопросы. Разработанная структура Deep CNN (глубокая свёрточная нейронная сеть) (2012 г.) способствовала развитию систем глубокого обучения.

В 2018 году компания Google выпустила программу для автоматизации телефонных разговоров Duplex. Виртуальный голосовой ассистент может заказать что-то за человека по телефону. Голос ассистента звучит очень правдоподобно за счёт правильной расстановки пауз и интонаций. Однако данная система была неспособна вести обычные разговоры. Следующей разработкой, получившей признание и популярной в настоящее время, является мультимодальная система Dall-E (2021 г.) от компании OpenAI для создания изображений. В 2022 году та же компания запустила ChatGPT, предлагая интерфейс, ориентированный на общение.

Таким образом, фундамент и направления развития искусственного интеллекта были заложены в те далекие годы, когда человек только начинал анализировать мир вокруг себя, то есть во времена Аристотеля. Науки, заложившие основу искусственного интеллекта, появились ещё в традиционном обществе. При этом активная разработка непосредственно ИИ началась только в середине XX века, то есть в информационно-техногенном обществе, и была тесно связана с внутренними социальными и технологическими процессами самого общества. Однако история ИИ – это не только история усложнения социотехнических систем. Это история всего спектра социотехноприродных взаимодействий и взаимосвязей (т. е. социально-техногенного развития мира и жизни), на что, к сожалению, не всегда обращают внимание исследователи и адепты этой технологии, восхищаясь потенциальными способностями и возможностями ИИ, которые в будущем, возможно, превзойдут человеческие (как физические, так и творческие).

Искусственный интеллект в информационно-техногенном обществе

Техногенное общественное развитие отражает суть основных изменений в социальной и природной жизни, осуществляемых на основе науки, техники

и инновационных технологий. Такое развитие становится всё более актуальным для изучения в стремительно преобразовывающемся мире. Так, техногенные достижения, то есть все технико-технологические процессы [3, с. 183], к которым согласно теории философии техносферы профессора Н.В. Попковой относят технические объекты, изделия, химические вещества, инфраструктуру жизнедеятельности человека, оказывают влияние на все сферы жизни общества.

Рассматривая понятие «техногенное общество», обоснованное в исследованиях Э.С. Демиденко (2003 г.), необходимо перечислить основные элементы такого общества: социум, техносферу и биосферу, которые тесно связаны между собой и влияют друг на друга. Такое общество, являясь частью биосферы, создаёт технологии, с помощью которых изменяет окружающий мир. Увеличение количества и качества создаваемой техники и технологий способствует усилению воздействия на биосферу, что приводит к её деградации и, по мысли Э.С. Демиденко, изменению эволюции жизни на Земле [3]. Круг трансформационных воздействий указанных сфер друг на друга сказывается на ухудшении состояния биосферы: уменьшении площади лесов, обеднении почв, загрязнении вод, что существенно снижает качество жизни социума и негативно влияет на здоровье людей. При расширении техносферы и дальнейшем развитии информационно-техногенного общества происходят изменения (не всегда положительные) в образе жизни человека, его социальных, физических и психологических характеристиках.

Отметим основные характеристики техногенного общества, к которым относятся следующие: формирование новых научно-технических производительных сил, техносферизация (развитие глобальной техносферы и замена её компонентами естественной природы), технико-технологическая модернизация, урбанизация (создание искусственной городской среды обитания), техногенные изменения биологии организмов биосферного мира, создание широкой гаммы биотехнологических творений человеческого разума (о чём пишут Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачёва) [3, с. 16]. Такое общество сосредоточено на развитии различных технологий и односторонне учитывает их влияние на другие сферы жизни, что может привести к безвозвратному изменению биосферы или даже её полному уничтожению.

Информационное общество как стадия техногенного развития основано на компьютеризации и информатизации. Если рассматривать данное общество, необходимо указать, что в свое время Д. Белл отмечал важность телекоммуникаций и смену приоритетов в индустриальном обществе – смещение акцентов с преобладающей ранее сферы производства на сферу услуг [2]. Отличительными особенностями такого общества являются: повышение роли информации, увеличение численности людей, занятых в сфере коммуникационных технологий, появление глобального информационного пространства, к которому можно отнести Интернет. Как отмечает японский теоретик К. Кояма, один из первых учёных, применивших понятие «информационное общество», информация является основным фактором производства. И действительно информация является основой большинства современных процессов. Рассуждая о современном обществе, необходимо говорить о том, что оно является информационно-техногенным, сочетает характеристики техногенного и информационного общества. О сущности информационно-техногенного общества пишет

Е.А. Дергачева, отмечая, что процессы информатизации усиливают техногенность изменений в социальных и биологических системах, что приводит к изменению закономерностей социоприродной эволюции жизни, то есть информации (кода), заложенного в этих взаимосвязанных системах [3].

Искусственный интеллект является передовой технологией информационно-техногенного общества, может применяться в большом количестве сфер. Так, С. Рассел и П. Норвиг (2006 г.) в своей книге рассуждают о разнообразии функций искусственного интеллекта, который применим как в задачах на доказательство теорем, так и в сочинениях произведений [13, с. 34]. В нынешней ситуации, когда любой человек может обратиться к данной интеллектуальной системе с помощью смартфона, популярность технологии неоспорима. Так, по данным компании Statista, количество пользователей, воспользовавшихся сервисами на основе ИИ в 2023 г., составило около 254,78 млн человек, а к 2030 г. согласно прогнозам это значение увеличится до 729 млн. В этом случае актуальным становится вопрос о воздействии интеллектуальных машин на человека и биосферу.

Интеллектуальные системы в работе зачастую выполняют рутинные, однотипные, повторяющиеся задачи. Для снижения временных и финансовых затрат на выполнение таких задач ИИ используется в компаниях, о чём говорит К. Кальвино, старший управляющий директор по работе с данными и аналитикой в FTI Consulting. Фирмы считают данную особенность ИИ преимуществом. Между тем существует мнение, о котором пишет исследователь Мэри К. Пратт, что задания именно такого типа способствуют формированию и закреплению определённых навыков у людей, и если освободить их от выполнения данных функций, то может наблюдаться не только потеря связанного с этим навыка, но и в целом снижение критического мышления (то есть ухудшение навыка по анализу информации, рассмотрению ситуации с разных сторон и принятию решения), теряется фундаментальное понимание основополагающих социальных действий в той или иной сфере. Мнения об опасности ИИ для умственных способностей человека придерживается Л. Малькова, которая считает, что получение готового ответа, без прохождения пути по поиску информации исключает фундаментальность образования. При выходе из строя инструмента для получения ответов есть риск невозможности получения результатов в случаях, если человек разучился решать самостоятельно. Из этой проблемы вытекает следующая: снижение производительности труда техногенного социума, что, по сути, противоречит мнению о повышении эффективности, высказанному К. Кальвино. Так люди перекладывают свои обязанности на системы ИИ. Тем не менее для получения качественного результата необходима проверка выполнения работы интеллектуальной системой, что может отнимать гораздо больше времени, чем самостоятельное решение задачи человеком.

Ещё одной опасностью для общества являются сами возможности систем искусственного интеллекта, такие как создание достаточно качественных изображений, видео- и аудиоконтента. Речь идёт о дипфейках, то есть создании новостей о ситуациях, которых никогда не происходило. Подобные ситуации разного уровня значимости уже встречаются в мире: это может быть фейковое выступление какого-то публичного лица, противоправное действие по отношению к обычному человеку с воспроизведением чужого голоса. Все эти действия приводят к появлению большого количества новых уязвимых мест и вредят социуму.

Возвращаясь к мнению Л. Мальковой, стоит обратить внимание на её предположение о появлении в будущем универсального индивидуального помощника (ИИ), который будет хранить все данные о человеке и учитывать его привычки и вкусы, выстраивать маршруты его действий. Однако, по мнению французского философа Г. Кёнига, подобные помощники навязывают свою волю и ограничивают волю человека. Поскольку искусственному интеллекту несвойственны эмоции, интуиция, гибкость суждения, ИИ не может объяснить логику своих решений. Поэтому жить под диктовку такой системы может быть затруднительно нерациональным людям [14].

Если же говорить о самих технологиях ИИ, то их функционирование приводит к увеличению выбросов углекислого газа в атмосферу, то есть усиливает неблагоприятные трансформационные социотехноприродные процессы. Так, по некоторым данным, обучение GPT-3, модели искусственного интеллекта, лежащей в основе ChatGPT, потребовало 1287 МВт·ч энергии и привело к выбросам более 550 тонн CO₂ в окружающую среду. А это уже устаревшая модель, сейчас происходит разработка более поздних версий. Тем не менее крупные компании повсеместно внедряют подобные системы. К примеру, компании Google, Microsoft, «Яндекс» и другие предоставляют возможность поиска, осуществляемого на базе ИИ. При этом количество необходимых вычислительных мощностей увеличивается примерно в четыре-пять раз. Именно вред, наносимый данной технологией естественной природной среде в процессе её разработки и функционирования, указывает на её техногенный характер, что, несомненно, усиливает трансформирующее воздействие социума на биосферу в обществе, внедряющем и совершенствующем интеллектуальные машины. Мы уповаем на современные технологии четвертой промышленной революции и «зеленой» экономики как способные в кратчайшие сроки решить экологические проблемы, но трансформируемая капиталистическим социумом на основе инновационных методов реальность оказывается не слишком благоприятной для естественных биологических форм жизни, к которым помимо живой природы относится и человек как часть биосферы.

Исходя из приведённых выше направлений использования искусственного интеллекта можно сделать вывод о двух сценариях развития ИИ в информационно-техногенном обществе – позитивном и негативном. Рассмотрим, что имеется в виду в обоих случаях. Отметим, что наше рассуждение строится на предположениях о возможностях будущих систем ИИ.

Позитивный путь развития и взаимодействия искусственного интеллекта с обществом и биосферой выражается во всесторонней помощи в решении как глобальных проблем всего человечества, так и задач отдельного пользователя. В защиту данного тезиса высказываются различные видные деятели и учёные. Так, Дж. Чен, генеральный партнер Foundation Capital, высказывает мнение о способности ИИ сделать мир более справедливым (ИИ удешевит ряд услуг – медицинских, образовательных, что сделает их более доступными) и процветающим (ИИ создаст новые задачи и рабочие места). Р. Карпентер считает, что на данном этапе волноваться о негативных последствиях не надо, так как ИИ будет находиться под контролем социума и будет способствовать решению многих проблем. Биолог Р. Брукс предлагает теорию, согласно которой ИИ будет являться ещё одним этапом эволюции, станет частью человека

и, как следствие, не будет представлять для социума никакой угрозы. Все приведенные мнения содержат рекомендации к дальнейшему скорейшему развитию интеллектуальных машин. Они указывают на их высокую полезность при минимальных негативных социоприродных последствиях.

Подобное позитивное развитие может быть достигнуто в ряде случаев. С одной стороны, важно, чтобы стоящая перед интеллектуальной системой цель отвечала интересам человека, а не самой системы, о чём пишет известный исследователь С. Рассел [15, с. 25]. Цель должна не совпадать с сугубо личными желаниями конкретного пользователя, а нести благо большей части социума. В дополнение к сказанному рассматриваемая система ИИ должна быть полностью подконтрольна своим создателям и не должна пытаться избежать решения поставленной задачи в угоду собственным измышлениям. С другой стороны, следует отметить, что предлагаемые ИИ решения и в целом выдаваемые ответы существенно зависят от тех данных, на которых он был обучен. К примеру, если материалы содержали примеры какой-либо дискриминации, то и получаемые от системы ответы будут дискриминировать тех же лиц. С такой ситуацией уже сталкивалась компания Amazon, когда ИИ при равных условиях для кандидатов отдавал предпочтение мужчинам (и игнорировал женщин) из-за своего обучения. В связи с такими «провалами» необходимо чётко отслеживать и сортировать данные, на которых обучается искусственный интеллект. Таким образом, позитивный путь развития ИИ предполагает учёт правильных целей, а также обучение на данных гуманистической направленности, принципах сохранности социальных систем, которые будут формировать правильные человеческие ценности.

Второй, негативный, путь развития представляется сценарием из фантастических книг и фильмов, где созданный искусственный интеллект не только не будет помогать человечеству, но и постарается его уничтожить тем или иным способом. Главная опасность на стадии развития в том, что человек самостоятельно обучает, а после и передаёт ИИ контроль в ряде важных сфер: экономике, военном деле, медицине, сельском хозяйстве и т. д. Проблема в том, что у интеллектуальных систем нет системы ценностей, этики, морали. Многие учёные рассуждают о возможных опасностях, связанных с развитием ИИ. К примеру, С. Хокинг высказывает опасения насчёт самостоятельности интеллектуальных систем, когда они не только обретут возможность принимать решения с огромной скоростью, но и смогут самосовершенствоваться, выйдя из-под контроля людей. О вероятных рисках для существования человечества пишет И. Маск. Бизнесмен представляет возможным подобный исход из-за вероятности потери контроля над самым умным представителем ИИ. В этих суждениях позиционируется мысль если не об отказе от дальнейшей разработки ИИ, то как минимум о приостановке исследований.

Кроме представивших свои сценарии существует ещё ряд учёных, которые не придерживаются строго того или иного варианта развития событий. Они рассуждают о различных возможностях ИИ, рассматривая как положительные, так и отрицательные моменты. Одним из известных исследователей, придерживающихся такого мнения, является российский философ Д.И. Дубровский. В своих работах он пишет не только о широком круге задач в разных средах, решаемых ИИ, но и о возникающих социогуманитарных проблемах [10, с. 128–159].

Зарубежный философ Н. Бостром в книге «Искусственный интеллект» говорит как о возможностях, так и об уничтожении человеческой расы, хотя в итоге не останавливается ни на одном мнении [11]. На основе представленных суждений можно сделать предположение о существовании третьего, «промежуточного» пути развития ИИ. Он будет базироваться на обучении ИИ на основе разнородных, неотсортированных данных, не соответствующих ни позитивному, ни негативному сценарию развития событий. Вероятно, подобный ИИ будет использоваться разными людьми для извлечения собственной выгоды, в первую очередь материальной. Он также может обострить уже существующие проблемы: экологические, проблемы безработицы, социального неравенства и др.

Тем не менее, основываясь на исследованиях «Междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенного развития мира», мы солидарны с ее руководителями Э.С. Демиденко и Е.А. Дергачевой, которые считают, что на современном этапе развития необходимо сделать поворот к социально-биосферному развитию мира и жизни, чтобы совместно наука и технологии техносферы были направлены на сохранение человека, социума и биосферы, поддержание социотехнобиосферной модели жизни, а не социотехнобиологической, которая активно формируется в информационно-техногенном социуме на основе процессов информатизации и достижений интеллектуальных машин (среди примеров – огромное разнообразие творений биотехнологических организмов) [3]. Будущее человека как вида – за безопасной техносферой и поддержанием гармоничного развития биосферы, чтобы человек не стал переходящей органической формой жизни, которая уступит место более совершенным машинным формам без морали и ценностей.

Проведя подобный анализ, можно сделать вывод о том, что дальнейшее развитие искусственного интеллекта в информационно-техногенном обществе должно осуществляться осознанно, с огромной осторожностью. Необходимо тщательно сортировать данные для обучения интеллектуальных систем и предоставлять только те, которые имеют гуманистическую направленность, отвечают принятым социальным нормам и этическим правилам, направлены на сохранение биосферы, форм ее жизни, решение и предотвращение экологических проблем, что соответствует теории философии социально-техногенного развития мира, последователем которой является и автор данной статьи.

Заключение

Таким образом, развитие искусственного интеллекта предполагает значительные изменения как в технологической сфере, так и в социальной структуре. Если рассматривать ИИ с точки зрения различных моделей, то необходимо отметить, что он является не только технологией для расширения человеческих возможностей за счёт совершенствования функций, но и преобразующей силой, которая по-новому определяет взаимодействие общества с биосферой и техносферой. Обобщая результаты исследования, отметим, что понятие «искусственный интеллект» целесообразно рассматривать в широком и узком смыслах. В первом случае (широком смысле) – как длительный социально-исторический процесс развития общества во взаимосвязи с идеями о рационализации жизнедеятельности и технологиями техносферы различной степени интеллектуальности в направлении замещения антропосоциальных и природных систем и формирования социально-техногенного мира. Во втором (узком

смысле) – как закономерное продолжение этого процесса, соответствующее современной эпохе информатизации и становления информационно-техногенного общества, объединяющего взаимосвязанные трансформации в социосфере, техносфере и биосфере вследствие усложнения интеллектуальных машин.

Историческая эволюция искусственного интеллекта тесно переплетена с достижениями во многих областях науки, в том числе в философии и математике. Это подчёркивает сложность данной области и разнообразие интерпретаций, связанных с её определением и применением. Несмотря на то, что искусственный интеллект повышает производительность труда и является новой производительной силой, которая изменяет общество, он также создаёт серьёзные проблемы для людей (снижение критического мышления, потеря профессиональных навыков, уменьшение производительности труда самого человека, этические проблемы, связанные с дезинформацией) и для естественной природы, что связано с затратами большого количества электроэнергии и загрязнением окружающей среды. На это обычно адепты ИИ и крупные транснациональные корпорации не обращают пристального внимания, включаясь в гонку инноваций, потому что их успешное внедрение даёт сверхдоходы. По мере того как информационно-техногенное общество переживает трансформационные процессы, поднимается вопрос о необходимости дальнейшего развития ИИ. При этом следует учитывать, что искусственный интеллект разрабатывается как природоподобная технология (то есть как прототип естественного интеллекта), что потенциально может способствовать гармоничной интеграции с социальными и природными системами.

Для решения этих проблем и использования всех преимуществ искусственного интеллекта при одновременном уменьшении связанных с ним опасностей необходимы дальнейшие междисциплинарные философские исследования. Будущее искусственного интеллекта, развивающегося в социальной системе (как подсистеме естественной природы) и системе более высокого уровня (биосфере), будет зависеть от способности сочетать инновации с ответственностью, гарантируя, что эта технология «умных» машин послужит на благо человека и природы.

Список литературы

1. Путин назвал искусственный интеллект новой главой в жизни человечества // РБК: [сайт]. – 24.11.2023. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65609a8e9a79474e2f129c82>. (дата обращения: 29.10.2024).
2. Bell, D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting / D. Bell. – N.Y.: Basic Books, 1973.
3. Буржуазно-техногенное уничтожение биосферной жизни и земного мира: междисциплинарное исследование: монография / Э.С. Демиденко, Е.А. Дергачева. – Москва: URSS, 2023. – 276 с. – ISBN 978-5-9710-8476-1.
4. Дергачева, Е.А. Инновационные идеи в теории философии социально-техногенного развития мира и смены эволюции жизни (к 85-летию профессора Э.С. Демиденко) / Е.А. Дергачева // Эргодизайн. – 2022. – № 2 (16). – С. 144–152.
5. Вернадский, В.И. Живое вещество / В.И. Вернадский. – Москва: Наука, 1978. – 358 с.

6. *Turing, A.* Computing machinery and intelligence / A. Turing // *Mind*. – 1950. – Vol. 59. – Pp. 433–460.
7. Будущее искусственного интеллекта: тьюринговая или посттьюринговая методология? / А.Ю. Алексеев, А.Р. Ефимов, В.К. Финн // *Искусственные общества*. – 2019. – № 4 (14). – URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800007698-6-1/>
8. *Философия: Энциклопедический словарь* / Под ред. А.А. Ивина. – Москва: Гардарики, 2004. – 1072 с.
9. *Бостром, Н.* Искусственный интеллект Этапы. Угрозы. Стратегии / Н. Бостром. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 496 с. – ISBN 978-5-00057-810-0.
10. *Остроух, А.В.* Интеллектуальные системы: учеб. пособие / А.В. Остроух. – Красноярск: Научно-инновационный центр, 2015. – 110 с. – ISBN 978-5-906314-34-5.
11. *McCarthy, J.* What is Artificial Intelligence? / J. McCarthy // Computer Science Department. Stanford University. – 2007, November 12. – URL: <https://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai.pdf>
12. Человек и системы искусственного интеллекта / В.А. Лекторский, С.Н. Васильев, В.Л. Макаров [и др.]. – Санкт-Петербург: Юридический центр, 2022. – 328 с. – ISBN 978-5-94201-835-1.
13. *Рассел, С.* Искусственный интеллект: современный подход / С. Рассел, П. Норвиг; пер. с англ. – 2-е изд. – Москва: Вильямс, 2006. – 1408 с. – ISBN 978-5-8459-1968-7.
14. *Кёниг, Г.* Конец индивидуума. Путешествие философа в страну искусственного интеллекта / Г. Кёниг. – Москва: Invidium, 2023. – 352 с. – ISBN 978-5-6048294-3-1.
15. *Рассел, С.* Совместимость. Как контролировать искусственный интеллект / С. Рассел; пер. Н. Кияченко. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2021. – 440 с.

References

1. Putin called artificial intelligence a new chapter in the life of mankind // RBC: [website]. 11/24/2023. Available from: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/65609a8e9a79474e2f129c82> (accessed: 29.10.2024).
2. *Bell D.* The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting. N.Y.: Basic Books, 1973 (In Eng.).
3. *Demidenko E.S., Dergacheva E.A.* Bourgeois-technogenic destruction of biospheric life and the terrestrial world: an interdisciplinary study: a monograph. Moscow: URSS, 2023. 276 p. ISBN 978-5-9710-8476-1 (In Russ.).
4. *Dergacheva E.A.* Innovative ideas in the theory of philosophy of the socio-technological development of the world and the change in the evolution of life (on the 85th anniversary of Professor E.S. Demidenko). *Ergodesign*. 2022;2(16):144-152 (In Russ.).
5. *Vernadsky V.I.* Living matter. Moscow: Nauka, 1978. 358 p. (In Russ.).
6. *Turing A.* Computing machinery and intelligence. *Mind*. 1950;59:433-460 (In Eng.).
7. *Alekseev A.Yu., Efimov A.R., Finn V.K.* The future of artificial intelligence: Turing or post-turing methodology? *Artificial Societies*. 2019;4(14). Available from: <https://artsoc.jes.su/s207751800007698-6-1/> (In Russ.).
8. *Philosophy: An Encyclopedic dictionary*. Ed. by A.A. Ivin. Moscow: Gardariki, 2004. 1072 p. (In Russ.).
9. *Bostrom N.* Artificial Intelligence Stages. Threats. Strategies. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2015. 496 p. ISBN 978-5-00057-810-0 (In Russ.).
10. *Ostroukh A.V.* Intelligent systems: textbook. Krasnoyarsk: Nauchno-innovatsionniy tsentr, 2015. 110 p. ISBN 978-5-906314-34-5 (In Russ.).

11. *McCarthy J.* What is Artificial Intelligence? Computer Science Department. Stanford University. November 12, 2007. Available from: <https://www-formal.stanford.edu/jmc/whatisai.pdf> (In Eng.).
12. *Lektorsky V.A., Vasiliev S.N., Makarov V.L. [et al.]* Man and artificial intelligence systems. St. Petersburg: Limited Liability Company Law Center Publishing House, 2022. 328 p. ISBN 978-5-94201-835-1 (In Russ.).
13. *Russell S., Norvig P.* Artificial intelligence: a modern approach. Transl. from English. 2nd ed. Moscow: Williams, 2006. 1408 p. ISBN 978-5-8459-1968-7 (In Russ.).
14. *Koenig G.* The End of the Individual. The philosopher's journey to the land of artificial intelligence. Moscow: Invidium, 2023. 352 p. ISBN 978-5-6048294-3-1 (In Russ.).
15. *Russell S.* Compatibility: How to control artificial intelligence. Transl. by N. Kiyachenko. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2023. 440 p. (In Russ.).

Информация об авторе

ТЮКАЕВА Галина Александровна – аспирант, ассистент кафедры «Компьютерные технологии и системы» ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет, г. Брянск, Россия; eLibrary SPIN: 4094-9069. **E-mail:** miss.tolossky@yandex.ru

Information about the author

TYUKAEVA Galina A. – graduate student, assistant of the Department of Computer Technologies and Systems of the Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia; eLibrary SPIN: 4094-9069. **E-mail:** miss.tolossky@yandex.ru

УДК 101.1:316

РОЖДЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ИЗ ГЕНЕЗИСА ТРАГЕДИИ

А.С. Дрозденко

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия

Поступила в редакцию: 20.08.25

В окончательном варианте: 11.09.25

Аннотация. Исследование посвящено анализу генезиса античной философии, в частности влияния трагедии на формирование философской мысли Платона. Актуальность работы обусловлена необходимостью углубленного понимания истоков философии как самостоятельной дисциплины, а также взаимосвязи между культурными, мифологическими и философскими аспектами античного мира. Новизна исследования заключается в рассмотрении философии Платона как результата переосмысления античной трагедии и её ключевых элементов – мимесиса и катарсиса. Автор предлагает оригинальный взгляд на процесс «приватизации» философией теории (θεωρία) и её трансформации из религиозно-мифологического контекста в интеллектуальную практику. Цель статьи – проследить процесс становления философии как самостоятельной дисциплины через анализ влияния античной трагедии на философскую систему Платона, а также выявить ключевые культурные и мифологические предпосылки этого процесса. В работе применяются историко-философский, культурологический и компаративный подходы, позволяющие рассмотреть античную философию в контексте её культурных и мифологических истоков. Особое внимание уделяется анализу трудов О.М. Фрейденаберг, М. Хайдеггера и других исследователей. Исследование основано на анализе текстов античных авторов (Платон, Аристотель), а также современных интерпретаций их работ. Используются методы исторической реконструкции, концептуального анализа и интертекстуального сопоставления. Автор приходит к выводу, что философия Платона формируется на основе переосмысления античной трагедии, её ключевых элементов – мимесиса и катарсиса. Платон трансформирует до-философское понимание θεωρία (созерцания) в интеллектуальную практику, что становится основой для выделения философии как самостоятельной дисциплины. Результаты исследования могут использоваться в курсах по истории философии, культурологии и античной литературе и для дальнейшего изучения взаимосвязи между философией и культурой. Перспективным направлением является углубленное изучение влияния других элементов античной культуры на формирование философской мысли и сравнительный анализ философских систем Платона и Аристотеля в контексте их культурных истоков. Статья рекомендуется специалистам в области античной философии, культурологии и истории литературы, а также всем, кто интересуется вопросами взаимосвязи философии и культуры.

Ключевые слова: античная трагедия, созерцание, мимесис, катарсис, тотемизм.

THE BIRTH OF PHILOSOPHY FROM THE GENESIS OF TRAGEDY

A.S. Drozdenko

Saratov State University,
Saratov, Russia

Original article submitted: 20.08.25

Revision submitted: 11.09.25

Abstract. The study is devoted to the analysis of the genesis of ancient philosophy, in particular, the influence of tragedy on the formation of Plato's philosophical thought. The relevance of the work is due to the need for an in-depth understanding of the origins of philosophy as an independent discipline, as well as the relationship between cultural, mythological and philosophical aspects of the ancient world. The novelty of the study lies in the consideration of Plato's philosophy as a result of rethinking the ancient tragedy and its key elements – mimesis and catharsis. The author offers an original view on the process of “privatization” of theory (θεωρία) by philosophy and its transformation from religious and mythological context into intellectual practice. The paper aims to trace the process of the formation of philosophy as an independent discipline through analyzing the influence of ancient tragedy on Plato's philosophical system, and to identify the key cultural and mythological preconditions of this process. The work uses historical-philosophical, cultural and comparative approaches to examine ancient philosophy in the context of its cultural and mythological origins. Special attention is paid to analyzing the works of O.M. Freidenberg, M. Heidegger and other researchers. The study is based on the analysis of texts of ancient authors (Plato, Aristotle), as well as modern interpretations of their works. The methods of historical reconstruction, conceptual analysis and intertextual comparison are used. The author concludes that Plato's philosophy is formed on the basis of rethinking the ancient tragedy, its key elements – mimesis and catharsis. Plato transforms the pre-philosophical understanding of θεωρία (contemplation) into intellectual practice, which becomes the basis for distinguishing philosophy as an independent discipline. The results of the study can be used in courses on the history of philosophy, cultural studies and ancient literature, as well as for further study of the relationship between philosophy and culture. A promising direction is an in-depth study of the influence of other elements of ancient culture on the formation of philosophical thought, as well as a comparative analysis of the philosophical systems of Plato and Aristotle in the context of their cultural origins. The article is recommended for specialists in the field of ancient philosophy, cultural studies and literary history, as well as for all those interested in the relationship between philosophy and culture.

Keywords: Ancient tragedy, reflection, contemplation, mimesis, catharsis, totemism.

Античная культура до Платона не разделялась на частные сферы, она была единым культурным полем: досократики пишут свои трактаты в форме поэм, поэтому литература, мифология, наука и философия трудноразделимы. Учение Платона основывается во многом на той культуре, в которой он жил (в своей жизни он еще застал трагиков – Еврипид умер во времена Платона), но именно Платон создает условие для возможности существования философии. Он переосмысляет литературу и мифологию и пытается освоить трагедию в качестве философии. Мы постараемся проследить данный феномен – рождение философии из трагедии (еще не в философском смысле). Для этого нам следует остановиться сначала на рассмотрении начальной стадии развития культуры, когда происходит зарождение и становление античной культуры, чтобы в дальнейшем проследить генезис греческой трагедии.

О.М. Фрейденберг разделяет древнее общество на несколько эпох: дородовой период, когда общество строится вокруг тотема и принадлежности к нему, а не основывается на принадлежности к определенному роду; земледельческий период (который можно назвать предрелигиозным), когда на смену тотему приходят боги, поначалу связанные с плодородием и чадородием. Главным актом общественной жизни становится производительный акт, посев и жатва. Выделяется также родовой период, в который общность коллектива определяется кровным родством.

В период дородового общества человек не отделяет себя от природы, поэтому здесь не может идти речь о каком-либо рациональном и даже образном мышлении. Человек сливается с миром в единстве, единственный способ диалога с другими людьми в обществе – лишь с помощью тотема. Происходит зарождение культов, которые еще не оформлены в понятия.

Тотем – символ принадлежности человека, в этом конкретном понятии отображается весь мир. Архаичный язык, согласно Фрейденберг, во многом един, в нем сливаются не просто похожие слова, но и противоположности, например: жизнь-смерть, свет-тьма. Подобные противоположности суть одно, что в дальнейшем отразится и на культуре. Например, умирая в земной жизни, человек рождается уже в жизни другой, в преисподней. Помимо понятий сливаются в одно и некоторые действия человека, например такие, как смех и плач: «Смерть и смех идут в мифе рядом как однозначные образы» [1, с. 499].

Через тотем мыслится и сам мир, и человек (который от него неотличим): «... ни одна мифологема не является в конечном счёте чем-нибудь иным, кроме космогонии, потому что тотемизм понимает жизнь человека в виде жизни внешних стихий, а стихии принимает за людей» [1, с. 78]. Поэтому то, что происходит с тотемом, – происходит и с человеческим обществом. Одной из самых важных частей тотемистического культа является поедание (что впоследствии сменится жертвоприношением). Тот, кто поедает тотем, сам становится тотемом. Здесь можно провести параллель с дальнейшим дионисийским культом и театром – тот, кто приносится в жертву богу, сам становится на время богом, которого убивают (мимесис, который здесь еще является замещением, а впоследствии становится подражанием). Именно этот акт замещения (еще не подражания) имеет сакральный, дорелигиозный характер. Здесь же берут начало первые жертвенники, которые в дальнейшем станут сценой в театре.

В религиозный период происходит смещение акцентов, в жизненный мир людей вступают боги, которые приносят вместе с собой иные ценности – рождение, выращивание, плодородие. Отныне самым важным является не совместное поедание и охота, а посев и жатва. Но эти боги еще не оформленные, главное в них – ценность рождения. «Коллектив совершает шествие так же, но не на охоту, а на поле, выкрикивает слова плодородящего значения, мимически изображает производительность» [1, с. 145]. Производительный акт является основополагающим, посев и жатва в этом смысле означают зачатие и рождение.

В родовую эпоху начинает складываться полная картинка будущего культа – человек больше не чувствует необходимости повторять жизнь природы, он больше не отождествляет её со своей. Поэтому то, что он видит и что существует независимо от него, приобретает самостоятельный характер и принимает форму многочисленных божеств. Нет такого места, вещи или поступка, которые существовали бы вне божественного. Фрейдсберг отмечает, что с родового человека начинается забвение былого смысла всех докультурных действий – мифов и отдельных образов, но они еще живут в человеке. Этот период, хотя в нем и появляются божества, не является все же религиозным.

Это всё – дофилософское понимание мира и культуры. Нам необходимо рассмотреть ключевые моменты трагедии, чтобы выявить, какое влияние она оказала на античную культуру, в частности – на становление античной философии. Мы не берем в расчет досократиков; главная фигура, которая нас здесь интересует, – Платон.

1. Созерцание (теория)

Для анализа античной трагедии нам следует рассмотреть то, что связано с ней, с религиозным культом, а также с платоновской философией, – это понятие θεωρία. Понятие теории (или созерцания) относят в философском смысле к Платону и к его понятию идеи и умосозерцания, однако сам термин появился гораздо раньше. Значения этого понятия в дофилософский период и в философии Платона различаются. Для начала мы рассмотрим само понятие теории и то, как оно понималось изначально, а затем перейдем к тому, как Платон использует теорию в своей системе. Стоит сделать небольшую ремарку по поводу того, что о древних культах, дионисийских мистериях и в целом о внутренней жизни греков мы знаем достаточно мало, поскольку в древности подобные действия имели строго закрытый характер. К тому же проводить аналогии с нашим современным видением достаточно проблематично; современное мировоззрение, безусловно, отличается от античного, поэтому точки зрения современных исследователей античности могут сильно различаться.

Как известно, слово «театр» (θεατρον) происходит от древнегреческого глагола θεάομαι – «смотреть, видеть, созерцать». От второго значения этого глагола – «созерцать умом» – произошло слово «теория» (θεωρία). Теория в античном понимании относится не просто к созерцанию как таковому, а к созерцанию богов и к общению, взаимодействию с ними. Помимо этого θεωρός – термин, обозначающий зрителя, который, принимая участие в мистериях, созерцает божественное. Важно не столько то, что человек может видеть богов, а то, что боги видят мир вместе с человеком.

Таким образом, уже сейчас мы видим раздвоение одного понятия, которое обозначает, с одной стороны, акт созерцания, а с другой – самого зрителя. Для

более детального понимания термина рассмотрим два варианта происхождения данного слова, обратившись к М. Хайдеггеру и Й. Резерфорду.

Согласно М. Хайдеггеру [2, с. 238–253] глагол $\theta\epsilon\omega\rho\epsilon\iota\nu$ образован от двух слов: от слова $\theta\epsilon\alpha$ – то есть «облик», «зрелище» («Именно этот лик вещи, по мнению Хайдеггера, Платон назвал эйдосом» [3, с. 102]) и глагола $\delta\rho\alpha\omega$ – «охватывать взором». Поэтому, по интерпретации Хайдеггера, $\theta\epsilon\omega\rho\epsilon\iota\nu$ означает «видеть явленный лик присутствующего и зряче пребывать при нем благодаря такому видению» [2, с. 143].

Й. Резерфорд, обращаясь к термину $\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$, представляет два варианта значения. Во-первых, как и Хайдеггер, он связывает его со значением «зрелища» или «празднества» (мистерии): $\acute{\eta}\ \theta\epsilon\acute{\alpha}$ – смотрение, вид, театральное зрелище. Во-вторых, этимология слова $\theta\epsilon\omega\rho\acute{o}\varsigma$, как указывает исследователь, восходит к греческому слову, обозначающему бога, – $\acute{\eta}\theta\epsilon\acute{o}\varsigma$ [4, р. 3]. Здесь мы уже можем проследить явную связь акта созерцания и взаимодействия с богами.

Теория – созерцание богов и созерцание вместе с богами, это то, что делает человека подобным богам. Но человек не всегда способен к такому «божественному» видению мира. Поэтому для взаимодействия с божествами существовали своего рода «должности» человека. Согласно Резерфорду этим же словом – $\theta\epsilon\omega\rho\acute{o}\varsigma$ (или теор) – обозначались люди, которые выполняли определенные действия в рамках культа (и не только). Это зрители (посланники, смотрители), которые имели дело с богами. Они могли не напрямую взаимодействовать с божествами, но выполняли функции жрецов или же просто зрителей.

Иными словами, мы можем сказать, что любой теор ($\theta\epsilon\omega\rho\acute{o}\varsigma$) имеет дело и осуществляет теорию ($\theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$). То есть в любом случае вступает во взаимодействие с божественным.

Если мы вернемся к значению теории в смысле зрелища, то сможем выделить здесь тоже несколько интересных моментов. $\Theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$ означает празднества, посвященные богам, зрелища (смотрения) на всё, где присутствуют боги (достопримечательности, храмы, Олимпийские игры, мистерии). Это всё приводит нас к тому, что любой досуг ($\sigma\chi\omicron\lambda\acute{\eta}$) уже предполагает некоторое божественное видение мира, даже если и не направлен напрямую на общение с богами. Даже простые, казалось бы, действия, не связанные с религиозным культом, всё равно погружают человека в мир божественного.

И именно на этой почве, где боги – не просто религия, где божественным является сам мир, вечный Космос, и выстраивает свою философию Платон. В том мире, где человек сопряжен с бессмертным и прекрасным.

Созерцание до Платона не было интеллектуальной практикой, это было частью божественного мира. Платон впервые смещает акцент с созерцания как естественного способа бытия человека на его интеллектуальную сторону.

У Платона божественная картина вещей носит в первую очередь познавательный характер. Умопостигаемый мир Платона является своего рода духовным двойником мира чувственного: «чувственное солнце освещает и делает зримыми предметы здешнего мира – благо, солнце мира идеального, освещает и делает умопостигаемыми образцы этих единичных предметов» [5, с. 211]. Знание, истина – одни из ключевых моментов платоновской мысли. Для античного человека сам мир, космос – разумный, поэтому таковым являлся и способ человеческого бытия, где разумная жизнь является жизнью созерцательной.

Как отмечает А.Н. Павленко, «пребывая в созерцательной жизни – “теории”, человек оказывался причастным “истине” и “красоте” созерцаемого Космоса, который теперь открывался ему и как “высшее благо”» [3, с. 113]. Человек, «теоретизируя», приобщался к божественному. Но «разумность» в смысле «познания» появляется только у Платона. В диалоге «Федр» он описывает путь восхождения души: душа, возвышаясь, стремится узнать божественное и быть вместе с богами, однако, возвращаясь в мир, она забывает то, что увидела. Земное созерцание является несовершенным и ограниченным, лишь припоминанием некогда совершенного. $\Theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$ философа есть припоминание и возвращение одновременно.

Итак, мы можем сделать вывод, что Платон переносит до-философские значения $\Theta\epsilon\omega\rho\acute{\iota}\alpha$ в философию, происходит своего рода приватизация философией теории. Более того, философия становится собой именно благодаря теории, которая отныне понимается исключительно в философском ключе. Все те, кого мы причисляем к доплатоновской философии, – досократики – не имели такого величия. Платон выводит теорию на новый уровень, придавая прошлым философским размышлениям божественное значение. И в этом смысле божественное мировоззрение, понятное для греков, является фундаментом для становления философии, такой, какой она предстает и для нас в том числе.

Обратимся теперь непосредственно к античной трагедии, которая вырастает на почве божественного (но не философского) миропонимания

2. Мимесис

Античная трагедия уходит своими корнями в архаическое, тотемное время. Это еще не оформленное действие, но мы уже находим отголоски, зачатки того, что впоследствии назовем трагедией.

Главный элемент трагического действия – это зрительный мим, который принял характер очистительного обряда, сначала еще в до-религиозный период, когда он был конкретным, и который в дальнейшем принял этико-религиозный характер. И эта основа трагедии – мимесис и катарсис.

Как мы уже обозначали выше, в до-религиозном, родовом обществе тот, кто поедает тотема, сам становится тотемом. Здесь мы уже наблюдаем рождение феномена мимесиса, пока еще не столько подражания, сколько замещения. Народные образы, мифология, фольклор дают развитие действию, драме. Изначально главным актом культа было жертвоприношение, и именно мольба к заклателью жертвы в жертвоприношении в дальнейшем вытесняется мольбой к божествам. Местом жертвоприношения являлась сцена. В театральных постановках форма мольбы «заклатель-жертва» меняется на форму мольбы актера к публике.

Становление трагедии происходило на основе балаганных действий, где еще не было цельного и сложного сюжета (об этом упоминает и Аристотель: «Что же касается величия, то от мелких сказаний и от потешного слога [трагедия], развиваясь из сатирической драмы, далеко не сразу достигла своей важности» [6, с. 650]). Сатирическая драма не является прообразом трагедии, это образ народной драмы, восходящий к зрительному миму и «к доэтической катартике с ее мотивами осмеяния, глумления и наказания, к мимезису с обманом и хитростью, с подделкой мнимого под настоящее» [1, с. 657].

Именно в примитивных образах сатиrowsкой драмы мы и находим то, что впоследствии воспримет трагедия и придаст этому новую форму. Основная черта трагедии, мимесис, носила агонистический характер [1, с. 641]. В таком действе имитируется подлинность жизни, агон между жизнью и смертью (как мы помним, героями трагедий являлись покойники, но трагедия не являлась катастрофой в современном смысле, потому что смерть в архаичном понимании всегда тянет за собой жизнь). «Мим, говоря коротко, это мимезис (подделывание) “подобия” под “сущность” – обман, морока, разыгрывание. Именно здесь лежат корни “смешного»» [1, с. 642]. В балаганных представлениях появляются зрелищные образы, хотя еще и не совсем зрительные. Именно в балаганных представлениях разыгрываются сценки, где мнимое подменяется настоящим – это отсылает нас к мимесису.

Фрейденоберг пишет: «Все генетические пути трагедии ведут в фольклор. Это не один какой-нибудь архетип драмы, но многие ее разновидности. Устойчив только элемент агона, всегда связанный со зрительностью... и с действенным произведением» [1, с. 650]. Мистерии изначально содержат элемент агона, то есть состязания и борьбы. Разрушительная тематика составляет сущность трагедии, по отношению к людям – это ошибки или незнания, к стихиям – бури, катастрофы, распри. Агон действия также сопровождается агонем словесным.

Изначальный тотем, вещь, со временем заменяется одушевленным существом, которым впоследствии становятся боги и богини – действующие лица. Данный акт замещения, становления другим и является прообразом мима, которого мы знаем в драме. Как уже было указано выше, дорегигиозное культовое действо сопровождается агонем, и это то, что будет характеризовать трагедию – агон, разделение хора и героя, перипетии от гибели и разрушения, катартику с ее очищением от скверны. Как уже было сказано, в древнем обществе человек не отделял себя от мира, то есть он не мог противопоставить себя природе (или кому-либо еще). Но в сакральном акте при замещении всегда имеешь дело с чем-то другим, иным, отличным от человека, – в дальнейшем это оформится в богов и героев. И в этот момент происходит очень важное изменение. Таким образом и формируется мимесис, сначала замещаая, а потом сознательно подражая другим вещам, будь то природа, покойники или божества. Именно таким образом сначала замещение преобразуется в подражание.

Стоит указать сейчас, почему мы подчеркиваем именно дорегигиозный характер данных действий. Фрейденоберг четко дает нам разделение дорегигиозных действ и религиозных культов. Дело в том, что о религии речь начинает заходить только тогда, когда формируются культы и поднимаются вопросы этического характера. То есть пока не было этики – не было также и религии, «культ Диониса и сам имел фольклорное происхождение, но стал религиозным явлением в процессе понятийности, создавшем и этические понятия» [1, с. 671]. Также стоит отметить, что религиозность складывалась не из-за появления храмов, ритуалов и божеств, это все имело место и в дорегигиозную эпоху. Без представлений о добре и зле, о моральном поведении человека не может возникнуть религия. Агон лежит в структуре сюжетного построения трагедии.

Итак, вернемся к мимесису. А.В. Ахутин пишет о том, что трагедия является открытием сознания. Мимесис же, по мнению исследователя, – это первый, элементарный акт сознания. «Миметическая имитация мифа, сколь бы ритуальной

она ни была, всегда уже содержит в себе возможность зрителя, располагающегося вне, в стороне от (самого же себя как) участника действия» [7, с. 147]. Теперь сфера единичного, единого противопоставляется сфере множественного. Человек уже не просто часть чего-то единого, он мыслит себя, мыслит бога и, что более важно, в этом миметическом акте мыслит себя как место, которое может быть занято богом. Ведь буквально, как мы помним, в мистериях тот, кто играет роль Диониса, сам становится убиваемым богом.

Трагедия придала мимесису очистительный, катартический характер, тем самым возводя себя на этический уровень.

3. Катарсис

Итак, второй важнейший аспект античной трагедии – катарсис. Весь миметический узел образов в античном действии потенциально катартичен. Борьба, агон двух враждебных начал являл решающий результат трагедии. Изначально, в дофилософском понимании классическая Греция не знала еще отвлеченного аристотелевского очищения от страстей. Очищение имело конкретный физический характер: очищение от скверны загробного мира посредством омовения рук или иных частей тела. Моральное значение катарсис получает после становления религии, когда та принимает этический характер. Этическим становится и мимесис, который сливается с культовой катартикой. Появление этики полностью меняет прежний, мифологический бытийный мир и преобразовывает трагедию, возводя её материал к понятийной форме. Хотя в трагедии и остаются боги, но они уже не играют такой роли, какую играли в прошлом. В понятийно-этической форме трагедии происходит изменение даже понятия смерти, которая теперь перестает быть просто физической категорией, смерть – это вина, которая подвергается каре, и возмездие за эту вину перерождает героя. Смерть становится роком, который сопровождается страхом и ужасом – силами, властвующими над человеком. Смерть и жизнь (прежде бывшие одним целым, где одно – естественное продолжение другого) в этической схеме становятся катартическими категориями – виной и возмездием. «Генетическая природа греческой трагедии (и в том числе хор) представляет собой не пласты ее прошлого, а внутренний и неотъемлемый состав всего ее наличного целого. Без этой основной фактуры не образовалась бы вторая природа трагедии, этическая, которая только на базе первой могла подготовить своеобразие греческой трагедии» [1, с. 687].

Когда Платон наследует трагедию, логично предположить, что и философия у него имеет катартический эффект. Вспомним, как Аристотель характеризовал катарсис: «Трагедия есть подражание действию... производимое в действии... и совершающее посредством сострадания и страха очищения подобных страстей» [6, с. 651]. И философия, по мнению Платона, должна обладать катартическим эффектом, это подтверждает реплика Сократа в диалоге «Федон», когда Сократ перед казнью в разговоре с софистами отмечает: «Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним – умиранием и смертью» [8, с. 14]. Катарсис у Платона – это освобождение души от сковывающего ее тела, освобождение разума от телесных начал. Для Платона земная жизнь – то единственное, что доступно нашим чувствам; имеющая пределы, ставящая превыше всего добродетели и благо – это не подлинная жизнь. Освобождение и очищение души должно стать подготовкой для жизни с богами.

Да, во времена античных философов трагедия как феномен находится в упадке, и Платон пренебрежительно отзывается о поэтах и поэзии (которая, как мы помним из диалога «Государство», должна быть практически полностью упразднена, как и мифология, ибо она показывает ужас смерти, а не учит бесстрашию), но это одновременно очень красивый ход мысли, ибо Сократ то и дело обращается то к Гомеру, то к Пиндару, то к трагикам.

Более интересен в этом аспекте «Пир» Платона. О.М. Фрейденберг, анализируя «Пир», приходит к выводу, что этот диалог очень архаичен по строению и характеру. Здесь сливаются комико-трагические образы и является единство образов безобразного и прекрасного, внешнего и внутреннего, здесь внешнее – мнимо, а внутреннее подлинно. Диалог носит досценичный, фольклорный характер, его природа одновременно и балаганная, и мистериальная. То есть «Пир» является не просто синтезом, но еще и неразличимым миром трагического и комического. «Весь образ в своей двуединой целостности миметичен. Искусство рождается в нем» [1, с. 654]. Эрос, который Платон показывает в своем диалоге, является одновременно двумя противоположными Эросами: один возвышенный, другой – низменный (как мы помним, в древних трагедиях Эрос был связан со смертью). И таким предстает и сам Сократ – снаружи безобразен, соответствуя природе балаганного персонажа, но внутри него находится прекрасное божество. Платон раскрывает зрителю внутреннее содержание прекрасного. То есть, несмотря на то, что Платон выводит античную культуру на новую ступень, в нем сохраняются черты архаичной культуры. Трагическое для Платона является таким же близким и неотъемлемым, как и для всей культуры античной Греции.

Подводя итог, мы можем заключить, что Платон, впитавший в себя всю предшествующую культуру античности, выстраивает философию на самой значимой культурной части – на трагедии, вбирая в себя и преобразовывая основные её компоненты. Он не подстраивает трагедию под свои запросы, а – что невероятно – на её почве создает то новое, что станет неотъемлемой частью античной культуры в целом. В эпоху Платона и Аристотеля трагедия находится в упадке, она уже не является отражением древнего культа, а является лишь прожитой и пережитой частью архаичного миропонимания, однако именно она даёт почву, на которой расцветет и станет собой античная философия. О смерти трагедии пишет и Ф. Ницше: «Здесь философская мысль перерастает искусство и принуждает его прильнуть к стволу диалектики» [9, с. 86].

Греческая философия досократиков не могла полностью отделиться от древнего миропонимания, когда главными вопросами являлись вопросы космогонии, потому что мудрецы жили еще в мире мифологическом – «сами философы, сами авторы умозрительных теорий еще продолжали чувствовать себя теургами и носителями “света истины”, пророками и боговдохновенными жрецами мысли (особенно Гераклит), в прошлом – богами» [1, с. 380].

Список литературы

1. Фрейденберг, О.М. Миф и литература древности / О.М. Фрейденберг. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 896 с.
2. Хайдеггер, М. Наука и осмысление / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – Москва: Республика, 1993. – 447 с.
3. Павленко, А. Теория и театр / А. Павленко. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 243 с.
4. Rutherford, I. State Pilgrims and Sacred Observers in Ancient Greece. A Study of Theōriā and Theōroi. – United Kingdom: Cambridge University Press, 2013. – 564 p.
5. Фестюжьер, А.-Ж. Созерцание и созерцательная жизнь по Платону / А.-Ж. Фестюжьер. – Санкт-Петербург: Наука, 2009. – 497 с.
6. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – Т. 4. – Москва: Мысль, 1983. – 830 с.
7. Ахутин, А.В. Поворотные времена / А.В. Ахутин. – Санкт-Петербург: Наука, 2005. – 743 с.
8. Платон. Сочинения: в 4 т. / Платон. – Т. 2. – Москва: Мысль, 1993. – 528 с.
9. Ницше, Ф. Полное собрание сочинений: в 13 т. / Ф. Ницше. – Т. 1. – Москва: Культурная революция, 2005. – 416 с.

References

1. Freidenberg O.M. Myth and Literature of Antiquity. Ekaterinburg: U-Factoria, 2008. 896 p. (In Russ.).
2. Heidegger M. Science and comprehension. Time and Being: *Articles and speeches*. Moscow: Ruspublika, 1993. 447 p. (In Russ.).
3. Pavlenko A. Theory and Theater. St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 2006. 243 p. (In Russ.).
4. Rutherford I. State Pilgrims and Sacred Observers in Ancient Greece. A Study of Theōriā and Theōroi. United Kingdom: Cambridge University Press, 2013. 564 p. (In Russ.).
5. Festujier A.-J. Contemplation and Contemplative Life according to Plato. St. Petersburg: Nauka, 2009. 497 p. (In Russ.).
6. Aristotle. Works. In 4 vol. Vol. 4. Moscow: Mysl, 1983. 830 p. (In Russ.).
7. Akhutin A.V. Turning times. St. Petersburg: Nauka, 2005. 743 p. (In Russ.).
8. Plato. Works. In 4 vol. Vol. 2. Moscow: Mysl, 1993. 528 p. (In Russ.).
9. Nietzsche F. Complete Works. In 13 vols. Vol. 1. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya, 2005. 416 p. (In Russ.).

Информация об авторе

ДРОЗДЕНКО Анастасия Сергеевна – магистрант II курса кафедры теоретической и социальной философии философского факультета ФГБОУ ВО НИИ «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», г. Саратов, Россия; eLibrary SPIN: 1034-7513.
E-mail: nstaheewa201@yandex.ru

Information about the author

DROZDENKO Anastasia S. – II year Master's student of the Department of Theoretical and Social Philosophy, Faculty of Philosophy, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky. Saratov, Russia; eLibrary SPIN: 1034-7513. **E-mail:** nstaheewa201@yandex.ru

НАШИ АВТОРЫ

БАНЬКОВСКАЯ Юлия Леонидовна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь; eLibrary SPIN: 3090-5675.

E-mail: ulia_bank@tut.by

ДРОЗДЕНКО Анастасия Сергеевна – магистрант II курса кафедры теоретической и социальной философии философского факультета ФГБОУ ВО НИИ «Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского», г. Саратов, Россия; eLibrary SPIN: 1034-7513.

E-mail: nstaheewa201@yandex.ru

ДУНАЕВ Владимир Юрьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан; eLibrary SPIN: 3081-7406.

E-mail: vlad.dunaev2011@yandex.kz

ЗАХАРОВА Людмила Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Гуманитарные и социальные дисциплины» ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет», г. Брянск, Россия; eLibrary SPIN: 1967-2594.

E-mail: tim-lyud@yandex.ru

КАЗАРЯН Валентина Павловна – доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», г. Москва, Россия; eLibrary SPIN: 8201-4661.

E-mail: kazaryanvp@mail.ru

КОЗЫРЬКОВ Владимир Павлович – доктор социологических наук, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии факультета социальных наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Россия; eLibrary SPIN: 3250-4770.

E-mail: kozir3@yandex.ru

КОЛОМИЕЦ Галина Григорьевна – доктор философских наук, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, профессор кафедры философии, культурологии и социологии ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», г. Оренбург, Россия; eLibrary SPIN: 4959-2442.

E-mail: kolomietsgg@yandex.ru

КОСАРЕВ Евгений Александрович – аспирант кафедры математических методов прогнозирования факультета вычислительной математики и кибернетики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», г. Москва, Россия.

E-mail: evgenijkkk@yandex.ru

КОСТЕЦКИЙ Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный академический институт им. И.Е.Репина при Российской академии художеств», г. Санкт-Петербург, Россия; eLibrary SPIN: 5878-8598.

E-mail: kostavictor@yandex.ru

КУРГАНСКАЯ Валентина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра политических исследований Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, г. Алматы, Республика Казахстан; eLibrary SPIN: 5551-0409.

E-mail: vkurganskaya@mail.ru

СЕБАСТОВ Кирилл Валерьевич – кандидат философских наук, магистр искусствоведения, доцент кафедры управления и экономики высшей школы ГУО «Республиканский институт высшей школы», г. Минск, Республика Беларусь.

E-mail: kirillsevastov@gmail.com

ТЮКАЕВА Галина Александровна – аспирант, ассистент кафедры «Компьютерные технологии и системы» ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет, г. Брянск, Россия; eLibrary SPIN: 4094-9069.

E-mail: miss.tolossky@yandex.ru

ФИЛАТОВ Тимур Валентинович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики», г. Самара, Россия; eLibrary SPIN: 7827-2703.

E-mail: tfilatoff1960@mail.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК СамГТУ». СЕРИЯ «ФИЛОСОФИЯ»

Все рукописи печатаются бесплатно. Все рукописи проходят проверку на наличие заимствований в системе «Антиплагиат». Все статьи проходят слепое рецензирование. О результатах рецензирования и решении редколлегии относительно принятия представленной статьи к публикации в журнале авторам сообщают по электронной почте.

Сведения об авторе(ах) должны содержать:

1. Фамилию, имя, отчество (полностью, при наличии) автора полностью.
 2. Полное и сокращенное официальное наименование основного места работы (или учёбы) с указанием структурного подразделения.
 3. Должность (образовательный статус – например, аспирант).
 4. Ученую степень, ученое звание (при наличии).
 5. eLibrary SPIN.
 6. Адрес личной электронной почты и телефон (для связи и переписки).
- Автор может факультативно указать иные дополнительные сведения о себе. Следует указать, с каким автором (если их несколько) следует вести переписку. Все сведения печатаются в строку (без пунктов) на русском и английском языках.

Заголовочный комплекс

Название должно содержать минимальное количество слов и максимально точно отражать суть текста (цель, основные результаты). Название не содержит вводных слов, четко сообщает читателям о предмете статьи. Её название не должно быть слишком длинным или слишком коротким и должно содержать не менее 3 и не более 15 слов (не считая предлогов).

Если у статьи несколько авторов, их фамилии и инициалы пишутся через запятую. Если авторы представляют разные организации, после каждой фамилии ставится надстрочная цифра, обозначающая принадлежность автора к одной из перечисленных ниже организаций. Приводятся только официальные (полные) названия организаций, недопустимы разговорные варианты – например, Губкинский университет (вместо Российский государственный университет нефти и газа им. И.М. Губкина). После названия организации (учреждения) указывается город, где она находится.

Например:

И.М. Светлов¹, Ф.А. Леонов¹, Ж.Р. Кашинская²

¹ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара, Россия

²ФГАОУ ВО ««Российский государственный профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург, Россия

Если у статьи один автор или их несколько, но все представляют одну организацию, надстрочная цифра после фамилий и перед названием организации не ставится.

Например:

Н.К. Великанов, У.Ю. Лебедева

ГАУ ДПО «Институт развития образования», г. Ярославль, Россия

Имя, отчество и фамилия (полностью), ученая степень, должность, место работы, город, адрес электронной почты авторов и eLibrary SPIN указываются **после текста статьи** (на русском и английском языке).

Например:

СУСЛОВ Иван Владимирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», г. Саратов, Россия; eLibrary SPIN: 4922-0479.

E-mail: suslov85@inbox.ru

SUSLOV Ivan V. – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy, Saratov State Law Academy, Saratov, Russia; eLibrary SPIN: 4922-0479.

E-mail: suslov85@inbox.ru

Правила оформления текста статьи

1. Статья должна быть тщательно отредактирована, должна отвечать требованиям к научной публикации.
2. Представляемая статья должна быть оригинальной и актуальной, иметь элементы научной новизны.
3. Материалы должны соответствовать профилю журнала.
4. Название статьи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать её содержанию.

Требования к оформлению аннотации

1. Аннотация представляется на русском и английском языках.
2. Информация в аннотации должна соответствовать содержанию статьи, обобщать информацию, представленную в статье.
3. Аннотация должна быть самостоятельным текстом. В ней не должен повторяться дословно текст самой статьи (нельзя копировать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), не следует использовать вводные слова и обороты.
4. Рекомендуемый объем аннотации – от 300 до 1000 печатных знаков с пробелами.

Ключевые слова

Ключевые слова – это отдельные слова или словосочетания, которые пользователи вводят в поисковые системы, чтобы найти необходимую информацию. Лучше использовать словосочетания. Ключевые слова обязательно должны встречаться в тексте статьи и отражать её суть. Рекомендуемый объем – не более 10 словосочетаний.

Основной текст статьи должен быть структурирован и разделен на разделы, количество которых вариативно (обозначать названия разделов в тексте не нужно).

Например:

Постановка проблемы. Коротко характеризуется состояние изученности выбранной темы, при необходимости приводится краткий обзор литературы. Основной акцент делается на недостаточно изученных проблемах.

Методы, методология исследования. Описываются используемые автором методы, приводятся аргументы в пользу привлечения тех или иных исследовательских программ.

Основная часть. Статья как жанр научной литературы должна отличаться от диссертации как квалификационной работы. В последней обязательны такие элементы, как актуальность исследования, степень разработанности проблемы, научная новизна и т. п. В статье не имеет смысла делать акцент на всех этих моментах.

Обсуждение. В этом разделе представлено доказательное изложение авторских научных идей, результатов исследования.

Результаты. Здесь содержатся выводы исследования, акцент делается на авторском вкладе в решение поставленной проблемы.

Статья может быть структурирована согласно внутренней логике изложения материала.

Рисунки и таблицы в статье (при их наличии) должны быть пронумерованы, рисунки должны иметь подрисуночные подписи, а таблицы – название. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи должна быть ссылка. Единственный рисунок или таблица не нумеруются, слово «рисунок» в подрисуночной подписи не указывается (но сама подпись обязательно должна быть).

Ссылка в статье на литературные источники – это номер источника в списке использованной литературы, заключенный в квадратные скобки. Например: [1]. Приводить в тексте статьи полное название книги или публикации, на которую автор ссылается, с ее выходными данными недопустимо. Размещать эту информацию в сносках внизу страницы также не следует.

Использованные источники. Список использованной литературы помещается после текста статьи. Количество источников не должно превышать 15. На каждый из представленных в списке источников должна быть ссылка в тексте статьи. Например: [1, 4], [6]. Если ссылки на источник в тексте нет, включать его в список литературы не нужно.

Библиографические записи оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.100-2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления», который введен в действие на территории Российской Федерации с 01.07.2019 г. Найти ГОСТ можно по ссылке:

<https://ifap.ru/library/gost/701002018.pdf>. Примеры библиографических записей приведены в приложении А (с. 107–123).

За ошибки и неточности научного и фактического характера, перевод аннотации ответственность несёт автор статьи. Предоставление в редакцию ранее опубликованных статей не допускается.

Оформление рукописи должно соответствовать следующим правилам:

- текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 97 (название файла о статье даётся по фамилии первого автора (например: Petrov_text.doc или Petrov_text.rtf);
- язык публикаций – русский. Перевод аннотации и ключевых слов должен быть сделан с учетом используемых в англоязычной литературе специальных терминов и правил транслитерации на английский язык. Возможен прием статей на английском языке с дублированием аннотации и ключевых слов на русском языке;
- формат бумаги А4;
- параметры страницы: поля – верхнее 3 см, левое и нижнее 2,5 см, правое 2 см, верхний колонтитул 2 см, нижний колонтитул 2 см;
- к публикации принимаются статьи объемом до 0,75 п. л., аналитические обзоры до 1 п. л., статьи аспирантов объемом до 0,5 п. л.; сообщения (краткая информация о научной проблеме, научной жизни, заметки о достижениях отдельных учёных или юбилейных датах, некрологи) в объёме от 0,2 до 0,4 п. л.; рецензии (до 0,5 п. л.).

Общий порядок расположения частей статьи

1. УДК (выравнивание по левому краю, 10 пунктов).
2. Название статьи на русском языке (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов). Информация о грантовой поддержке (при ее наличии) даётся на название статьи и выносится подстрочной ссылкой в конце первой страницы текста статьи (выравнивание по ширине, 10 пунктов).
3. Инициалы, фамилия автора(ов) (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).
4. Название основного места работы (учёбы), город (выравнивание по центру, 11 пунктов).
5. Аннотация на русском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).
6. Ключевые слова на русском языке (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).
7. Текст статьи (выравнивание по ширине, 12 пунктов). Текст должен быть тщательно отредактирован, все данные, цитаты и библиографические описания источников выверены. Не используется более одного пробела между словами. Все лишние пробелы следует удалить из текста. Для удаления лишних пробелов используйте в Word опцию «Найти – Заменить». Подчеркивание в тексте не применяется (смешивается с гиперссылками). Вместо подчеркивания используйте выделение курсивом или жирным шрифтом.

8. Благодарности – при их наличии (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов).

9. Список литературы (выравнивание по левому краю, 11 пунктов). Библиографический список не должен превышать 15 (для обзорных статей – 25) наименований, приводятся только источники, на которые есть ссылки в тексте (ссылки на неопубликованные и нетиражированные работы не допускаются).

10. Название статьи на английском языке (шрифт полужирный, все буквы прописные, выравнивание по центру, 12 пунктов).

11. Инициалы, фамилия автора(ов) на английском языке (шрифт полужирный, выравнивание по центру, 12 пунктов).

12. Название учреждения(ий) на английском языке (выравнивание по центру, 11 пунктов).

13. Аннотация на английском языке (выравнивание по ширине, 11 пунктов).

14. Ключевые слова (Keywords) на английском языке (курсив, выравнивание по ширине, 11 пунктов, даются через запятую).

15. Сведения об авторах на русском языке (фамилия, имя, отчество, ученое звание, ученая степень, должность с указанием подразделения, место работы с указанием организационно-правовой формы учреждения, адреса (юридического) и почтовый индекс, e-mail) (выравнивание по ширине, 12 пунктов).

16. Сведения об авторах на английском языке.

Редакция не берет на себя обязательства по срокам публикации и оставляет за собой право редактирования, сокращения публикуемых материалов и адаптации их к рубрикам журнала.